

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

ВЕСТНИК

Московского института лингвистики

№ 1 / 2012

Соучредители: «Московский институт лингвистики»
«Московский финансово-экономический институт»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор.
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор.
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор.
Егоров М.А., доктор филологических наук, профессор.
Караулов Ю.Н., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Коттхофф Хельга, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор.
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор.
Поляков Ф.Б., доктор филологических наук, профессор, Венский университет, Австрия.
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор.
Слышкин Г.Г., доктор филологических наук, профессор.
Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор.
Тер-Минасова С.Г., доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор.
Шоре Элизабет, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.

Редакционная коллегия

Терентий Л.М. – ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», кандидат политических наук, *главный редактор*.
Багрова А.Я., кандидат педагогических наук, доцент.
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*.
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора*.
Кирсберг И.В., доктор философских наук, профессор.
Климачев В.В., кандидат экономических наук, доцент.
Рыжук Н.С., кандидат филологических наук, доцент.
Сазанов А.В., доктор исторических наук, профессор.
Усачев Е.В., проректор по внешним связям МИЛ.
Хаимова В.М., кандидат филологических наук, доцент.
Шишканов И.В., кандидат филологических наук, доцент.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а

e-mail: vm@inyaz-mil.ru

Москва 2012

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2012

ISBN 9-785904-360085

ISSN 2222-9283

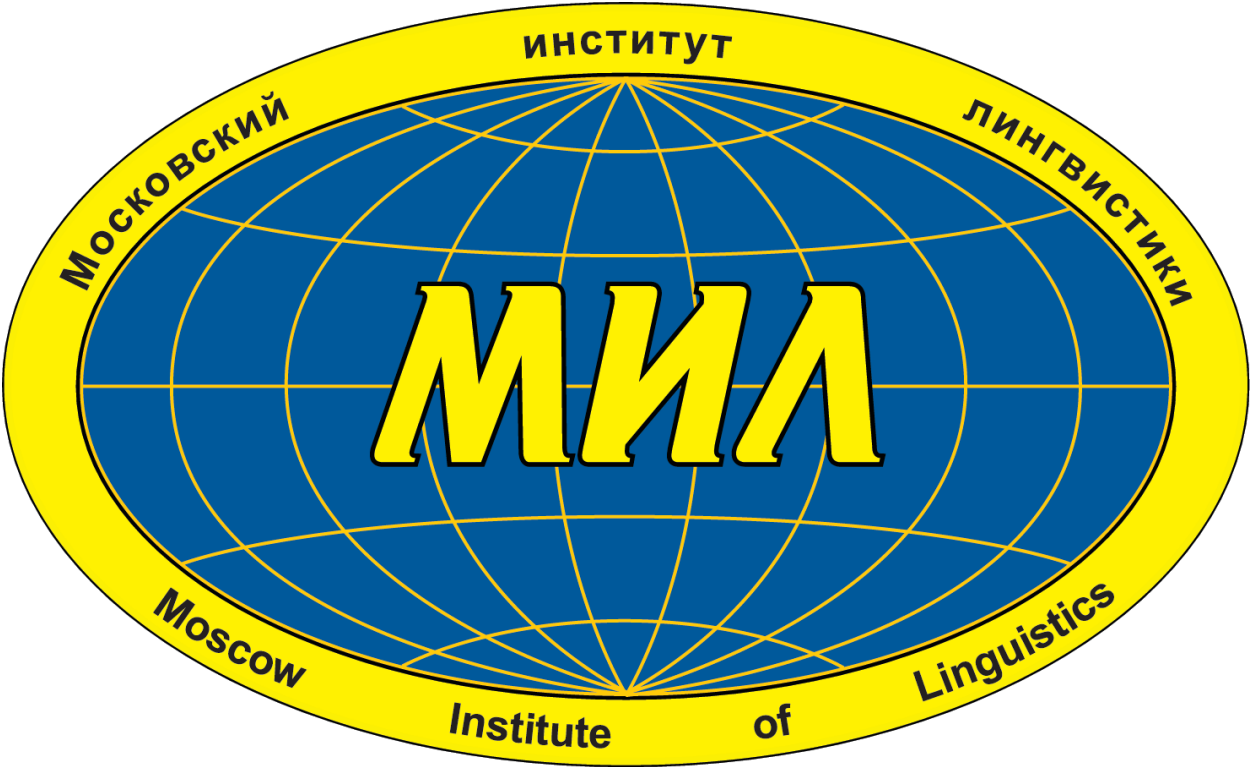

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0211. Усл. печ. л. 11,7. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»

150008, г. Ярославль, Столярная улица, д. 14

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Александрова М.Л. Проблема связки как организующего элемента предложения....	6
Багрова А.Я. Основные компоненты содержания обучения иностранному языку в общеобразовательной школе.....	10
Есимханова Н.А. Актуальные вопросы культуры педагогического общения в современной социолингвистической ситуации.....	16
Караулов Ю.Н., Елистратов В.С., Ружицкий И.В. О проекте «Словарь языка И.С. Тургенева: информационно-поисковая система».....	22
Летяйкина Т.А. Специфика английского языка в текстах тематических блогов.....	26
Плюснина А.В. Влияние социального фактора специализации на восприятие письменной речи в гендерном аспекте.....	32
Раскина Е.Ю. Художественный мир персидской миниатюры в поэзии Н.С. Гумилева.....	40
Попова Г.Н. Поэтика дома в романном творчестве И.А. Гончарова.....	48
Казарин В.П. Что видел Пушкин в Бахчисарае в наверхии Портала Алевиза, или Ошибка братьев Чернецовых.....	52
Палкин А.Д. Роль и место психолингвистики в антропологической парадигме.....	58
Остапенко И.В. Картина мира: литературоведческий подход.....	72

ТУРИЗМ: НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Никоноров С.М. Роль и место рекреационных зон в системе рационального природопользования.....	80
---	----

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Веселкова Е.Е. Процессуальные права инвесторов.....	92
---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыбакова Н.А. Самоактуализация педагога в профессиональной деятельности и условия её становления.....	100
---	-----

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Межвузовский научно-практический Круглый стол «Электронный учебник как инструмент преподавания гуманитарных наук», 15 июня 2012 года.....	106
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	112
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ	113
-------------------------	-----

CONTENTS

LINGUISTIC RESEARCHES

M.L. Alexandrova. The Evolution Of Views On The Constructions Of The Copula.....	6
A.Y. Bagrova. Key Components Of Foreign Language Teaching Content In Comprehensive School.....	10
N.A. Esimhanova. Current Issues Of Teacher's Cultural Communication In Modern Sociolinguistic Situation.....	16
Yu. N. Karaulov, V.S. Elistratov, I.V. Ruzhitsiy. E-Information Retrieval System in “I. Turgenev’s Language”.....	22
Letyikina T.A. Features of the English Language in Thematic Blogs Texts.....	26
A.V. Plusnina. Social Factor Specialization Impact on Written Speech Perception in Terms of Gender Perspective.....	32
E.Y. Raskina. Artistic World of Persian Miniatures in Nikolai Gumilev Poetry.....	40
G.N. Popova. Poetics Of Home In I.A. Goncharov’s Novelistic Works.....	48
V.P. Kazarin. What Pushkin Saw in Bakhchisarai in the Top of the Portal of Aleviz or Chernetsov Brothers’ Mistake.....	52
A.D. Palkin. Role and Place of Psycholinguistics in Anthropological Paradigm.....	58
I.V. Ostapenko. Linguistic World Image: Literature Study Approach.....	72

TOURISM: SCIENTIFIC SPACE

S.M. Nikonorov. The Role and the Place of Recreation Areas in the System of Environmental Management.....	80
--	----

MANAGEMENT: SCIENTIFIC ANALYSIS

E.F. Veselkova. Investors Procedural Right.....	92
--	----

PEDAGOGICAL STUDIES

N.A. Rybakova. Teachers’ Professional Self-Actualization and Pre-Conditions for its Development.....	100
---	-----

SCIENTIFIC EVENTS

Inter Academic Round Table on Theoretical and Practical Aspects “Electronic Text Book as a Tool in Teaching Humanities” June, 15th, 2012	106
---	-----

NOTES ON CONTRIBUTORS.....	112
-----------------------------------	-----

INFORMATION.....	113
-------------------------	-----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.00

М.Л. Александрова

ПРОБЛЕМА СВЯЗКИ КАК ОРГАНИЗУЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье автор анализирует существующие концепции связки и связочных конструкций и делает попытку определить основные проблемы, связанные с эволюцией воззрений на значение глагольной связочности, ее статус и роль, а также сущность основных подходов к ее изучению.

Ключевые слова: связка (связочный глагол) / копула (копулятивный глагол), концепции связки в логике, концепции связки в лингвистике, грамматический подход, лексико-грамматический подход.

M.L. Alexandrova

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE CONSTRUCTIONS OF THE COPULA

The author analyzes the existing concepts of the copula and the constructions of the copula, and attempts to identify the main problems associated with the evolution of views on the importance of verbal copula, its status and role, and the nature of the main approaches to its study.

Key words: link/linking verb, copula/copula verb, the concepts of the copula in the logic, the concepts of the copula in linguistics, the grammatical approach, the lexical-grammatical approach.

Значение глагольной связочности в языке неоднократно становилось объектом многих лингвистических исследований, поскольку эта проблема затрагивает вопрос как о синтаксической структуре предложения, так и вопрос о ее роли и статусе в синтаксических конструкциях именного типа. Для обозначения связочного глагольного элемента в именной конструкции в лингвистической литературе используются термины «связка»/«связочный глагол» и «копула»/«копулятивный глагол».

Впервые понятие связки возникло в логико-грамматических концепциях языка греческих мыслителей. В логической структуре предложения-суждения, представленной формулой *S est P*, связка «*est*» является постоянным компонентом и выражает отношение между субъектом и предикатом [Арутюнова 1999: 453]. Таким образом, первичным для связки являлось значение бытия, выраженное глаголом существования «*быть*», поскольку истинность суждения является отношением к действительности. Однако Аристотель полагал, что связка утратила «вещественное» значение и «указывает лишь на некую связь, которую, однако, нельзя мыслить без составляемых» [там же: 454]. То есть связка – синкатегорематическое слово, выполняющее две функции: выражение синтаксической соотнесенности субъекта с предикатом и утверждение истинности суждения. В лингвистике сочетанием этих функций определяется предикативное отношение. Концепции связки, сложившиеся в период античной и средневековой науки в XVII в. нашли свое отражение во всеобщих (спекулятивных) грамматиках, имеющих логические основания. Грамматисты Порталя выделяют в предложении два обязательных члена – субъект и атрибут, между которыми находится связка.

В XVIII – 1-ой половине XIX вв. такие русские языковеды, как М.В. Ломоносов, Л.-Г. Якоб, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и др., продолжали развитие концепции связки, сложившейся в европей-

ских всеобщих грамматиках. Связка продолжала считаться необходимым компонентом предложения-суждения. Так, А.Х. Востоков пишет, что «всякое предложение состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым», однако, продолжает он, «между подлежащим и сказуемым должна быть связь» [Востоков 1852: 222]. Следуя общей для логизированных грамматик тенденции к унифицированному анализу глагольных и именных сказуемых, автор объединяет связку со сказуемым. Следовавший логической традиции Ф. И. Буслаев, на основании того, что «самим сказуемым обозначается уже его связь с подлежащим» [Буслаев 1959: 8], также не выделяет связку в качестве третьей самостоятельной составляющей предложения-суждения. И.И. Давыдов, анализируя состав предложения суждения, утверждал, что «сверх двух существенных элементов в предложении находится связь, которую сказуемое с подлежащим соединяется в одно целое» [Давыдов 1854: 272]. По Давыдову, данная связь выражается или глаголом «*есть*», или же окончанием сказуемого. Позднее, в соответствии с новыми направлениями мысли, проблема связки видоизменялась, но продолжала изучаться в рамках предикативного отношения, а также в рамках структуры и значения именного сказуемого. Таким образом, сохранив позицию только компонента составного именного сказуемого, связка выражает его грамматические значения и представлена глаголом «*быть*», либо его лексикализованными эквивалентами – полусвязочными глаголами.

К концу XIX в. наблюдается рост интереса грамматистов к форме и типологическим особенностям языка, посредством которого осуществляется отход от логических оснований синтаксиса. Так, бытийная связка все больше ассоциируется с лингвистической проблематикой, а именно с ее грамматическими, типологическими и семантическими основаниями. Р. Зимек утверждает, что «связку в грамматике следует понимать иначе, чем в логике: необходимо руководствоваться подлинно лингвистическим кри-

териум» [Цит. по: Арутюнова 1999: 457]. С новой волной влияния на лингвистику логических теорий (начало XX в.), в которых связку поглотило более широкое понятие пропозициональной функции, связка была объединена с признаковым значением, то есть предикатом. Таким образом, к концу XX в. вопрос о месте связки в логике и в лингвистике не нашел своего разрешения, однако в настоящее время наблюдается тенденция к изучению связки как лингвистического явления.

На сегодняшний день еще одним спорным вопросом является вопрос о взаимодействии лексического и грамматического значений в связочном глаголе, т.е. считать ли связку единицей грамматического или лексико-грамматического плана. Существуют различные точки зрения на определение сущности связочного глагола и его функций, которые могут быть сведены к двум основным подходам: грамматическому и лексико-грамматическому.

В соответствии с грамматическим подходом связка обладает лишь грамматическим значением, что исключает возможность реализации ее лексического наполнения. Подобное понимание сущности глагола-связки представляет классическую точку зрения признанных отечественных ученых (В.В. Виноградов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба). Согласно данному подходу, все определения связочного глагола свидетельствуют о понимании лингвистами его роли в предложении как грамматического компонента, служащего целям организации структуры высказывания и выражению логического отношения между субъектом и именным предикатом. В результате статус связочного глагола в лингвистической литературе определяется как служебный. Служебные слова в лингвистике определяются как «лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности».

Так, например, А.А. Потебня, считая связку особым словом, заключающим в себе предикативную связь, но важное не само по себе, а как средство присоединения атрибута к подлежащему, утверждает, что связка в противоположность вещественному имеет формальное значение, что отрицает существование логической связки. А.А. Шахматов также считает связку служебным словом, служащим «для соединения в составе одного предложения членов его между собой» [Шахматов 1941: 46]. Вслед за Шахматовым и В.В. Виноградовым, грамматисты ставят связочный глагол в один ряд с такими служебными словами, как предлоги, союзы и частицы.

Классический подход, таким образом, базируется на признании за связочным глаголом лишь чисто грамматической функции соединения слов. Подобные идеи развиваются в более поздних работах отечественных и зарубежных лингвистов. Дж. Лайонз, определяя связочный глагол как «фиктивный», считает его семантически пустым: «связка – это не лексическая единица, а чисто грамматический «фиктивный» глагол» [Лайонз 1978: 367]. Автор утверждает, что связка порождается грамматическими правилами языка в случае отсутствия в предложении глагольного элемента, который обычно «несет» в себе определенные признаки.

Однако ряд лингвистов (Н.Ю. Шведова, В.Н. Белоусов, Г.К. Касимова, В.Н. Ярцева и др.) выражают сомнение по поводу определения связочного глагола как единственно «оформителя грамматической предикативности». Так, по мнению О.С. Ахмановой, «грамматическое значение не существует реально как таковое отдельно от лексического» [Ахманова 1957: 68].

Таким образом, в рамках лексико-грамматического подхода считается, что реализация связочного значения возможна не только традиционно признаваемым связочным глаголом «быть», но также другими, различными по лексическому содержанию глаголами. Связочному глаголу свойственно указание не на существование или возник-

новение самого предмета, а на существование или появление в нем новых свойств и качеств. В этом заключается отличие предложений со связочным глаголом в именной конструкции от бытийных предложений. Н.Ю. Шведова считает значение связочного глагола опосредованным, а «собственно признак обозначается глаголом только в совместной реализации с другим словом», связочный глагол, таким образом, выполняет функцию указания на существование или появление какого-либо признака, характеризующего субъект [Шведова 1964: 323]. Связочным глаголам несвойственно называть действие, что отличает их от смысловых (знаменательных) глаголов, однако они обладают определенным, хотя в некоторых случаях и очень обобщенным, лексическим значением. Об этом свидетельствует функционирование в языке так называемых полуслужебных связок, которые в силу частого использования их в функции связочных обнаруживают высокую степень грамматикализованности. Это означает утрату ими в значительной степени лексического значения и сохранение в своей семантике лишь указания на форму существования признака, выраженного предикативом. Выполняя функцию грамматического соединения субъекта и предиката предложения, представленного именем, такой глагол сохраняет

обобщенное лексико-грамматическое значение перехода в новое состояние или сохранение состояния.

Таким образом, как показывает анализ литературы, понятие связки / связочного глагола на протяжении нескольких веков рассматривается и логиками, и лингвистами. Логика изучают связку в рамках предикативного отношения и в рамках структуры и значения именного сказуемого. В результате чего связка была объединена с предикатом. Лингвисты же изучают грамматические, типологические и семантические особенности связки. Так, к XX в. связка не находит своего места ни в логике, ни в лингвистике. Что подтверждается материалом китайского языка, где отсутствует понятие «бытия», однако широко используются связочные глаголы. Различные толкования связки порождали развитие определенных теорий, в результате чего оформились два основных подхода к определению сущности и функций связки. Сторонниками первого, классического, подхода являются многие признанные отечественные лингвисты. Однако многие лингвисты выражают сомнение по поводу употребления связочного/копулятивного глагола в единственно грамматической функции. Наличие сторонников у каждого подхода свидетельствует об отсутствии однозначного решения данной проблемы в настоящее время.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
Востоков А.Х. Сокращенная русская грамматика / А.Х. Востоков. – СПб., 1852.
Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1959.
Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И.И. Давыдов. – СПб., 1854.
Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М., 1941.
Джон Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978.
Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова – М., 1957.
Шведова Н.Ю. Изменения в системе простого предложения // Изменения в системе простого и осложненного предложения / Н.Ю. Шведова. – М., 1964.

А.Я. Багрова

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье раскрыто понятие содержания обучения иностранному языку, проанализированы разные подходы и точки зрения исследователей. На основе общедидактических концепций содержания обучения показана специфика содержания обучения иностранному языку в средней школе и осуществлён анализ его компонентов.

Ключевые слова: компоненты содержания, знания, учебные и речевые навыки и умения, эмоционально-оценочные отношения, лингвострановедческий аспект, социокультурный компонент

A.Ya. Bagrova

KEY COMPONENTS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING CONTENT IN COMPREHENSIVE SCHOOL

The article dwells on the notion of the content of foreign language teaching and various research approaches and view points are analyzed. On the basis of general didactic concept of learning content the paper reveals particularity of the content of learning in secondary school. The analysis of the content of learning is also under view.

Key words: learning components, knowledge, learning and speaking skills and competence, emotional and appraisal attitude, country studies, linguistic and cultural studies, cultural awareness.

Проблема содержания в методике обучения иностранным языкам продолжает оставаться одной из самых актуальных. Немаловажное значение имеет взаимосвязь содержания обучения с социальным заказом общества. С развитием общества, а также в связи с историческими преобразованиями в мире меняются и цели, и содержание обучения в целом.

В зависимости от потребностей общества статус предмета иностранного языка меняется от понимания его как «буржуазного предрассудка» в послереволюционной России до признания его роли как посредника в сотрудничестве и общении разных народов и культур.

В связи с изменением потребностей в специалистах по иностранным языкам в содержании обучения акцент перемещался с овладения языковыми аспектами на основе грамматико-переводных методов на овладение речью, формирование коммуникативной компетенции учащихся.

В настоящее время растёт роль иностранного языка как школьного предмета в обучении не только самому языку, но также иноязычной культуре носителей этого языка.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение понятия содержания обучения и его компонентов для выявления возможностей оптимизации содержания обучения иностранному языку в новых исторических условиях. Представляется важным выяснить, существуют ли факторы, влияющие на содержание обучения, есть ли резервы пополнения содержания обучения в наше время, когда эта проблема уже достаточно разработана в различных исследованиях в области методики.

Поэтому, прежде всего, мы считаем необходимым раскрыть само понятие содержания обучения, проанализировать и сопоставить разные подходы и точки зрения различных исследователей и, исходя из общедидактических концепций содержания обучения, показать специфику содержания обучения иностранным языкам в средней школе, а также сделать анализ его компонентов.

Традиционно под содержанием обучения в самом общем смысле понимается всё то, «чему следует учить учащихся». Некоторые методисты считают, что составными частями содержания обучения являются знания конкретного языкового материала (лексика, грамматика, фонетика, орфография) умения и навыки, тематика для устной речи и чтения, тексты, языковые понятия, отсутствующие в родном языке.

Современные отечественные и зарубежные исследователи рассматривают содержание обучения как постоянно развивающуюся категорию, в которой отражаются предметный и процессуальный аспекты. Первый аспект, как правило, соотносится с разнообразными знаниями, вовлекаемыми в процесс обучения учебному предмету. Второй аспект – это собственно навыки и умения использовать приобретаемые знания с целью осуществления устной или письменной коммуникации. Данные компоненты (знания, навыки и умения) наиболее часто встречаются у разных авторов. В то же время в теории обучения иностранным языкам до настоящего времени нет единой точки зрения на проблему компонентного состава содержания обучения иностранным языкам.

Наиболее распространённая среди методистов точка зрения на содержание обучения иностранным языкам основывается на общепедагогической трактовке этой категории, которая предусматривает в своём составе знание о мире, опыт осуществления способов деятельности, опыт творческой деятельности, а также опыт эмоционально-отношения к объектам действительности, обретаемый в процессе обучения. Таким образом, помимо знаний, навыков и умений в состав содержания обучения входит также опыт эмоционально-оценочного отношения учащегося. Это значит, что в содержание обучения иностранному языку, как любому другому учебному предмету, включается не только то, что можно услышать и увидеть на уроке, что эксплицитно выражено или наглядно представлено субъектами учебного процесса, но и их чувства и эмоции, а так-

же те психические процессы, которые протекают в их сознании в процессе познания чужой лингвокультуры. Иными словами, содержание обучения иностранным языкам составляет всё то, что вовлекается в преподавательскую деятельность учителя, учебную деятельность учащегося, учебный материал, а также его усвоение.

Содержание обучения рассматривается также как сложное диалектическое единство, складывающееся определённым образом из взаимодействия организованного учебного материала (содержание учебного предмета) и процесса обучения ему.

Согласно этой концепции, содержание обучения иностранным языкам состоит из:

- содержания учебного предмета, в которое входят основные единицы методической организации материала (слова, типовые фразы, текст, тема как потенциальный текст) и основные типы упражнений;

- педагогического процесса, то есть процесса формирования иноязычных знаний, навыков и умений.

И если выстроить линейно все компоненты содержания обучения, то в рамках этой концепции можно говорить о языковом материале, текстах, теме, упражнениях, знаниях, навыках и умениях.

Под содержанием обучения иностранным языкам понимаются также промежуточные умения, языковые навыки, тексты в графическом и звуковом оформлении, темы и ситуации, в пределах которых формируются речевые умения, языковые понятия, отсутствующие в родном языке учащихся.

В методике обучения иностранным языкам нет единого подхода к выделению компонентов содержания обучения. Это можно объяснить спецификой иностранного языка как учебного предмета, который долгое время не находил себе места в общей системе содержания образования и рассматривался в дидактике в основном в связи с предметами, изучающими основы наук.

В отечественной методике обучения иностранным языкам вопрос о составных частях содержания обучения является спор-

ным. Однако такие компоненты, как языковой материал, знания, умения и навыки, тематика, тексты и языковые понятия, не свойственные родному языку, находят своё отражение в большинстве классификаций содержания обучения ведущих методистов.

Языковой материал, однако, не исчерпывает содержания обучения, так как его усвоение – это лишь база для развития умений и навыков устной речи и чтения, формирующихся не только на основе различного языкового материала, но и на основе связанного целого, которое выступает в виде звучащих текстов или текстов в графическом оформлении. Отсюда следует правомерное включение текстов и тематики в содержание обучения.

Несколько по-другому решается вопрос о знаниях, навыках и умениях. Прежде всего, хотелось бы отметить, что для иностранного языка, ведущей функцией которого является речевое общение, основными единицами содержания выступают виды речевой деятельности: выражение мысли в устной форме (говорение); в письменной форме (письмо); восприятие и понимание на слух (аудирование); восприятие и понимание письменной речи, текстов (чтение).

Каждый вид речи представляет собой сложную и своеобразную систему умений творческого характера, основанных на знаниях и навыках.

В ходе обучения иностранным языкам у учащихся формируются самые разнообразные умения и навыки. К ним традиционно принято относить речевые употребления (умение говорить, аудировать, читать и понимать и т.п.), навыки употребления лексики, грамматики или произносительные навыки, входящие как элементы в состав речевых умений. Всё выше перечисленное бесспорно входит в содержание обучения, поскольку является базой для достижения практической цели обучения иностранным языкам.

Таким образом, под содержанием обучения иностранным языкам следует понимать языковой материал (фонетический,

лексический, орфографический, грамматический), тематику, звучащие тексты, тексты в традиционной орфографии, языковые понятия, не свойственные родному языку обучающегося, а также лексические, грамматические, произносительные, орфографические навыки и умения обращаться к справочной литературе при работе над языком.

Как было отмечено выше, в отечественной методике имеют место различные подходы к определению составных частей содержания обучения иностранному языку. Остановимся на некоторых из них подробнее.

В качестве примера приведём, прежде всего, подход к содержанию обучения И.Л. Бим, которая в качестве основных компонентов содержания выделяет следующие: экстралингвистический фактор, экстралингвистическую информацию. Это мысли, духовные ценности, культура, невербальные средства общения [Бим 1989].

Известный методист С.Ф. Шатилов несколько иначе классифицирует компоненты содержания обучения [Шатилов 1986]. Он выделяет 4 основных аспекта:

1. Языковой материал, который должен быть соответствующим образом организован. Существует также 3 уровня его организации:

- а) слово «готовые фразы» (штампы);
- б) речевой образец (предложение, фраза);
- в) текст, тема.

2. Навыки и умения, которые обеспечивают владение разными видами речевой деятельности.

3. Система упражнений.

4. Текстовый материал.

Как и другие лингвисты, психологи и методисты, из понимания диалектического единства «языка» и «речи» исходит Г.В. Рогова, анализируя содержание обучения иностранным языкам [Рогова 1988]. Она выделяет 4 компонента содержания обучения. В качестве первого компонента Г.В. Рогова выделяет лингвистический, иными словами, языковой материал: строго отобранный фонетический, грамматический, лексический

минимумы и речевой материал, а также образцы речевых высказываний разной протяжённости, ситуативно-тематически обусловленные.

Второй компонент – психологический, то есть формируемые навыки и умения. Третий – методологический, который связан с овладением учащимися приёмами учения, познанием нового для них предмета, развитием самостоятельного труда.

Известно, что содержание обучения зависит от социального заказа, который заставляет усилить коммуникативную сторону, что отражается в «трансформации целей»: обучение иноязычной речи (обучение иноязычной речевой деятельности, обучение общению). Все они в комплексе взаимосвязаны, взаимозависимы и проявляются в виде обучающего, развивающего и воспитательного результата. И только культура в различных её проявлениях содействует формированию личности человека. Методисты дают определение новому понятию, которое также включено в содержание обучения. Это – «иноязычная культура».

«Иноязычная культура» – всё то, что способен принести учащимся процесс овладения иностранным языком в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах. Е.И. Пассов в сотрудничестве с другими методистами выделяет элементы, составляющие содержание «иноязычной культуры» [Пассов 1991]. К ним относят:

1. Совокупность знаний об изучаемом языке, о функциях иностранных языков в обществе, о культуре страны изучаемого языка, о способах наиболее эффективного овладения языком как средством общения, о возможностях влияния процесса обучения на личность учащихся. Всё это авторы называют условным элементом – знание.

2. Опыт осуществления речевой и учебной деятельности – учебные и речевые навыки.

3. Умение осуществлять все речевые функции, необходимые для удовлетворения своих потребностей и потребностей общества.

4). Опыт эмоционального отношения к процессу овладения иноязычной культурой, к учителю и товарищам как речевым партнёрам, к иностранным языкам как учебному предмету, к роли иностранных языков в жизни общества – ответ, обращённый на систему ценностей личности, иными словами – мотивация.

Таким образом, определены 4 аспекта, влияющие на содержание цели обучения, а следовательно, и на содержание обучения иностранным языкам в целом [Пассов, 1991].

Анализируя современные подходы к содержанию обучения, необходимо отметить подход, предлагаемый И.Л. Бим, который определяет минимальный, достаточный для осуществления общения уровень овладения иностранным языком – это «базовый уровень» [Бим 1989]. В настоящее время первостепенной задачей является приведение целей обучения в соответствие с современным социальным заказом и создание реальных условий обучения. Для этого И.Л. Бим предлагает:

1). Установить такое соотношение целевых коммуникативных умений, которые отвечали бы конкретным образовательным потребностям и условиям обучения.

2). Вычленив разные уровни овладения целевыми умениями. Чем выше планируемый уровень, тем большее количество часов потребуется для его достижения.

Базовый уровень должен служить надёжной основой для дальнейшего изучения иностранного языка, и, только достигнув его, можно двигаться вперёд, совершенствуя своё владение языком.

Сущность базового уровня заключается в следующем: оптимальное обучение иностранному языку невозможно без определённого, заранее заданного планируемого результата, а также без учёта занятий языком как учебным предметом по часам, строго определённым в зависимости от того, с какого класса начинается обучение иностранному языку.

Отбор содержания обучения зависит и от конкретных условий обучения –

избранной школы, типа учебного плана. Остановимся на рассмотрении компонентов содержания обучения, представленных И.Л. Бим на примере содержания базового обучения.

К умениям, как одному из основных компонентов содержания обучения, относится на данном уровне чтение и является при этом доминирующим целевым умением. При этом планируемый результат предполагает умение в таких видах чтения, как просмотровое, ознакомительное и изучающее.

Обучение устно-речевому общению решается на данном этапе в процессе решения элементарных коммуникативных задач: познакомиться, расспросить, сообщить и т.п.

Второй компонент содержания обучения – языковой материал в рамках базового уровня строго ограничен, при этом активный грамматический минимум должен включать в себя овладение лишь теми явлениями, без которых невозможно речевое общение на языке. Рецептивный же минимум обеспечит лишь понимание элементарных текстов и газетных статей.

Характерными аспектами в плане содержания базового уровня, относящимися к предметным и умственным действиям с иноязычным материалом, И.Л. Бим называет:

- 1) общие учебные умения;
- 2) специальные учебные умения.

Соотнесённость всех факторов позволяет создать условную модель естественной языковой сферы и необходимый для обучения общению коммуникативно-деятельный фон.

Таким образом, при разработке программы обучения иностранным языкам в школе следует иметь в виду все выше перечисленные точки зрения ведущих методистов в плане содержания обучения и при возможности включать в учебный план, так как они послужат основой более продуктивному достижению главной цели – коммуникативной.

Вопросы содержания обучения являются центральной проблемой перестройки преподавания иностранных языков в средней школе. При их разработке наиболее эф-

фективным представляются идеи обучения не просто языку, а иноязычной культуре в широком смысле этого слова.

При этом отмечается, что обучение иноязычной культуре должно использоваться не только как средство межличностного общения, но и как средство обогащения духовного мира личности на основе приобретения знаний о культуре страны изучаемого языка (история, литература, музыка и т.д.), знаний о строе языка, его системе, характере, особенностях и т.д.

В государственном стандарте уровня обучаемости по иностранным языкам отмечается, что формирование коммуникативной компетенции также неразрывно связано и с социокультурными и страноведческими знаниями, иными словами, как бы с «вторичной социализацией». Без знания социокультурного фона нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах. Современные методические исследования базируются также на лингвострановедческом подходе в обучении иностранным языкам. При этом выделя-

ется лексика со страноведческим компонентом (фоновая и безэквивалентная лексика в терминах Е.М. Верещагина и В.С. Костомарова), страноведческие сведения, затрагивающие самые различные стороны жизни страны изучаемого языка, её истории, литературы, науки, искусства, а также традиции, нравы и обычаи [Верещагин и Костомаров 1990, Бим 1989].

Лингвострановедческий аспект служит для фиксации страноведческих сведений в единицах языка, способствует обогащению предметно-содержательного плана.

Поскольку основным объектом является не страна, а фоновое знание носителей языка, их невербальное поведение в актах коммуникации, в обобщённом виде их культура, то правомерным является введение социокультурного компонента в содержание обучения иностранным языкам, на базе которого учащиеся формируют знания о реалиях и традициях страны, включаются в диалог культур, знакомятся с достижением национальной культуры в развитии общечеловеческой культуры.

Литература

Бим И.Л. Обучение иностранному языку. Поиск новых путей // Иностранный язык в школе. – 1989. – №1. – С. 12–26.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. – 3 изд. Переработанное и дополненное. – М.: Русский язык, 1990. – 248с.

Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. – 2 изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223с.

Рогова Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 232с.

Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 232с.

Н.А. Есимханова

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ**

Статья посвящена актуальным аспектам формирования культуры профессионально-педагогического общения будущих учителей с использованием инновационных технологий обучения.

Ключевые слова: культура, общение, обучение, методология.

N.A. Esimhanova

**CURRENT ISSUES OF TEACHER'S CULTURAL COMMUNICATION
IN MODERN SOCIOLINGUISTIC SITUATION**

The article deals with topical issues of using innovative education technologies in the process of developing the culture of future teachers' professional and pedagogical communication.

Key words: culture, communication, training, methodology.

Особая значимость сегодня придается формированию такого компонента общей педагогической культуры, как культура профессионально-педагогического общения будущего учителя, обеспечивающая развитие интегративно-профессионального мышления, расширение общекультурного кругозора, формирование профессиональной коммуникабельности будущего специалиста.

Формирование культуры профессионально-педагогического общения является потребностью практического преподавания в высшей школе. Умение культурно общаться в профессиональной сфере можно и необходимо развивать у студентов вуза – будущих учителей, поскольку владение эффективными способами правильной и культурной организации общения во многом предопределяет успешность профессиональной деятельности, обеспечивает быструю адаптацию и высокий уровень профессионализма молодого специалиста. Очевидным является и то обстоятельство, что для эффективного сотрудничества с другими субъектами педагогического процесса (учениками, родителями, коллегами, школьной администрацией и т.д.) в различных сферах педагогической деятельности, успешной реализации своих жизненных потребностей будущий учитель должен обладать высоким уровнем культуры профессионально-педагогического общения. Особое значение в аспекте нашего исследования приобретают работы ведущих ученых, раскрывающие общетеоретические и методологические аспекты подготовки будущих учителей: Л.И. Рувинского, В.А. Сластенина, Г.И. Фельдштейна, И.Ф. Харламова. Общим проблемам профессиональной подготовки будущего учителя посвящены работы О.А. Абдуллиной, С.Г. Вершловского, К.К. Закирьянова, З.А. Исаевой, И.П. Раченко, Ж.Е. Сарсеевой и др., в которых определены основные профессиональные требования к будущему учителю [Есимханова 2010: 3]. Результаты

исследований, посвященные актуальным аспектам проблемы профессиональной деятельности в образовательном процессе в педагогическом вузе, показывают, что предпочтение отдается традиционной методике преподавания дисциплин педагогического и специального циклов, а инновационные процессы современных методик остаются на стадии «апробирования».

Наше исследование посвящено актуальным вопросам теоретического обоснования целостной системы формирования культуры профессионально-педагогического общения будущих учителей с использованием инновационных технологий. Проблемам теории и практики профессиональной подготовки будущих учителей в вузе, как отмечалось выше, уделялось немало внимания. Важность исследований в данном направлении определяется актуальностью активного процесса формирования культуры профессионально-педагогического общения будущих учителей на основе применения инновационных технологий обучения. Несмотря на то, что исследования по подготовке педагогических кадров в вузах охватывают многие аспекты обучения и воспитания будущих учителей, вопросы культуры профессионально-педагогического общения в современной социолингвистической и поликультурной ситуации недостаточно разработаны. Практическая деятельность педагога охватывает разнообразный круг контактов с обучаемыми, с коллегами, с родителями и т.д., и от глубоких теоретических знаний коммуникативных процессов культуры общения зависит результативность работы учителя.

Стержневым качеством в облике современного учителя является культура профессионально-педагогического общения, т.к. от стиля взаимоотношений учителя и учащихся зависит решение учебно-воспитательных задач. Одной из составляющих культуры является знание национального этикета – сложной системы знаков вербального и невербального

общения, указывающих на отношение к другому человеку, собеседнику, оценку его и в то же время оценку самого себя, своего положения относительно собеседника. Этикет включает в себя вербальные и невербальные формы. Речевой этикет вербально (словесно) обслуживает различные формы поведения и представляет стереотипы (речевые штампы, словесные формулы, устойчивые выражения), употребительные в типовых, часто встречающихся в повседневной жизни, ситуациях общения. Коммуникативные ситуации современного педагога в большинстве постсоветских республик, в частности Казахстана, характеризуются тем, что в русскоязычных коллективах среднего и высшего образования актуальны так называемые интернациональные (хотя точнее было бы назвать их европеизированными) формы этикета, с другой стороны в национальных группах – распространены традиционные (не только национальные, но и связанные с доминирующей религиозной традицией) формы этикета. Довольно часто речевой этикет сопровождается невербальными средствами общения. С первых фраз такого вербального и невербального контакта коммуникантов (педагог – учащийся, студент) создается определенная языковая ситуация, манера общения, проявляется социальная характеристика, уровень образованности и другая информация, которая дополняется невербальными средствами: жестами, мимикой, стилем поведения, манерой одеваться и т.п.

Активизация деятельности педагога в этих направлениях предполагает активизацию мышления, креативного начала, формирования культуры мыследеятельности, закрепляемой в таких формах, как исследование, проектирование, конструирование [Кибатаева 2005: 112].

В культурологии традиционно выделяются три основные трактовки культуры – аксиологическая, этносоциологическая и духовная. Концепция аксиологическая рассматривает культуру как совокупность

накапливаемых людьми материальных и духовных ценностей. Культура предстает как предметный мир, наполненный ценностями, значимыми для человека. Странники этносоциологического подхода видят в культуре совокупность всего, что делает человека человеком. «Все» при этом включает предметы, созданные людьми, природные объекты и духовные явления. Культура – это человеческое в людях, это «степень, мера формирования, развития и реализации социальных (сущностных) сил человека в его многообразной общественной деятельности» [Злобин 1982: 17]. Концепция духовная ограничивает культуру исключительно сферой духовной жизни общества. К культуре духовной причисляют культуру интеллектуальную, нравственную, правовую и художественную. При этом следует отметить, что широко известное деление культуры на материальную и духовную гносеологически правомерно, но весьма относительно. По выражению Н.С. Злобина, «так называемая материальная культура только потому есть культура, что она в то же время духовна» [Злобин 1982: 5].

Таким образом, профессионально-педагогическая культура учителя выступает частью педагогической культуры как общественного явления. Носителями профессионально-педагогической культуры являются люди, призванные осуществлять педагогический труд, составляющими которого являются педагогическая деятельность, педагогическое общение и личность как субъект деятельности и общения на профессиональном уровне. Следовательно, понятие «общение» занимает центральное место в профессионально-педагогической культуре учителя, поскольку оно является выражением его личности в целом, обеспечивая реализацию всех функций профессионально-педагогической культуры.

Основные аспекты культуры профессионально-педагогического общения включают такие пункты, как:

- мера принятия педагогических ценностей;
- общая культура личности;
- педагогическая культура учителя;
- проявление и формирование личностных свойств партнера;
- ориентация на свободное межличностное общение [Лисина 1997: 383].

Культура профессионально-педагогического общения будущего учителя синтезирует основные компоненты культуры: коммуникативную культуру, культуру восприятия и понимания, культуру невербальной коммуникации, культуру речи, культуру взаимодействия, культуру межнационального общения. Интерактивные функционально-структурные компоненты общения включают когнитивный, аффективный и регулятивный аспекты, из которых аффективный аспект включает следующие формы: межличностную/групповую, ролевую/личностную, непосредственную/опосредованную. Нормативная форма общения предполагает преобразование в креативную и духовную. В представленной системе формирования культуры профессионально-педагогического общения, как и во всякой другой системе, осталось еще выделить ее историческую плоскость, которая имеет два аспекта – генетический и прогностический. Первый аспект определяет необходимость рассмотрения процесса формирования данной системы, а второй – перспективы ее развития в будущем. Соответственно, мы рассматриваем особенности формирования культуры профессионально-педагогического общения будущего учителя в процессе его обучения в вузе и определяем возможные пути дальнейшего развития в ходе профессионально-педагогической деятельности.

Следует отметить такой важный аспект общения, как коммуникация представителей разных культур, т.к. современное общество в большинстве своем мультикультурно. Профессионально-педагогическое общение в мультикультурной аудитории

является наиболее типичной ситуацией и модели поведения предполагают знание основных этносоциальных констант участников общения. Поэтому для будущего учителя процесс усвоения стереотипов, моделей поведения, фоновых знаний картины мира другой культуры является активной социальной позицией, которая позволит нивелировать этнокультурные барьеры в общении.

Большинство современных государств населено представителями разных этнических общностей, в каждой стране есть большие и малые народности. В Казахстане проживает 130 национальностей и каждый говорит на том языке, который ему удобен в зависимости от ситуации. В России говорят на 150 языках. Для сохранения этносоциальной стабильности и взаимного доверия в образовательном процессе необходимо знание фоновых и этнокультурных констант участников коммуникации, сложившихся стереотипов, связанных с конкретным языком общения: рейтинг и статус языка в межрегиональном и международном сообществе, востребованность данного языка в настоящее время, культурно-исторические образы прошлого и современные представления о носителях языка, их стране и т.д.

В любом общении часто оказываются приоритетными различные стереотипы поведения, которые в большинстве своем проявляются неосознанно, автоматически, т.к. многие стереотипы поведения и представлений усвоены в раннем возрасте, поэтому роль стереотипов неоднозначна. Позитивная роль стереотипов заключается в том, что стереотипы позволяют усвоить аналогичные или сходные явления как окружающей действительности, так и языковые конструкции. Например, правила поведения или речевого этикета в близких или родственных по культурным константам языковых ситуациях, например, при приветствии в официальной обстановке: по общепринятой европейской традиции, собеседники протягивают ижимают

друг другу руки, приветствие не должно носить фамильярного, иронического, уничижительного или других неуважительных оттенков, что отражается в стандартных речевых формулах (штампах) языка общения. В неофициальных ситуациях общения возможны различные варианты, но они тоже имеют определенные ограничения и условности. В восточных странах женщина по обычаю не протягивает первой мужчине руку для приветствия, а в некоторых ситуациях вообще не здороваются с мужчиной за руку. В каждой из этих ситуаций действует определенная установка, стереотипы поведения, которые отражаются и в языковых формах [Кожамбердина 2011: 39-42].

В нашем исследовании рассмотрены различные аспекты общения национальных и межнациональных констант в моно-

культурной и мультикультурной ситуации коммуникации. Анализ основных аспектов профессионально-педагогического общения в поликультурной ситуации, с точки зрения системного подхода, позволяет рассматривать ее как систему, являющуюся смыслообразующим компонентом в структуре педагогической деятельности. Применительно к ней справедливы следующие характеристики системы: многомерность, многоуровневость, множественность отношений, в которых она существует, и динамичность. Разработанная целостная система формирования культуры профессионально-педагогического общения будущих учителей может быть использована в работе преподавателей вузов, колледжей и средних специальных педагогических учебных заведений.

Литература

Есимханова Н.А. Формирование культуры профессионально-педагогического общения будущих учителей с использованием инновационных технологий обучения. Дис. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – Шымкент, 2010.

Кибатаева Н. Система повышения квалификации: развитие профессиональной культуры педагога // Высшая школа Казахстана. – 2005. – №2.

Злобин Н.С. и др. Культура – человек – философия: к проблеме интеграции и развития // Вопросы философии. – 1982. – № 1. – С. 33–51.

Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. – М.: Ин-т практ. психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1997.

Кожамбердина Р.Д. Мимикрия идеологических стереотипов в учебной литературе гуманитарных дисциплин // Вестник ЮКПУ. – №2 (4). – 2011. – С.39–42.

НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»
совместно с ФГБУН «Институт языкознания РАН»
выпускает журнал
«Вопросы психолингвистики»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

Ю.Н. Караулов, В.С. Елистратов, И.В. Ружицкий

**О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА И.С. ТУРГЕНЕВА:
ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВАЯ СИСТЕМА»¹**

Основной целью статьи является описание возможностей создания электронной версии Словаря языка И.С. Тургенева. Для решения этой задачи планируется разработка соответствующей программы, обеспечивающей доступ к базе данных Словаря. Создание данной электронно-поисковой системы позволит лингвистам, лексикографам, преподавателям – всем, кто интересуется языком Тургенева, а также русским литературным языком XIX века пользоваться материалами Словаря через интернет.

Ключевые слова: информационно-поисковая система, русский язык, электронный словарь, Тургенев.

Yu. N. Karaulov, V.S. Elistratov, I.V. Ruzhitsiy

**E-INFORMATION RETRIEVAL SYSTEM
“I. TURGENEV’S LANGUAGE”**

The main purpose of the article is e-information retrieval system creating which will realize the “Turgenev’s glossary” database access. For this an electronic version model of the dictionary will be elaborated, that is based on the information retrieval programme support. The creating of e-information retrieval system will allow the materials of the Glossary to be used through Internet by many people (linguists, lexicographers, teachers, mass media specialists and others who are interested in Turgenev’s language and the Russian language of XIX-th century).

Key words: information retrieval system, Russian language, e-dictionary, Turgenev.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ Проект № 12-04-12039в «Информационная система когнитивных экспериментов (ИСКЭ) и гранта президента РФ Ведущей научной школе НШ-3661.2012.6.

Язык И.С. Тургенева всегда являлся объектом исследования отечественных и зарубежных филологов. Можно с уверенностью сказать, что словесная образность писателя, синтаксис и ритмика его текстов, связь его языка с диалектной речью, народно-поэтической стихией и многие другие языковые аспекты исследованы подробно и обстоятельно, однако идиостиль писателя как система ещё нуждается в тщательном лингвистическом изучении.

Работы А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Ф.А. Маркановой, П.Г. Пустовойта, Н.П. Бадаевой, М.А. Шелякина, О.А. Канонниковой, М.И. Литвинова, М.А. Мартиросян, А.Г. Москалевой, М.М. Орлова и многих других исследователей дают в целом ясную и чёткую картину того, что собой представляет феномен языка Тургенева и какое место он занимает в истории русского литературного языка. Тем не менее, системное лексикографическое представление особенностей идиостиля И.С. Тургенева до сих пор не было предпринято.

Тургенев играет особую роль в развитии и становлении русского национального языка. В XIX веке, при всем разнообразии языковых процессов, отчётливо выделяется две диалектически противоборствующие и, вместе с тем, взаимодействующие тенденции. С одной стороны, мы видим стихию языкового эксперимента, «расширения» литературного языка в нелитературные сферы, с другой – упорядочения, кристаллизации, минимизации, «имплицитной кодификации». С одной стороны – Гоголь, Лесков, Достоевский, Салтыков-Щедрин. С другой – Пушкин, Тургенев, поздний Чехов.

Противопоставление слишком «неправильного» Достоевского слишком «правильному» Тургеневу – общее место дискуссий 70 – 80-ых годов XIX века. Ясно, что дело не в каких-то плюсах или минусах, а в том, что оба этих великих писателя словно бы «лепили» язык из разного мате-

риала, без чего дальнейшее развитие русского языка было бы немыслимо.

Если говорить о втором направлении, то, на наш взгляд, именно вершинная «связка» «Пушкин – Тургенев – поздний Чехов» отражает ключевые моменты развития русского литературного языка XIX века. Это некие вехи эволюции «золотого сечения нормы», этапы бытования «канона гармонии».

Конечно, любые параллели и аналогии заведомо ущербны, но, тем не менее, современное состояние русского литературного языка имеет общие свойства и может быть соотнесено лингвотипологически с языковой ситуацией тургеневской эпохи. Социокультурные сдвиги, связанные с отменой крепостного права, общая деирархизация, демократизация общества и языка – всё это чрезвычайно усилило тенденции первого типа. Ту же самую картину мы наблюдаем в наши дни. И тем важнее читать и изучать И.С. Тургенева сейчас. При том, что Тургенев, казалось бы, – один из самых доступных, понятных с языковой точки зрения писателей XIX века, всё же лингвистические комментарии к его текстам необходимы.

Опыт работы со школьниками-абитуриентами и студентами приводит нас к выводу о том, что одним из самых востребованных лингводидактических «жанров» в современном филологическом образовании является жанр словаря-комментария языка писателей – как XIX, так и XX веков. Подобный словарь является по сути своей глоссарием. В него включаются писательские неологизмы, окказионализмы, устаревшие слова, идеофразеологизмы. Строится словарь как традиционный толковый с элементами лингвоэнциклопедического и этимологического характера.

Иллюстративный материал для словаря (база данных) – основной корпус текстов писателя, те художественные произведения, которые наиболее известны читателям и вошли в многочисленные собрания сочинений классика.

В словарь введены те языковые единицы, которые требуют комментариев: диалектные и просторечные единицы, устаревшие слова, иностранные заимствования, авторские неологизмы.

Словарная статья включает в себя следующие лексикографические параметры: (1) заглавное слово (в начальной форме); (2) особенности произношения слова (факультативно); (3) относительная и абсолютная частота употребления описываемого слова; (4) грамматические пометы; (5) стилистические пометы (факультативно); (6) дефиниция (общезыковая и/или ситуативная, контекстуальная); (7) иллюстрации (из текстов писателя); (8) краткий лингвокультурологический и историко-этимологический комментарий со ссылкой на авторитетные лексикографические и литературные источники.

На основе Словаря языка И.С. Тургенева планируется разработать информационно-поисковую систему. Для достижения этой цели будет разработана модель электронного словаря, обеспеченного поддержкой информационно-поисковой программы.

Параметры (возможности), которые будут заложены в информационно-поисковую систему, следующие: (1) обнаружение наиболее частотных лексических единиц; (2) автоматический поиск и группировка стилистически маркированной лексики; (3) поиск определённых лексических единиц по всему корпусу текстов И.С. Тургенева; (4) автоматическое составление конкорданса; (5) поиск «течек пересечения» лексем, вынесенных в Словарь, с их употреблением в других языках; (6) автоматическое объединение слов по словарным гнездам.

Создание электронной информационно-поисковой системы позволит через интернет сделать результаты словарной работы доступными более широкому кругу пользователей (лингвистам, лексикографам, преподавателям, работникам СМИ, всем, кто интересуется творчеством

И.С. Тургенева и языком XIX века).

Приложение

ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

АВАНТАЖ, -а, м. Выгодное положение, выгода, успех, преимущество.

“Марья Николаевна в тот день принарядилась очень... к своему «авантажу», как говаривали наши бабушки...” («Весенние воды»). Чаше встречается «в авантаже», «не в авантаже» (А. Толстой, П. Боборыкин и др.; Так зафиксировано у Д. Ушакова). Ср. также «авантажный», «авантажно» (у А. Островского и др.). Из фр. *avantage*, с эпохи Петра I (см. М. Фасмер). См. также В. Виноградов, 1999, с. 802.

АВАНТЮРЬЕРКА, -и, м. Авантюристка, искательница приключений, прои́доха. “«Авантюрьерка» – сказала про неё однажды моя мать. Авантюрьерка она, мой идол, моё божество! Это название жгло меня, я старался уйти от него в подушку, я негодовал...” («Первая любовь»). Фр. *avanturière*.

БА́БА: туда́, где (или там, где) ба́бы руба́хи мо́ют да вальки́ на не́бо кладу́т. Шутл. О каком-л. далёком, недоступном, мифическом и т.п. месте. “В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо кладут, он всё не пропадёт...” («Муму»).

БА́БА: у баб слёзы некупленные или (ба́бы слёзы та же вода.) Женские слёзы ничего не значат, не верить женским слезам. “Вишь, баба-то его как убивается... Ну, да ведь известно: у баб слёзы-то некупленные. Ба́бы слёзы та же вода... Да.” («Касьян с Красивой Мечи»). Ср. у В. Даля: «женские слёзы дешёвы»; «баба слезами откупается, а мужик спиною»; «баба слезами беде помогает» и т. п.

БАБИЙ: ба́бы слёзы та же вода. См. БАБА

БА́БИТЬСЯ, -блюсь, -бишься; несов., без доп. Проводить время с «бабами», тратить на них много времени, быть бабником. “Знаешь – скучно. Девочка хорошень-

кая... Ну, думаю, что за беда? Жениться-то я не женюсь... а так, тряхну стариной. Бабиться не люблю – а девчонку потешить можно. Вместе послушаем соловьёв” («Бретёр»). То же у Н. Гоголя и др.

ЗАЛОТОШИТЬ, -шú, -шишь; *сов.*, что и без доп. Начать быстро говорить, болтать, «молоть», «тараторить». «„– Ну, однако, за стол, господа, за стол“, – залотошил Голушкин» («Новь»). Из диал. У В. Даля: «лотошить» – «лепетать, болтать, тарантить, молоть языком бойко, резко, бестолково, по-бабьи; торопить(ся), суесть, хлопотать попусту».

ИСПОЛУ, *нареч.* Пополам с кем-л. или с условием отдачи половины чего-л. «...посадил мужиков на оброк и отдал им свою землю исполу» («Отцы и дети»). «Сам Литвинов, хотя кончил тем, что отдал большую часть земли крестьянам исполу, то есть обратился к убогому, первобытному хозяйству, однако кой в чем успел: возобновил фабрику, завёл крошечную ферму с пятью вольнонаёмными работниками, – а перебивало их у него целых сорок, – расплатился с главными частными долгами...» («Дым»). То же у Л. Толстого и др.

КАМЕРФРАУ, *ж.*, *нескл.* Камеристка, служанка; придворная дама во дворце, ответственная за гардероб высочайших особ и присутствующая при их одевании. «Камерфрау тотчас побежала за родителем...» («Где тонко, там и рвётся»). «Однажды она (Екатерина II – В. Е.) повелела расчёсывать себе волосы... И что же? Камерфрау проводит гребнем – и электрические искры так и сыплются!» («Старые

портреты»). От нем. Kammerfrau.

ШУТОВКА, -и, *ж.* *Бран.* Здесь: «вертихвостка», непутёвая женщина. “– Ах, она шутовка, шутовка, – произнесла Капитолина Марковна, с сожалением покачивая головой. – Вот её (выделено И. Т.) туалет продать, так не десять, а сто семейств прокормить можно” («Дым»). Вероятно, связано с «шут» – черт, «шутовка» – чертовка, нечистая сила женского пола, «водява, лопаства, русалка» (В. Даль). У Д. Зеленина (1991, с. 419): «У севернорусских новое название «русалка» прижилось лишь в последние два столетия, вместе с городской культурой. Однако какого-то определённого образа русалки у них, в сущности, нет. Они не выделяют девушек из всей массы заложных покойников. Широко распространённое у севернорусских представление о шутовке, водянице, хитке, чертовке чаще всего как об уродливой женщине с огромной грудью относится, в сущности, к жене водяного или к духу воды женского пола – образ, близкородственный русалкам, поскольку и водяные по происхождению заложные покойники».

ЭМАНЦИПАТОР, -а, *м.* «Эмансипатор», освободитель (здесь: о тех, кто проводил освобождение крестьян от крепостной зависимости). “...высасывают последнюю кровь из мужика! Ведь это эмансипаторы наши предвидеть не могли, согласись! и все-таки, если даже они это предвидели, хорошо они сделали, что освободили крестьян – и не взвешивали всех последствий!” («Новь»). Вероятно, воспроизводится лат. источник (emancipator).

Т.А. Летяйкина

СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

В статье рассматриваются особенности использования веб-платформ – блогов в учебно-образовательных целях и их отличие от других интернет-платформ (чат и форум); анализируются языковые средства и синтаксические особенности текстов тематических блогов, написанных на английском языке «неносителями» языка.

Ключевые слова: Интернет, блог, текст, язык, синтаксические особенности.

T.A. Letyaikina

FEATURES OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THEMATIC BLOGS TEXTS

The article deals with the web platform blogging, their difference with other internet communication platform (chat, forum). It studies language means and syntax of the thematic blog texts written in English by non-native speakers.

Key words: Web, blog, text, language, syntactic features.

Тематические блоги нашли свою нишу в современном гиперпространстве не только среди обычных пользователей, но и среди преподавателей иностранного языка и студентов в силу своей доступности в обращении. Создателю блога нет необходимости знать язык программирования, HTML, ему достаточно выбрать шаблон на родном или иностранном языке. Другим достоинством блогов является сокращение затрат времени на то, чтобы сообщить коллегам, студентам или друзьям о каком-нибудь событии или поделиться своим опытом. Автору блога достаточно дать ссылку на описание этого события, сопроводить фотографиями или другими материалами. По количеству коммуникантов блог классифицируется как один-ко-многим [Парпалак]. Методисты, лингвисты, преподаватели и студенты получают возможность больше писать, а, значит, систематизировать свои мысли. А изучающие язык имеют дополнительный инструмент для совершенствования своих коммуникативных навыков и лингвистических знаний.

История развития блогов была дана Е.И. Горошко [Горошко 2007: 55], которая выделяет четыре их вида: 1) *фильтры*, представляющие собой определенные текстовые записи в форме комментариев, снабженные внешним гиперссылочным аппаратом (т.е. гиперссылками, ведущими на внешние, другие сайты Сети), 2) *онлайновые дневники*, в которых содержится личная (внутренняя) информация блоггера (его размышления, отзывы, ссылки на личные работы и опыт и т.д.), 3) *записная книга*, в которой содержится как внешняя, так и личная информация о её владельце (как бы для внутреннего пользования) и 4) *к-логи* (сокращение от английского *knowledge-blog*), в которых размещается обычно тематическая научная или образовательная информация о проектах, продуктах, проблемах с соответствующим ссылочным аппаратом [Сафонова 2000].

Исследователями отмечается особый коммуникативный формат или жанр бло-

га, который характеризуется целой системой жанрообразующих признаков, с учетом временных, текстовых и технологических характеристик блогов. Выделяется особый тип текста, гипертекст блога, который имеет характеристики традиционного текста (связанность, целостность, законченность, статичность, динамика), а также основные принципы гипертекста (нелинейность, вариативность структуры, мультимедийность). С. Херринг с коллективом ученых, проведя анализ содержания случайным образом составленных нескольких выборок блогов [200-300 единиц], относит блог к так называемым гибридным (переходным) жанрам [Herring и др. 2009]. По её мнению, этот жанр является своеобразной переходной стадией между мультимедийными Интернет-документами, написанными на языке HTML, и электронным текстом, сглаживая традиционно существующее в парадигме Интернет-студий противопоставление между текстовым и мультимедийными форматами представления информации.

Описывая жанр блога, С. Херринг выделяет ряд его конститутивных характеристик. К ним относятся: цель создания блога; личностные характеристики его владельцев (возраст, гендер, профессия, род занятий и прочее); структурные характеристики: количество и характер гиперссылок, временной фактор (когда был создан блог, частота его обновления, последнее обновление), наличие комментариев, их количество и структура (заголовок, ссылка и т.д.), длина сообщений в комментариях и прочее; язык представления информации в блоге; тематические рубрики блога: наличие календаря, ленты заархивированных записей или комментариев; тематическая направленность блога, его моно или политематичность; наличие мультимедийных инструментов (графических, аудио и видео фрагментов, а также анимации). Всего свыше 50 характеристик [Herring и др. 2009].

Одной из наиболее значимых характеристик блогов, по мнению Херринг, считается доступность технологии передачи

информации для любого пользователя, который в дальнейшем будет влиять на выработку формата и структурной характеристики языка для данного формата. С. Херринг предполагает, что со временем блоги из отдельного коммуникативного сервиса могут стать определенной мультимедийной социо-технологической средой, своевременно реагирующей на постоянно расширяющийся коммуникативный репертуар её пользователей [Herring и др. 2009: 23]. Однако, исследователи отмечают недостаточность исследований взаимоотношений между автором и читателем блога, принципы формирования и функционирования сетевых сообществ и многое другое.

Тематические блоги относятся к асинхронному типу коммуникации, т.е. общение с некоторым отрывом во времени, что при общении на иностранном языке дает как автору, так и собеседнику время для обдумывания и выбора языковых средств выражения. Языковые средства интернет-общения изучаются на протяжении последнего десятилетия, и исследователи отмечают «крайнюю скудость средств», «ограниченность» [Горошко 2007: 55] человека в выборе вербальных средств; необходимость интернет-пользователя прибегать к интернет-неологизмам, калькированию, заимствованиям, употреблению лингвокультурных виртуальных типажей, образов и личностей, знаковых (*смайликов*) и графических систем (объединение латиницы и кириллицы, возникновение других пунктуационных правил, создание квазиграфических систем, например, *квазикириллицы* или *квалатиницы: коро4е* или *F2F* вместо *face-to-face*) [Горошко 2007: 55]. С другой стороны, изучая виртуальную личность, многие исследователи отмечают её креативность в выборе и использовании языковых средств общения, находчивость, остроумие, юмор. Однако все вышеперечисленные вербальные и невербальные средства общения отсутствуют в текстах тематических блогов. Кроме того, жанр тематического блога сохраняет текстовый формат [Herring и др.

2009: 23], тем самым автор и пользователь блога должны придерживаться общепринятых вербальных средств общения.

Задачей тематического блога, как и любого «сетевого дневника», является рефлексия, размышление о своей профессиональной деятельности или о текущих событиях. Тематические блоги можно отнести к авторским проектам. Они содержат не просто заметки, а более объемные материалы, в которых авторы, например, высказывают свою точку зрения, аргументируя ее рассуждениями и фактами, публикуют свои произведения. Блогер (автор блога) приобретает несомненное преимущество для развития своих личностных и профессиональных качеств, имея возможность для самореализации и рефлексии, получая комментарии от читателей.

Важным элементом жанра веб-блога является его сообщество – те люди, которые читают блог и оставляют в нем комментарии. Таким образом, тематические блоги объединяет информационно-коммуникативная функция, т.е. обмен информацией между людьми, имеющими общие профессиональные или иные интересы и нужды.

Второй функцией, которой подчиняются тематические блоги, является регуляционно-коммуникативная. В общении на сетевом дневнике вырабатываются определенные правила речевого поведения, называемые «сетикет» [Горошко 2007: 391], цели, средства, мотивы коммуникативных контактов, устанавливаются своеобразные нормы, складывается специфическая иерархия ценностей. Данное требование необходимо для достижения социальной общности коммуникантов. А в случае общения на английском как международном языке общепринятые нормы речевого поведения способствуют достижению понимания между представителями разных культур и типов мышления.

Общение в тематических блогах относится к формально-ролевому общению, которое предполагает выполнение определенной роли участников общения. Участники такого общения выполняют определен-

ные функции по отношению друг к другу: эксперт – профессиональный деятель, профессиональный деятель – коллега, преподаватель – студент, студент – студент, студент – преподаватель и т.д. Статусные роли участников налагают определенные требования к выбору языковых средств и выражений. А если учесть, что общение ведется на неродном языке, то пользователь и читатель должны перенять и культурную специфичность лексических единиц и грамматических структур для достижения коммуникативного взаимодействия.

Степень результативности общения зависит от культурно обусловленной взаимной коммуникативной компетентности участников общения. Культурно обусловленные различия приводят к особой разновидности коммуникации, называемой межкультурной, при которой коммуниканты из разных культур используют при прямом контакте специальные языковые варианты и стратегии.

Предполагается, что в процессе общения на иностранном языке, при чтении информационных, художественных текстов «неноситель» языка склонен к приобретению взглядов, точек зрения и привычек тех людей, с которыми он заинтересован в общении. Он стремится к 'образцу', сложившемуся в сознании носителей языка, пытается действовать по правилам коммуникативных ролей говорящего и слушающего. Он пытается овладеть устными и письменными формами общения так, как это делают носители языка. «Неноситель» стремится соблюдать 'общую линию' речевого поведения. Принятые нормы и условности общественной жизни самым непосредственным образом влияют на характер речевого поведения.

Однако не стоит отрицать, что при свободном общении люди подсознательно трансформируют вербальные и невербальные средства общения и элементы своей культуры на иностранный язык. Изучающий иностранный язык оценивает ситуацию, основываясь на своих родных социопрагматических нормах, и происходит прагмалингвистический перенос, когда образы родной

культуры и лингвистические значения при выполнении речевых актов переносятся на изучаемый язык.

А.Вежбицкая отмечает национальную специфичность любого языка, предлагая выявлять свойства национального характера через язык. Она обнаруживает принципиальные различия между русской и англо-саксонской психологией [Вежбицкая 1996: 22]. Общеизвестно, что представитель англоговорящей страны отличается вежливыми формами общения. Анализируя различия английской и русской вежливости, А.В. Абрамова отмечает их почти противоположную направленность: английская вежливость – ориентирована по отношению к конкретному адресату, т.е. быть вежливым по-английски значит проявлять внимание к другим людям; русская вежливость – замыкается на том, кто проявляет вежливость, т.е. элементарное соблюдение правил приличия (на первом месте в проявлении вежливости по-русски стоит этическая составляющая) [Абрамова 2000: 128].

Дэвид Кристал, один из первых ученых, который на систематическом уровне описал функционирование английского языка в Интернете, указывал, что именно Интернет стал тем «Signum», «Temporis», который привел к революционным преобразованиям всей языковой системы английского в прошлом веке [Crystal 2004: 64]. Анализ синтаксических особенностей интернет-подъязыка показал предпочтительность употребления в Интернете вводных, неполных, параллельных и эллиптических конструкций. Этот электронный язык изобилует повторами, частым использованием приемов обратного цитирования (которые достаточно удобно воспроизводить в условиях электронной среды), вопросительных и восклицательных предложений (особенно риторических), интенсивным использованием паралингвистических средств (выделение цветом, изменение шрифта, изменение регистра) для выражения и описания эмоциональной стороны речи при выборе и использовании лингвистических средств общения.

Другой особенностью компьютерно опосредованной коммуникации является анонимность его пользователей, в то время как на тематических блогах, как правило, представлены все участники общения, что налагает определенную ответственность на участника общения и призывает его к соблюдению норм языка. Кроме того, тематические блоги имеют модератора, выбранного из учредителей блога, роль которого заключается в том, чтобы отфильтровывать те сообщения, которые не соответствуют стилю, содержанию и в целом нормам написания текста на тематическом блоге.

Сетикет блога предполагает соблюдение литературного (стандартного) языка [Белл 1980: 201-202]. Р. Белл рассматривает эту разновидность как стандартизованную нередактированную разновидность английского языка, принадлежащую коллективу её исконных носителей, обладающую автономностью и, естественно, имеющую фактические и кодифицированные нормы. Нормы употребления этой разновидности английского языка характеризуются значительной общностью грамматики, лексики, риторики наряду с высокой степенью терпимости по отношению к лингвистической вариативности. Однако на постсоветском пространстве вследствие ограниченности межкультурного общения получил распространение классический английский язык, язык классической английской литературы, в функциональном плане отличающийся от современного стандартного языка только отсутствием жизненности, но обладающий высоким статусом [Сафонова 2000: 69-70]. Имеется предположение, что данные свойства будут присущи и текстам тематических блогов.

Рассмотрим организацию и языковые средства текстов блогов, написанные репортерами конференции по проблемам преподавания и изучения английского языка, организованной в Кардифе, Великобритании. Авторы данного блога (Н. Эйдельман и Ю. Иванова) [Eydelman 2009, Ivanova 2009] – учителя английского языка как иностранного, родной язык которых – русский.

Эти учителя, ставшие призерами конкурса на лучший репортаж о недавнем событии, должны были написать сообщение о ходе конференции на грамотном, стилистически окрашенном современном английском языке. По формально-ролевому общению данные блоги можно подразделить на «коллега – коллега». По жанровому содержанию оба текста представляют повествование о своих жизненных и профессиональных событиях. Композиция текста состоит из трех основных частей повествования: введение, основная часть и заключение. Повествования «репортеров» состоят из 11-10 простых и сложных предложений и содержат 233 и 247 слов соответственно. Синтаксически в данных текстах представлены простые, распространенные придаточными выражениями (*The knowledge and experience gained there – Знания и опыт, полученные там...* [Eydelman 2009]), сложносочинённые полные предложения (*I have not only been teaching English and running the school, but I have also... – Я не только обучала английскому и руководила школой, но и ...* [Eydelman 2009]), сложноподчинённые предложения (*As I am pretty much concerned... – Так как я очень волнуюсь...* [Eydelman 2009]), риторический вопрос (*What about me? – Что касается меня?* [Ivanova 2009]). Грамматическая основа предложений представлена местоимением «I» (я) и переходными и непереходными глаголами несовершенного вида в трех основных временах: прошедшем, настоящем или будущем. Причем предикат представлен статуйными глаголами (*I am fluent in.., I am fond of... I'm always excited..., I try to encourage..., I believe writing...*), выраженными глаголом-связкой «to be» и модальными фразами с пропозиционным значением «believe», «try», «hope». По стилистической окрашенности оба текста принадлежат к литературно-разговорному, на что указывают полные формы глаголов за редким исключением (*I'm, we'll*) [Eydelman 2009], использование формы герундия (*travelling, studying*) [Ivanova 2009] и книж-

ная «*encourage*», «*share*», «*travelling*», «*watching*» [Eydelman 2009] «*fond of*», «*keen on*» [Ivanova 2009], профессиональная лексика «*social networking*» [Eydelman 2009], «*experience knowledge*» [Ivanova 2009].

Национальный характер приобретенного и родного языка проявляется в композиционном построении текста и грамматических основах предложений. Текст блога Н. Эдельман начинается с введения «*Let me first extend a warm welcome*» [Eydelman 2009], где она проявляет внимание к остальным участникам конференции, тем самым пережив культурные традиции англоговорящих народов. Однако в дальнейшем своем поведении этот автор, как и другой, склонны проявлять субъективность речи, используя

личное местоимение «Я», т.е. центр значимости направлен на самого автора, что характерно для русской культуры.

Таким образом, английские тексты тематических блогов, написанные «носителями» языка, представлены литературно-разговорным английским языком на синтаксическом и языковом уровнях. Более того, авторы данного типа блогов придерживаются *сетикета* и национальных характеристик изучаемого языка, что способствует коммуникативной направленности блога, цель которого рассказать читателю о своих жизненных и профессиональных событиях. Но иллюкативное воздействие данных композиционных и языковых средств на читателя требует дальнейшего изучения.

Литература

- Абрамова А.В. Национальная специфика культуры речевого общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 127–136.
- Белл Р. Социолингвистика. – М.: Международные отношения, 1980.
- Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации, 1999 [Электронный документ]: (<http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html>). (Проверено 23.12.2009).
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
- Войсунский А.Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета. [Электронный документ] <http://banderus2.narod.ru/80194.html> (Проверено 14.09.2012).
- Горошко Е.И. Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. – Вып. 5 – Харьков, 2007. – С. 53–62.
- Горошко Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик интернета // Educational technology and society. – Вып. 11 (2) – 2007. – С. 388–411.
- Парпалак Р. Общение в Интернете. [Электронный документ] <http://written.ru/articles/technologies/internet/communication> (Проверено 14.09.2012).
- Сафонова О.Е. Английский лингвистический компонент в языковой ситуации современной России // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 68–77.
- Crystal D. The Language Revolution. – Cambridge: Polity Press, 2004.
- Herring S.C., Scheidt L.A., Wright E. and Bonus S. Weblogs as a bridging genre. [Электронный документ] <http://portal.colman.ac.il/users/www/86/Weblogs.pdf> (Проверено 23.12.2009).
- Eydelman N. '2009 Cardiff Online Roving Reporter' [Электронный документ] <http://www.teachingenglish.org.uk/think/conferences/iatefl-2009/roving-reporters-natalia> (Проверено 14.09.2012).
- Ivanova Y. '2009 Cardiff Online Roving Reporter' [Электронный документ]. <http://www.teachingenglish.org.uk/think/conferences/iatefl-2009/roving-reporters-yuliya> (Проверено 14.09.2012).

А.В. Плюснина

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ НА ВОСПРИЯТИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

В статье обозначены современные тенденции и подходы к изучению гендера, предложена методика лингвистического опроса, имеющего целью определить, какие языковые средства отражены в сознании носителей языка как гендерно маркированные, и выявить гендерный стереотип восприятия письменной речи и влияние на него такого социального фактора, как специализация, а также представлены результаты анализа данных, полученных в ходе проведения опроса.

Ключевые слова: гендер, письменная речь, стереотип, лингвистический опрос, языковая личность, социоконструктивизм, язык, языковое конструирование, языковое сознание.

A.V. Plusnina

SOCIAL FACTOR SPECIALIZATION IMPACT ON WRITTEN SPEECH PERCEPTION IN TERMS OF GENDER PERSPECTIVE

The paper outlines recent tendencies in gender studies and offers linguistic questionnaire technique the purpose of which is to define language means perceived by native speakers as gender specific as well as to identify a gender stereotype of written speech perception with account to the impact of social factor of specialization; the paper also shows the results of reviewing the data gained by linguistic questionnaire application.

Key words: gender, written speech, a stereotype, a linguistic experiment, socioconstructivism, a linguistic personality, a language, language designing, language consciousness.

Современная наука отталкивается от мнения о том, что язык «строит» жизнь общества и является частью этой жизни, в результате чего языковое конструирование гендера представляет собой деятельность, в основе которой лежит соотнесение языковых форм с *гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами)*, являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры.

Понимание гендера как конструкта основывается на постулатах о том, что гендер конструируется обществом (посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей и т.д.) и самими индивидами – на уровне сознания, принятия заданных обществом норм [Маслова 2007: 119]. Таких принципов исследования гендера придерживаются как отечественные (И.И. Халеева, А.В. Кирилина, Е.С. Гриценко), так и зарубежные (Д. Таннен, Х. Коттхофф, Д. Камерон, Б. Барон) исследователи.

При этом, как пишет Е.С. Гриценко, женским (мужским) голосом можно считать то, что **воспринимается в обществе** как женский (мужской) голос. Иными словами, важен не сам факт авторства коммуникативного продукта, а их **соответствие стереотипам**, заложенным в общественном сознании. Культурная узнаваемость гендерных стереотипов служит гарантией достоверности представленной информации/точки зрения. Отсюда следует, что еще одной важной чертой современного подхода является акцент на деятельностной сущности гендера, признание того, что гендер – это то, что индивид делает/представляет, а не то, что он(а) имеет.

Цель нашего исследования – определить, какие языковые средства отражены в сознании носителей языка как гендерно маркированные, и выявить гендерный стереотип восприятия письменной речи. Таким образом, в задачи настоящей статьи входит: раскрыть методику лингвистического опроса, проведенного с целью выявить представления о письменном стиле противоположно-

го пола и выделить гендерно значимые для реципиентов параметры.

В свете новых исследований представляется более обоснованным говорить о том, что **стереотипы** – это особые формы хранения знаний, то есть структуры ориентирующего поведения. Часто под стереотипами понимают «устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения», видя в стереотипизации опыта ядро механизма традиции и этническое своеобразие культуры. Так как пол не является только лишь биологической характеристикой личности, а институализован и ритуализован, то правомерно изучение гендерных стереотипов поведения и их отражения в языке. Под **гендерными стереотипами**, вслед за А.В. Кирилиной, мы понимаем культурно и социально обусловленные и закрепленные мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [Кирилина 1999: 44].

В данном исследовании, вслед за М.С. Гаранович, будут выделены **стереотипы маскулинности/феминности и стереотипы речевого поведения мужчин/женщин** [Гаранович 2011: 5]. Первый вид стереотипов – это оценочные представления о социально-психологических параметрах поведения и характерных чертах мужчин и женщин, отраженные в языке и формируемые в языковом сознании общества, социальных групп и отдельно взятых индивидов. Стереотипы маскулинности/феминности не являются универсальными для всех представителей социокультурного общества.

Вторая разновидность стереотипов – стереотипы речевого поведения мужчин/женщин – это определенный оценочный образ речевого поведения мужчин/женщин, функционирующий в языковом сознании общества, социальных групп и отдельно взятых индивидов. Данные гендерные стереотипы представляют собой социальные модели речевого поведения, вследствие чего они могут детерминировать речевое поведение человека в определенных ситуациях. Этот вид гендерного стереотипа пред-

ставляется релевантным для исследования представлений о письменном стиле противоположного пола. Для достижения поставленной цели необходим социолингвистический эксперимент.

В рамках данного исследования гендерного представления и письменном стиле был проведён опрос, процедура которого выглядела следующим образом.

На первоначальном этапе прошёл сбор материала для проведения процедуры контент-анализа и социолингвистического опроса. Информантам было предложено написать текст-эссе в свободной форме по представленной картине Ю.И. Пименова «Лирическое новоселье».

В научной литературе был выделен ряд параметров, рассматриваемых как особенности мужского и женского стилей письма. Для более четкого и структурного описания на основании ряда исследований представляется возможным сформировать следующую классификацию, распределив данные параметры по двум уровням:

Стилистический уровень

Лексические параметры

- Использование т.н. «ядра» и «периферии» лексического состава языка (склонность к употреблению малоупотребительных слов, социально-маркированной лексики (жаргонизмов), территориально-маркированной лексики (диалектизм), архаизмов, терминов);

- употребление заимствованных слов;

- частотность употребления слов с той или иной стилистической окраской;

- лингвокреативность (умение прибегать в речи к языковой игре и словотворчеству);

- степень метафоризации речи (частота использования тропов, художественных средств языка);

- степень фразеологизированности речи (частота использования фразеологизмов);

- использование оценочной лексики и характер этой оценки (рационалистическая, социальная, эмоциональная, сенсорная, сублимированная (этическая и эстетическая);

- использование инвектив, в том числе бранной лексики и характер этого использования (в качестве вводных слов и эвфемизмов);

- степень эмоциональности и экспрессивности речи, выражающаяся в использовании определенной лексики, синтаксических конструкций и других выразителей эмоционального состояния и экспрессии;

- лексические предпочтения, словоупотребление (частотность употребления тех или иных частей речи);

- частотность использования форм вежливости;

- графические выделения, использование визуального кода;

- общее количество ошибок;

- связность речи;

- степень разнообразия пунктуации.

Грамматические параметры

- Синтаксические предпочтения (порядок слов в предложении, длина и сложность синтаксических конструкций, длина текста);

- особенности словообразования – использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, использование слов в уменьшительной форме

Коммуникативно-прагматический уровень

- степень использования прецедентных текстов;

- настроенность на адресата (использование/неиспользование коммуникативных пристроек);

- тип самоподачи (прямая/косвенная, игра на повышение/на понижение, акцентирование собственного «Я», своей точки зрения);

- система аргументации (аргументация объективная, субъективная, основана на своих доводах, присутствуют ссылки на чужой опыт, на авторитетные источники);

- степень категоричности высказываний.

Итак, есть основания считать, что в сознании носителей языка присутствуют представления о «мужском» и «женском» стилях письма, в соответствии с которыми рецепи-

ент воспринимает текст тем или иным образом. В настоящее время в гендерной науке выявление корреляций между содержанием гендерного стереотипа и социальными параметрами носителей культуры относится к числу важных задач. Формирование гендерного стереотипа может проходить под воздействием социальных факторов (возраст, образование, специальность). В рамках нашего исследования мы выделяем **две социальные группы на основе фактора специальности** – гуманитарное направление (учащиеся Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского, специальность – филологическое образование, филология, реклама и пиар), военнотехническое направление (учащиеся Ярославского зенитно-ракетного института ПВО, специальность – радиоэлектронные системы, вычислительные машины, комплексы, системы и сети). На данный момент в опросе приняло участие 132 человека, из них 50 респондентов – гуманитарии женского пола, 42 респондента – курсанты мужского пола, 40 респондентов – курсанты женского пола. Возрастной и образовательный факторы – одинаковые (возраст от 18 до 24, учащиеся).

Представляется возможным выделить в гендерном сознании коммуникантов **активные и пассивные стереотипные параметры** мужской и женской речи.

На первом этапе исследования респондентам было предложено определить пол автора прочитанного ими текста, при этом в свободной форме аргументировать свои предположения на основании особенностей стиля автора, его языка, без опоры на вопросы какой-либо анкеты. Это позволило из ответов выявить **активные стереотипные параметры** мужской и женской речи в гендерном сознании коммуникантов (то есть те параметры, которые **респондент выделяет сам**, без подсказки исследователя через наводящие вопросы).

После проведенного анализа ответов респондентов удалось установить, что активные стереотипные параметры в гендерном сознании как мужчин, так и женщин

вне зависимости от фактора специальности практически отсутствуют. Из наиболее отмечаемых женщинами-гуманитариями параметров можно назвать параметр «Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния, общую эмоциональность текста» (74%). Данный параметр совпал с выделенным нами параметром в анкете. В ответах женщин-курсантов данный параметр отмечен 33-мя процентами респондентов, в ответах мужчин-курсантов – 45%. В основном тексты с мужским и женским авторством различались опрошенными по тому, уделено ли в них большее внимание внешней обстановке на картине, предметам, деталям быта и так далее или чувствам и интимной стороне происходящего на картине, обнимающейся паре. Текст воспринимался как женский, если уделялось больше внимания обнимающейся паре, изображенной на картине, их чувствам, внутреннему миру, и наоборот, текст воспринимался как мужской, если акцент был сделан на описании внешней обстановки, предметах быта, ремонте, изображенном на картине.

То есть гендерно значимой оказалась тематика и связанное с ней употребление слов, называющих чувства и эмоции. При определении пола автора носители языка в рамках нашего опроса действительно ориентировались на характеристики «мужского» и «женского» текста, отмечаемые рядом ученых. В целом у всех респондентов можно отметить общую неспособность рефлексировать по поводу гендерных особенностей автора текста, так как все остальные называемые респондентами характеристики отмечались единично и поэтому не могут считаться значимыми.

Инструментом следующего этапа опроса стала анкета, которая состоит из вопросов, выявляющих гендерный стереотип восприятия письменной речи. Вопросы основаны на выделенных нами критериях, адаптированных для наивного носителя языка. В результате анализа ответов на вопросы анкеты представится возможным вы-

делить **пассивные стереотипные параметры** мужской и женской речи в гендерном сознании коммуникантов (то есть те параметры, которые **респонденты отмечают только с помощью подсказки исследователя**).

Процентное соотношение степени присутствия параметра в письменной речи мужчин и женщин в представлении респондентов оценивалось по следующей шкале: 1) высокая степень использования – 70-90% или преобладание – более 70%; 2) средняя

степень использования – 50-60% или широкое использование – более 60%; 3) низкая степень использования – 20-40% или эпизодическое использование – не более 5-10%.

В трех таблицах, отражающих ответы трех групп респондентов, представлены результаты лингвистического опроса.

Остальные параметры обладают, по оценке респондентов, низкой степенью использования и, следовательно, отнесены нами к гендерно нейтральным в представлении наивных носителей языка.

Таблица 1. Результаты опроса. Респонденты-женщины (гуманитарии)

Параметр	Степень использования	
Речь мужчин		
1. Частое использование глаголов	70%	Высокая степень
2. Акцентирование собственного «Я», своей точки зрения (категоричность высказываний)	60%	
3. Отсутствие аргументации	62%	
4. Объективная аргументация	68%	
5. Использование «периферии» лексического состава языка	54%	
6. Простой синтаксис, имитирующий устную речь	46%	
Речь женщин		
1. Использование диминутивов	86%	Высокая степень
2. Частое использование прилагательных	80%	
3. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния	70%	
4. Использование восклицательных предложений	66%	Средняя степень
5. Использование риторических вопросов	66%	
6. Выразительность речи (использование тропов)	64%	
7. Частое использование абстрактных существительных	56%	
8. Использование эвфемизмов	50%	

Таблица 2. Результаты опроса. Респонденты-мужчины (курсанты)

Параметр	Степень использования	
Речь мужчин		
1. Объективная аргументация	57%	Средняя степень
Речь женщин		
1. Использование диминутивов	76%	Высокая степень
2. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния	67%	
3. Использование слов с повышенной стилистической окраской	55%	
4. Выразительность речи (использование тропов)	55%	
5. Частое использование прилагательных	50%	

Таблица 3. Результаты опроса. Респонденты-женщины (курсанты)

Параметр	Степень использования	
Речь мужчин		
1. Использование периферии лексического состава языка	83%	Высокая степень
2. Меньший объем текста	83%	
3. Частотность использования глаголов	67%	Средняя степень
4. Простой синтаксис, имитирующий устную речь	67%	
5. Субъективная аргументация	50%	
Речь женщин		
1. Использование оценочной лексики с положительным значением	75%	Высокая степень
2. Использование интенсификаторов		
3. Использование эвфемизмов	92%	
4. Выразительность речи (использование тропов)	100%	
5. Использование слов, описывающих чувства и эмоционально-психологические состояния, эмоциональность речи		
6. Высокая степень разнообразия пунктуации		
7. Использование восклицательных предложений	75%	
8. Использование риторических вопросов	92%	
9. Использование диминутивов		
10. Использование слов с повышенной стилистической окраской	58%	
11. Частотность использования прилагательных	67%	
12. Сложный, запутанный синтаксис	58%	
13. Использование коммуникативных пристроек		

Выбор параметров всеми респондентами совпал с теми стереотипными характеристиками мужской и женской речи, которые отмечаются в науке (кроме синтаксических особенностей и характера аргументации).

Если сравнить результаты анкетирования женщин-гуманитариев и женщин с военно-технической специализацией, то можно заметить, что речь в оценке последних более гендерно стереотипизирована, то есть девушки-курсанты отмечают больше гендерно значимых параметров и в большем процентном соотношении, причем наибольшее число параметров ими отнесено к женской речи, практически все женские характеристики письменной речи у респондентов-женщин совпадают. Однако, в отличие от респондентов женского пола, принадлежащих военной среде, штатские девушки отметили такую характеристику мужской речи, как категоричность высказываний, акцентирование собственной

позиции, объективность или отсутствие аргументации, что говорит о том, что они воспринимают представителей противоположного пола как более сильных, доминирующих, демонстрирующих свою власть. Данная особенность не характерна для девушек-курсантов, и, на наш взгляд, продиктована именно социальным фактором (военные-штатские). Письменная речь в оценке мужчин менее стереотипизирована, отмечено меньше параметров, в основном все они со средней степенью использования.

Таким образом, результаты лингвистического опроса показали, что женщины в большей степени склонны видеть гендерные различия в письменной речи, чем мужчины, то есть их коммуникативное сознание более гендерно дифференцировано. Социальный фактор оказывает влияние на гендерное восприятие письменной речи на коммуникативно-прагматическом уровне (характер самоподачи, степень категоричности высказываний, система аргументации автора текста).

Литература

- Богин Г.И.* Типология понимания текста. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
- Воронина О.А.* Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.
- Гаранович М.В.* Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 24 с.
- Гендер и язык / под общ. ред. А.В. Кирилиной. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 623 с.
- Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. ... доктора филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 406 с.
- Иссерс О.С.* Проблемы создания «коммуникативного портрета»: гендерный аспект // Гендер: язык, культура, коммуникация: сб. докладов Второй международной конференции 22-23 ноября 2001 г. – М.: МГЛУ, 2002. – 126 с.
- Канчер М.А.* О трех аспектах описания языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 311–318.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 340 с.
- Кирилина А.В.* Гендер. Лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
- Кирилина А.В.* Лингвистические гендерные исследования как продукт постмодернистского взгляда на язык // Российское общество: гендерное измерение: сб. науч. ст. – Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2006. – 320 с.
- Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.
- Маслова Л.Н.* Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дис... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 192 с.
- Ощепкова Е.С.* Стереотипные представления о «мужском» и «женском» текстах в сознании носителей русского языка // Гендер: язык, культура, коммуникация: сб. докладов Третьей международной конференции 27-28 ноября 2003. – М.: МГЛУ, 2003. – 126 с.
- Ощепкова Е.С.* Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 154 с.

Е.Ю. Раскина

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПЕРСИДСКОЙ МИНИАТЮРЫ
В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЕВА**

Эстетика и образность средневековых персидских миниатюр оказала огромное влияние на поэзию Н.С. Гумилева. В стихотворении «Персидская миниатюра, вошедшем в сборник «Огненный столп» и рукописный сборник «Персия» (1921), ярко и образно отражен художественный мир средневековых миниатюристов. На это стихотворение, как и на рукописный сборник «Персия» в целом, повлияли религиозно-философские идеи персидских суфиев.

Ключевые слова: Персия, миниатюра, суфизм, ландшафт, рай, каллиграфия.

E.Yu. Raskina

**ARTISTIC WORLD OF PERSIAN MINIATURES
IN NIKOLAI GUMILEV POETRY**

Artistic world of medieval miniatures is brightly and figuratively reflected in the poem of “Persian Miniatures” as well as in “The Fiery Column” poem. This poem together with the hand-written collection of poems called “Persia” are impacted by religious and philosophical ideas of Persian sufism.

Key words: Persia, miniature, sufism, landscape, paradise, calligraphy.

Культуроним Персии, присутствующий в гумилевской сакральной географии, входит в пространство «нежного и блестящего Востока». Н.С. Гумилеву не удалось совершить реальное путешествие в Персию, хотя в 1917 г., находясь в Париже, поэт просил отправить его на Месопотамский фронт. «Пример Кортеса меня взволновал, – писал Гумилев Ларисе Рейснер 22 января 1917 г., – и я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмирением бахтиаров? Переведусь в Кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня будет еще дивная коллекция персидских миниатюр. А ведь вы знаете, что моя главная слабость – экзотическая живопись» [Гумилев Т.8: 201]. Однако назначение на Месопотамский фронт не состоялось, и поэт принял решение о возвращении в Россию.

В стихотворении «Персидская миниатюра», вошедшем в рукописный сборник «Персия» (1921), Гумилев писал: «Когда я кончу наконец / Игру в cache-cache со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой...» [Гумилев Т.4: 70]. Об увлечении Гумилева персидской живописью свидетельствуют воспоминания Н.М. Минского. «После войны я встречался с ним в Париже, – писал Минский. – Прежняя его словоохотливость заменилась молчаливым раздумьем, и в мудрых, наивных глазах его застыло выражение скрытой решимости. В общей беседе он не участвовал и оживлялся только тогда, когда речь заходила о его персидских миниатюрах» [Минский 2004: 15].

Персидская миниатюра символизировала для Гумилева некий идеальный мир, соединивший в себе искусство и религию. В данном контексте следует помнить, что искусство миниатюры связывалось в исламе не с ортодоксальными суннитами, а с гонимыми шиитами, исламскими мистиками, среди которых было немало суфиев. Если последователи ортодоксального течения в исламе – сунниты – запрещали изображать

человека и животных, то шииты доказывали, что этот запрет содержится лишь в преданиях (хадисах), а не в Коране. Именно шииты создали школу книжной миниатюры, в которой соединили традиции персидского, эллинистического и коптского искусства. В чудесном мире персидской миниатюры есть все: «и небо точно бирюза», и принц, любующийся «взлетом девических качелей», и шах-воин, и «ни во сне, ни наяву / не виданные туберозы» [Гумилев Т.4: 70].

В искусстве средневековой Персии миниатюра символизировала и земной, и небесный рай, особое благое пространство. Одна из главных тем персидской миниатюры – просветленный, просвещенный сиянием небесной благодати ландшафт. Такой ландшафт «обозначает и земной рай, и райскую землю, которая, будучи сокрыта от глаз падшего человечества, тем не менее, продолжает существовать в мире духовного света» [Буркхардт 2010: 47]. В мусульманском искусстве средневековой Персии такой ландшафт понимался как «ясный», «совсем не отбрасывающий тени, где каждый предмет сотворен из тончайшей, драгоценной субстанции и каждое дерево и каждый цветок в своем роде уникальны» [Буркхардт 2010: 48].

В стихотворении «Персидская миниатюра» Гумилев также говорит о ясности, солнечности удивительного, райского, ландшафта, изображенного на миниатюре («И небо, точно бирюза»). Образ-символ бирюзового неба восходит к символике бирюзы в персидской и арабской поэзии, где бирюза – это камень любви и влюбленных, являющийся воплощением не только любви к женщине, но и высокого томления по Другу – Богу. Как известно, Другом в суфийской поэзии средневековой Персии называли Всевышнего.

Образ-символ «небесной бирюзы» присутствует в суфийской лирике, где этот драгоценный камень символизирует небесную лазурь, является символом вечности. Голубая бирюза в древней Персии считалась камнем храбрецов – ею украшали рукоятки мечей. Кроме того, этот камень символизировал верную и неизменную любовь.

По древним персидским поверьям, бирюза образовалась из костей людей, умерших от любви. Особой популярностью бирюза пользовалась у мусульманских поэтов-мистиков.

Уникальные растения изображенного на персидской миниатюре земного рая – это, в трактовке Н.С. Гумилева, невиданные «туберозы». Интересно, что в мусульманском религиозном искусстве туберозы символизируют Мириам – Деву Марию. Туберозу в Персии так и называли – «Мириам». Это цветок невест, земное воплощение Вечной Женственности. В Индии туберозы до сих пор используются в свадебных церемониях: гирляндами из тубероз украшают сари невесты. В Бангалоре и других регионах южной Индии тубероза известна как «Sugandaraja», что переводится как «король ароматов» или «король запахов». В Сингапуре туберозу называют «Xinxiao», что означает «то, на чем отдыхают ночные бабочки». Бабочка во многих мифологических системах – символ души, что связывает образ-символ туберозы с идеей Вечной Женственности, понимаемой как высшая, просветленная душевность.

Идея райского сада или просветленного ландшафта, характерная для персидских миниатюр, непосредственно связана с образом светлой девы, обитающей в волшебном саду. В стихотворении Н.С. Гумилева «Персидская миниатюра» упоминаются девические качели, за взмахами которых наблюдает влюбленный принц. «Невиданные туберозы» сказочного сада, изображенного на персидских миниатюрах, связаны у Гумилева с идеей женственности, понимаемой как светлая красота.

Символика «девических качелей» также связана с Вечно Женственным началом мироздания. Качели занимали важное место в мифологии восточных и южных славян. На качелях катались у южных славян на масленицу или в Юрьев день, у восточных – в день Сорока мучеников и на Пасху. Качание на качелях разрешалось во время Великого поста, а затем, прерываясь на период Страстной недели, возобновлялось на Пасху и продолжалось в течение всей Светлой недели. Последним днем, когда могли качать-

ся на качелях, было восьмое воскресенье по Пасхе. Качание на качелях воспринималось как магический способ склонить молодых людей к супружеству. Более того, качание на качелях или на ветвях деревьев считалось одним из любимых занятий женских персонажей славянской мифологии.

Исследователь искусства ислама Титус Буркхардт сравнивает необыкновенные растения представленного на персидской миниатюре благого пространства с растениями, которым Данте отводит место в земном раю, на горе чистилища, и семена которых разносятся вечным ветром» [Буркхардт 2010: 48]. Символика райского сада, изображенного на персидских средневековых миниатюрах, во многом сходна со средневековой же католической традицией изображения благого, просветленного ландшафта и с пониманием символики сада во французской католической традиции.

В Средние века в Европе считалось, что любой земной сад – это отражение сада райского, Эдема. Поэтому в центре сада должен быть источник живой воды – фонтан, а под садом – подземные воды, символизирующие влагу забвения. Каждое растение имело свою символику, так, например, розы, фиалки, лилии и ирисы были атрибутом Небесной Девы, Богородицы. В Деве Марии средневековые католические художники и теологи видели властительницу райского сада.

Средневековый сад – это огражденное пространство, ибо Эдем был огражден. Именно в чудесном лесу, согласно английскому бестиарию Эшмола (Bestiaire Ashmole, Англия, около 1210 г.), обитает волшебный единорог. В этот лес или сад приходит чистая дева, к которой единорог приходит, как ребенок – к матери, и здесь его настигает жестокий охотник. Пролитая кровь единорога, настигнутого охотником, символизировала в средневековых бестиариях крестные страдания Христа во имя человечества.

В то же время в средневековых легендах, связанных с образом единорога, это мифологическое животное часто не погибает от руки охотника, а, напротив, сражает

своим рогом недостойных. Единорог может охранять райские врата, защищать чистую деву. Считалось, что единорог был первым животным, которому в саду Эдема Адам дал имя.

Архангел Гавриил, приносящий Деве Марии благую весть о рождении Христа, в иконографии часто изображался в виде охотника, который гонит навстречу Богородице «украшенного драгоценностями единорога». Охотничьи пояса, удерживающие это сказочное животное, именовались: «Вера, Надежда, Любовь» или «Честность, Справедливость, Милосердие».

В Бестиарии Эшмола «небесным единорогом» назван Христос: «Notre-Seigneur Jésus-Christ est une licorne céleste don't on a dit: "Il a été chéri comme les fils des licornes". Et, dans une autre psalme: «Ma corne sera élevée comme celle de la licorne» («Наш сеньор Иисус Христос – это небесный единорог, о котором сказано: «Он был возлюблен как сыновья единорогов». И, в другом псалме, «Мой рог поднимется, как у единорога») [Le Goff Jacques 2000: 192]. Согласно бестиарию Эшмола, один-единственный рог на лбу единорога символизирует Слово Христово, а также единосущность Отца и Сына («Я и Отец – одно» (Иоанн. 10: 30)). Единорог сопровождает чистую деву, являющуюся прообразом Девы Марии, – только ей он подчиняется и только к ней устремлен. В то же время рядом с Девой единорога может настичь охотник: единорог должен пролить свою кровь во имя людей.

Для поэзии Н.С. Гумилева мотив утраченного рая – один из важнейших. Подобную тенденцию отмечали и современники поэта. В частности, поэтесса Ольга Мочалова в своих воспоминаниях о Н.С. Гумилеве писала: «Думается, основная его тема – потеря рая. Он был там. Оттуда сохранилась память о серафимах, об единорогах. Это не поэтические «украшения», а живые спутники души. Оттуда масштабность огненных напряжений, светов, горений. Оттуда и уверенная надежда: «Отйду я в селенья святы» [Мочалова 2004: 105].

Средневековые персидские миниатюры создавались по образцу китайской жи-

вописи, что было особенно важно для Гумилева, постоянно обращавшегося к теме «великого и славного Китая» в своем творчестве. От китайской живописи персидские миниатюры унаследовали идеальное сочетание каллиграфии и иллюстрации, что было связано со значимостью буквенного символизма в китайском искусстве. Для искусства ислама также характерна вера в божественное происхождение и могущество алфавита – каждой буквы, созданной Аллахом. Искусство каллиграфа часто ценилось в средневековой Персии выше, чем искусство миниатюриста.

Для персидских миниатюр характерно предельное уплощение пространства (миниатюра не знает перспективы), также характерна гармония человеческих фигур и ландшафта, понимаемая как гармония человека и природы. Человеческие фигуры, предметы и растения располагались на плоскости листа, словно яркий, красочный узор.

Гармония человека и природы была очень важна для Гумилева, ценившего в персидской миниатюре именно «просветленный ландшафт», идеальный союз природы и человека. Следовательно, строки из стихотворения Гумилева «Персидская миниатюра»: «Когда я кончу наконец / Игру в cache-cache со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой...» [Гумилев Т.4: 70] – можно интерпретировать как возвращение в райский сад после физической смерти. Поскольку персидская миниатюра – это райский, просветленный ландшафт, то желание поэта стать миниатюрой – это по сути стремление вернуться в рай, утраченный человечеством после грехопадения. Вернуться – ценой собственной смерти, но вернуться так, чтобы быть достойным рая.

Персию Гумилев воспринимал опосредованно – через поэзию суфийского мистицизма и, прежде всего, сквозь призму лирики Хафиза (Гафиза). Имя Хафиза символизировало для Гумилева высокую, мистическую поэзию, а Персия была страной, навеки связанной с именами великих поэтов древности – Фирдоуси, Омара Хайяма, Энвери, Джелаледина Руми, Саади, Хафиза и Джами. Однако в «семизвездии» на небе

персидской поэзии главным для Гумилева был Хафиз.

В «семизвездие на небе персоязычной поэзии» вошли: Фирдоуси – как предстатель историко-героического эпоса, Низами как эпик-романтик, Энвери – панегирист, Джелаледин Руми – поэт-мистик, Саади – моралист, Хафиз – любовный лирик, Джами – исключительно великий поэт, сочетавший в себе все поэтические жанры и направления.

Приведенная выше поэтическая «седмерица» вошла в литературный обиход благодаря автору «Истории персидской литературы», австрийскому барону Иозефу фон Хаммеру. Последний сформировал свою бессмертную седмерицу «на небе персидской поэзии», учитывая мистическое значение цифры 7 на Востоке. Согласно традициям культур Древнего Востока, 7 – самое важное из священных чисел. В частности, в древней Персии почитались «семь бессмертных святых», такие духовные начала, как – благая мысль, истина, долгожданное Царство Божие, благочестивое смирение, совершенное здоровье, бессмертная молодость, бдительное повиновение.

Интерес Н.С. Гумилева к Персии и персидской культуре был связан с его увлечением произведениями исламских поэтов-мистиков: Саади, Хаяйма, Насири Хосрова – основателя секты исмаилитов. Так, русский перевод Песни Насири Хосрова послужил источником стихотворения Гумилева «Пьяный дервиш», включенного поэтом в рукописный сборник «Персия» (1921). Факсимильное воспроизведение сборника «Персия» содержится в первом издании гумилевского тома «Библиотеки поэта» [Гумилев 1988: 317–329].

В гумилевский рукописный сборник «Персия» вошли следующие стихотворения: «Персидская миниатюра», «Подражание персидскому» и «Пьяный дервиш». «Книга эта повторена не будет, а переписана она в одном экземпляре автором и проиллюстрирована им же» [Гумилев 1988: 317], – написал Гумилев на внутренней стороне обложки. Рукописный сборник «Персия» был сформирован 14 февраля 1921 г.

и содержал в себе стихотворения, образно-символические ряды которых восходят к образности, характерной для стихотворений персидских поэтов-суфиев.

Так, в суфийской мистической лирике, как правило, упоминается лицо (лик) некой красавицы или красавца и ее (его) пышные темные кудри (локоны). «Кудри красавца всегда темны, как ночь», – писал востоковед Е.Э. Бертельс в своей классической работе «О поэтической терминологии персидских суфиев», опубликованной в 1926 г. в Ленинграде. «Лицо сияет, как солнце; сравнение эманаций единства, озаряющих мрак множественности, с лучами солнца известно всякому, кто хоть раз заглядывал в диваны суфийских поэтов» [Бертельс 1926: 361]. Дуновение ветра (откровение – *их-лам*) отбрасывает кудри с лица красавицы (красавца), позволяет заглянуть за покровы вечности.

Подобная расшифровка перекликается со следующими строками стихотворения Н.С. Гумилева «Пьяный дервиш», основанными на суфийской символике: «Мир – лишь луч от лика друга, / Все иное – тень его» [Гумилев Т.4: 102], где под Другом подразумевается Бог, Лик Друга символизирует высшую духовную энергию, Благодать Божию, а луч от Лика Друга – творческую энергию Бога, посредством которой был создан мир. Источником для этого гумилевского стихотворения послужила «Песня» великого персидского поэта, философа и путешественника Насири Хосрова, которая в прозаическом переводе профессора В.А. Жуковского появилась в IV томе «Записок восточного отделения Русского археологического общества» [Записки Восточного отделения... 1890: 386]. Профессор Жуковский относил «Песню» Насири Хосрова к ярким образцам суфийской лирики.

«Мир эманаций суфии представляю себе в виде кольца, замыкающегося на последнем заключительном звене человека, – уточняет Бертельс. – Таким образом можно сказать, что ищущий Бога суфий пойман в кольцо низших миров (...). Явления мира – множественны, каждое из них может увлечь человека, сбить его с прямого пути и заста-

вить забыть основную цель, а локон изобилует завитками, каждый из них – синок для неопытного сердца» [Бертельс 1926: 361]. Упоминание о «кольце низших миров» восходит к символике кольца как кругового танца природы в вечном процессе созидания и разрушения.

В стихотворении Н. Гумилева «Подражание персидскому» (1921) присутствует образ красавицы, чьи щеки подобны ширазским розам, взор – бирюзе и бериллу, а косы – золоту («Ради щек твоих, ширазских роз, / Краску щек моих утратил я, / Ради золотых твоих волос / Золото мое рассыпал я. / Нагим и голым стал, красавица. / Для того, чтоб посмотреть хоть раз, / Бирюза – твой взор или берилл, / Семь ночей не закрывал я глаз, / От твоих дверей не отходил» [Гумилев Т.4: 76]). «Персидская больная бирюза» упоминается и в стихотворении Гумилева «Лес» («Я придумал это, глядя на твои / Косы – кольца огневующей змеи, / На твои зеленоватые глаза, / Как персидская больная бирюза» [Гумилев Т.4: 69]).

«Больная бирюза» – это небесно-голубой камень с зелеными прожилками. Зеленый оттенок, пробивающийся сквозь голубизну, символизировал для древних персов тоску и сомнение: именно поэтому в стихотворении «Лес» зеленоватые глаза героини уподобляются именно «больной бирюзе».

В стихотворениях из рукописного сборника «Персия» Гумилев использовал и другие образы, восходящие к поэзии персидских суфиев. Так, упоминание о ширазских розах в «Подражании персидскому» («Ради щек твоих, ширазских роз...») связано с той ролью, которую играл Шираз в мировосприятии персидских поэтов-суфиев, в персидской поэтической культуре в целом. Шираз был родиной Гафиза (Хафиза) и Саади, городом, олицетворявшим мир поэзии, красоту и истину, мистический путь истинного поэта. «Тюльпаном Шираза» называли Гафиза, тогда как ширазские розы символизировали в персидской культуре бессмертную красоту. «Князем Шираза» назван Гафиз в пьесе Гумилева «Дитя Аллаха». Гробница Хафиза и поныне расположена в живописно предме-

стье Шираза, в прекрасном саду, названном в честь поэта Хафизийа. Практически сразу после смерти поэта она стала центром паломничества.

Шираз был одним из центров мусульманского мистицизма, в частности, – суфизма, и как философско-религиозной, и как поэтической школы. Родиной суфизма востоковеды называют Ирак, вторым по значению «побегом» этой «ветви» мусульманского мистицизма считается «хорасанская» школа, центром которой являлся Нишапур. Далее влияние Ирака ослабевает, и учение распространяется за пределами Хорасана.

Сад Хафизийа суфии считали лишь отражением чудесного «сада истины». Образ обнесенного стеной или скрытого за таинственной дверью «сада истины» часто встречается в суфийской средневековой поэзии Переднего Востока. В частности, великий суфийский поэт из Хорасана Санайи был автором поэмы «Окруженный стеной сад Истины» (в русском переводе – «Сад истин»).

Эту поэму Санайи традиционно называют «персидским Кораном». «Сад истин» состоит из рассуждений и притч и является прообразом суфийских поэм Аттара, Руми и других знаменитых средневековых иранских поэтов-мистиков. Санайи ввел в персидскую литературу впоследствии повторенный Аттаром мотив «собрании птиц», каждая из которых по-своему восхваляет весну и Всевышнего. Влияние сюжетики и образности знаменитой поэмы суфийского поэта Аттара «Беседа птиц» (в некоторых переводах – «Язык птиц») прослеживается в сцене беседы Гафиза с птицами в пьесе «Дитя Аллаха» («Сюда, Коралловая сеть, / Цветок граната, Блеск Зарницы, / Дух Muskusa, Я буду петь, / А вы мне отвечайте, птицы») [Гумилев Т.5: 85].

В пьесе «Дитя Аллаха» «князю Ширазу» Гафизу принадлежит таинственный сад, подобный райскому. Так, Пери сравнивает сад Гафиза с раем для чистых душ: «Не это ль рай для чистых душ, / Заветные Господни кущи? / Кто этот величавый муж, / Так изумительно поющий? / Как кудри черные сплелись / С гирляндой роз багрово-красных» [Гумилев Т.5: 88]. Под именем Гафиза, величайшего поэта-мистика средневеково-

го Ирана, выступал Гумилев в переписке с Ларисой Рейснер. В письмах 1916-1917 гг. Гумилев называл Ларису Рейснер – Лери, соединяя в этом условно-поэтическом имени Леру-Лаик из «Гондлы» и Пери из пьесы «Дитя Аллаха».

«...В моей голове уже складывается план книги, которую я мысленно напишу для себя одного (подобно моей лучшей трагедии, которую напишу только для Вас). Ее заглавие будет огромными красными, как зимнее солнце, буквами: «Лера и Любовь». А главы будут такие: «Лера и снег», «Лера и персидская лирика», «Лера и мой детский сон об орле», – писал Гумилев Ларисе Рейснер 8 ноября 1916 г. [Гумилев Т.8: 198]. «Ах, привезите с собой в следующий раз поэму, сонет, что хотите, о янычарах, о семиголовом цербере, о чем угодно, милый друг, но пусть опять ложь и фантазия украсятся всеми оттенками павлиньего пера и станут моим Мадагаскаром, экватором, эвкалиптовыми и бамбуковыми рощами», – вторила «милому Гафизу» Лариса Михайловна [Гумилев Т.8: 248]. Унаследованный от Гумилева интерес к древней Персидской империи, частью которой в средние века был Афганистан, средневековой персидской поэзии и персидским миниатюрам во многом обусловил образные ряды книги Л. Рейснер «Афганистан» (1925).

Л.М. Рейснер далеко не случайно упоминала в своем письме Н.С. Гумилеву об «оттенках павлиньего пера», которыми должны украситься ложь и фантазия. Упоминание о павлиньих перьях, сияющих всеми переливами красок, – элемент символического кода, которым они с Гумилевым пользовались в своей переписке. Дело в том, что образ-символ павлина очень важен для любимой Гумилевым суфийской поэзии. Так, в «Сказках дервишей» Идрис Шаха есть глава о символике змеи и павлина. Павлин говорит о себе так: «Я олицетворяю вдохновение, устремленность к небесам, к высшей красоте, другими словами – знание. Мое предназначение – напомнить человеку о его собственных, известных ему качествах» [Идрис Шах 2006: 122]. Культ павлина в древнем Иране был основан на учении

шейха Ади, сына Мусафира, жившего в XII в. На арабском «павлин» обозначает украшение, а слово «змея» по написанию сходно со словами «организм» и «жизнь».

Эвкалиптовые и бамбуковые рощи также упоминаются Л.М. Рейснер далеко не случайно и представляют собой элемент символического кода, использовавшегося Гафизом (Гумилевым) и его «Лери-Пери» в переписке, как и условно-поэтические имена «Лери» и «Гафиз». Символика бамбука очень важна для поэзии средневекового Китая, также высоко ценимой Гумилевым.

Бамбук – это символ гармонии природы и в то же время – благородства и мужественности. В буддизме существует десять состояний человеческой психики. Одно такое состояние называется миром тех, кто «слушает голос», и, как следствие принимает помощь извне, из природного и небесного миров. К числу таких «голосов» в буддизме относят и «голос бамбука», говорящий человеку о благородстве и силе духа [Муратова 2005: 39]. В рассказе «Голос бамбука, цветок персика» выдающийся японский писатель Кавабата Ясунари вопрошал: «С какой же поры он стал ощущать в себе голос бамбука – цветок персика? А тепер ему уже не только слышится голос бамбука – он видел этот голос, и не только любовался персиковым цветом – в нем звучал цветок персика» [Кавабата Ясунари 2005: 42].

Вечнозеленые эвкалиптовые рощи связаны, напротив, с темой Африки. Эвкалиптовые рощи можно увидеть в Северной и Южной Африке. В контексте символизма растений, характерного для многих мифологических систем, эвкалипт связан с мотивом памяти (Прапамяти), воспоминаний об утраченном просветленном (райском) состоянии человека.

Имя Гафиза было выбрано Гумилевым для этой переписки отнюдь не случайно. В древней Персии Гафиз (Хафиз) считался не только лучшим мастером любовной лирики, но и «толкователем тайн», «устаами сокровенного мира», прилежнейшим «чтецом Корана», которому был ниспослан поэтический дар после посещения гробницы знаменитого суфийского отшельника и поэта-мистика

Баба Кухи Ширази. Само имя Хафиз обозначает – «чтец Корана». Исторический Хафиз (Шамс ад-Дин Мухаммад) долго и истово молился около гробницы суфийского святого, пока не упал без сил. Во сне ему явился старец, назвавший себя халифом Али и одаривший «чтеца Корана» поэтическим талантом.

Али бен-Аби Талиб – это четвертый праведный халиф, зять пророка Мухаммада, с именем которого связано зарождение шиизма. Однако в образе «халифа Али», явившегося Хафизу, востоковеды усматривают намек на Хизра, персонажа мусульманских сказаний, который почитался среди суфиев. В газели «Вчера на исходе ночи от мук избавленья мне дали» Хафиз писал о «воде жизни», которую он смог увидеть во тьме благодаря таинственному старцу, одарившему его поэтическим вдохновением. Именно с Хизром связана кораническая история путешествия Мусы (библейского Моисея) по

пустыне, когда Хизр указывал Моисею дорогу. В своих странствиях Муса (Моисей) и Хизр набрали на источник живой воды. Живая вода в позднейших суфийских толкованиях стала пониматься мистически и служила метафорой сокровенного знания.

Исторический Хафиз намеревался отплыть в Индию, которую считал раем земным, но эта попытка оказалась неудачной. Тем не менее, личность и жизненный путь Гафиза связывались в поэзии и философии персидского мистицизма с поисками «рая земного». «Как мне жить, веселясь, если денно и ночью в ушах / Колокольчик звучит: «Собирайся в дорогу скорей!» [Хафиз 1999: 34], – писал Хафиз в газели «Веселей, вночерпий! Полней мою чашу налей». Мотив путешествия в Индию, поиска «рая земного», связанный с жизнью и творчеством Хафиза, необычайно близок к образу-символу «Индии Духа», ключевому для произведения Н.С. Гумилева.

Литература

- Баскер М. Стихотворение Н.Гумилева «Пьяный дервиш» (творческий генезис и мета-поэтика текста) // *Филология – Philologica*. – Краснодар. 1994. – №3. – С. 46–53.
- Бертельс Е.Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев. Локон и лицо // *Язык и литература*. I. – Л., 1926. – С. 361–386.
- Буркхардт Т. Искусство ислама. – М.: ИРБИ, 2010. – С. 47–48.
- Гумилев Н.С. Собрание сочинений. Т. 1–8. – М.: Воскресенье, 1998–2004.
- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1988. (Б-ка поэта. Большая серия). – С. 317–329.
- Записки Восточного отделения Русского археологического общества». – СПб, 1890. – С. 386–393.
- Идрис Шах. Сказки дервишей. – М.: ИИФ ДИАС ЛТД. Пятая страна, 2006.
- Кавабата Ясунари. Голос бамбука, цветок персика // *Всесвітня література в середніх навчальних закладах України*. №1, 2005.
- Минский Н.М. Кузмин. Эхо. Н. Гумилев. Огненный столп // *Новая русская книга*. 1922. №1.
- Мочалова О. Голоса серебряного века. Поэт о поэтах. – М.: Молодая гвардия, 2004.
- Муратова В.І. Типологічні сходження у повісті Е. Хемінгуея «Старий і море» та оповіданні Кавабата Ясунарі «Голос бамбука, квітка персика // *Всесвітня література в середніх навчальних закладах України*. №1. 2005. – С. 38–41.
- Хафиз. Вино вечности. – М.: Эксмо-Пресс, 1999.
- Le Goff Jacques. Un Moyen Age en images. – Paris: Hazan, 2000.

Г.Н. Попова

**ПОЭТИКА ДОМА В РОМАННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ГОНЧАРОВА**

В статье рассматривается дом как один из пространственных локусов в романном творчестве Гончарова, его роль и функции в художественном мире писателя.

Ключевые слова: пространственно-функциональная характеристика, функции дома, топоанализ

G.N. Popova

**POETICS OF HOME IN I.A. GONCHAROV'S
NOVELISTIC WORKS**

The paper reviews home as one of the spatial loci in Goncharov's novels; together with its role and function in the writer's artistic world.

Key words: spatial and functional characteristics, home functions, topoanalysis.

Анализируя поэтику провинциального пространства в романном творчестве И.А. Гончарова, обратимся к одному из его важнейших, знаковых составляющих – дому. В исследованиях многих гончароведов неоднократно отмечалось, что дом в романах Гончарова выступает в качестве очень важной пространственной доминанты.

Родной дом для главных героев Александра Адуева, Ильи Ильича Обломова, Бориса Райского – это больше, чем место обитания, это место грез, мечтаний, фантазии. И нередко дом определяет характер грезы, если вернуть всем уединенным уголкам их функцию – быть прибежищем грез, то можно сказать, что у каждого из главных героев есть особый Дом, дом воспоминания-грезы, за гранью реального прошлого. Герои Гончарова ощущают особую связь с родным домом, она возвращает героев (Обломов, Райский) в ситуацию грезы. В романе «Обломов» родовое поместье Ильи Ильича показано как нерасторжимое единство образа и воспоминания, функциональное смешение воображения и памяти, подлинное бытие детства героев. Именно поэтому детство остается в романе живым и поэтически продуктивным. И когда Александр Адуев разрывает особую, чувственную связь с домом, он лишается мечтаний, грез, поэтических фантазий, становится «практическим человеком», как и его дядя.

Дом для главных героев Гончарова – воплощение образов, дающих человеку опору или иллюзию устойчивости, надежности, в героях пробуждает сознание центральности. Чуткое отношение к дифференциации символов – ее необходимое свойство. Дом как один из пространственных локусов воспринимается как «свое, родное и вместе с тем закрытое, защищенное пространство, пространство частной жизни, в котором осуществляется идеал независимости» [Лотман 1988: 142]. Это то место, где человек живет естественной

жизнью, это пространство – мир человеческой личности, мир, противостоящий вторжению стихий, центр мирового порядка. Личностно освоенный, обжитой дом может спасти человека от тоски, пробудить воображение, чувства, мечты. Дом – это первый мир человеческого существа, враждебное для человека внешнее пространство противостоит милому внутреннему пространству, которое мыслится как место – и в духовном, и в психологическом, и в прямом, географическом, смысле этого слова. Не случайно Райский почувствовал себя почти преступником, «что, шатаюсь по свету, в холостой бесприютной жизни своей, искал привязанностей... тогда как здесь сама природа уготовила ему теплый угол, симпатии и счастье» [Гончаров 1978 V: 157]. Герой, оказавшись дома, чувствует, что ему «хорошо, тепло, что окружающая жизнь как будто втягивает его» [Гончаров 1978: 158]. Дом во всей совокупности пространственно-функциональных характеристик обладает иерархической структурой и вписывает в нас иерархию различных функций обитания: социально-прагматической, семейной, культурной и мифопоэтической.

Поэтическая фантазия, творящая символы и мифы, придает домашней атмосфере полисемантическую активность. «Сказка не над одними детьми в Обломовке, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть... В Обломовке верили всему: и оборотням и мертвецам. Расскажут ли им, что копна сена разгуливала по полю, – они не задумаются и поверят, пропустит ли кто-нибудь слух, что вот это не баран, а что-то другое, или что такая-то Марфа или Степанида – ведьма, они будут бояться и барана и Марфы: им и в голову не придет спросить, отчего баран стал не бараном, а Марфа сделалась ведьмой, да еще накинутся и на того, кто бы вздумал усомниться в этом, – так сильна вера в чудесное в Обломовке! Илья Ильич и увидит после, что просто устроен мир, что не встают мертвецы из могил, что великанов, как только они заведутся, тотчас

сажают в балаган, и разбойников – в тюрьму, но если пропадает самая вера в призраки, то остается какой-то осадок страха и безотчетной тоски» [Гончаров 1978 III: 119]. Таким образом, помимо позитивных ценностей защиты в родном доме утверждаются ценности воображения, последние ценности, которые остаются, когда нет самого дома.

В Петербурге Гончарова нет домов (в том значении, о котором мы говорили выше), жители столичного города существуют в квартирах (коробках), нагроможденных одна на другую. Дома не имеют корня, у городских зданий есть внешняя высота, дом – попросту горизонтальная плоскость и не более того. Тем самым упразднен один из фундаментальных принципов различий и классификации ценностей домашней жизни. Александр Адуев, покинув родной дом, ощущает себя чужим в Петербурге. И это чувство одиночества, незащищенности усиливают «однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошную массу тянут одна за другою. <...> Заглянешь направо, налево – всюду обступили вас, как рать исполинов, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нет простора и выхода взгляду: заперты со всех сторон, кажется, и мысли и чувства людские также заперты» [Гончаров 1978 II: 97].

У героя романа «Обрыв» Бориса Райского в Петербурге есть «приют, три порядочные комнаты, которые он снимает у немки и постоянно оставляет квартиру за собой, а сам редко полгода выживал в Петербурге с тех пор, как оставил службу» [Гончаров 1978 V: 43]. Описание жилища Райского очень напоминает квартиру Обломова – указание на временность, отсутствие настоящего Дома. В Петербурге дом чужд космизму, он утратил связь с природой, отношения между жилищем и окружающим пространством искусственны, все механизировано, и для сокровенной жизни здесь нет места. Именно поэтому герои снимают «угол», «комнату», которые

механистически заменяют дом. Положение дома во вселенной представляет для героев конкретный вариант ситуации человека в мире, получающей нередко чисто метафизическую трактовку («А где человек?» – восклицает Обломов).

Писатель возвращает героев в дом как в точку излучения силы, в зону наибольшей защищенности. Персонаж погружается в грезу о райском уголке, формируя в сознании сказочные образы райского уголка, мечтает жить в эдеме. Это мысленное (как у Обломова) или реальное (как у Райского) бегство в поисках подлинного убежища, в котором защищенность бытия, охраняющие ценности дома противостоят осаждающим его внешним силам. Рассматривая динамичную диалектику дома и мира, можно рассмотреть дом как особый мир, как психологические диаграммы внутреннего мира героя. Дом и мир не просто взаимодействуют в пространстве, они обмениваются импульсами. В провинциальном городе, в усадьбе в родном доме герой чувствует себя безопаснее, спокойнее, чем в доме, затерянном среди городских улиц, где он находит кратковременное пристанище. Не случайно, герои Гончарова, оказавшись в Петербурге, обозначают свое жилище как угол, временное пристанище. При описании же Грачей, Обломовки, Малиновки возникает образ Дома-матери (формируется представление о материнстве дома), соединяются образы матери и дома. Подобное соединение возможно не только потому, что источник этого образа – ностальгия по детству, а потому, что особенно важна актуальность защитной функции дома: помимо уз нежности здесь есть и общность силы, объединение сопротивления двоих чужому внешнему, часто враждебному пространству. Заветная мечта Ильи Ильича удалиться в преображенную Обломовку, окружить ее своего рода защитным поясом – «маленькой колонией друзей и предаться поэтической задумчивости от полноты удовлетворенного счастья» [Гончаров 1978 III: 62].

Дом «прижался» к человеку, а человек слился с его стенами – так создается писателем образ концентрации бытия. Дом сжимается, и усиливается его защитная функция, присущие дому ценности защиты и сопротивления транспонируются в человеческие ценности, дом получает физическую и нравственную энергию человека.

В романах Гончарова пространство дома влияет на героя не меньше, чем все персонажи произведений. Пространство, в котором живет герой, открывает нам некое чувствительное место антропокосмологии, дом является одним из инструментов топоанализа.

Литература

- Гончаров И.А.* Собрание сочинений в 8-ми томах. – М., 1978.
Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988.

УДК: 82.081: Пушкин

В.П. Казарин

**ЧТО ВИДЕЛ ПУШКИН В БАХЧИСАРАЕ В НАВЕРШИИ ПОРТАЛА АЛЕВИЗА,
ИЛИ ОШИБКА БРАТЬЕВ ЧЕРНЕЦОВЫХ**

В статье устанавливаются реальные обстоятельства посещения А.С. Пушкиным в 1820 году Бахчисарайского дворца, выявляющие фактические неточности в картине «Пушкин в Бахчисарайском дворце» братьев Чернецовых.

Ключевые слова: Пушкин, братья Чернецовы, Бахчисарайский дворец, фонтан слез, двуглавый орел, двурога луна, портал Алевиза, екатерининская миля,

**WHAT PUSHKIN SAW IN BAKHCHISARAI IN THE TOP OF THE PORTAL
OF ALEVIZ
OR CHERNETSOV BROTHERS' MISTAKE**

The article deals with the real circumstances of Pushkin's visit to Bakhchisarai Palace in 1820, exposing actual inaccuracies in Chernetsov brothers' picture "Pushkin in Bakhchisarai Palace".

Key words: Pushkin, Chernetsov brothers, Bakhchisarai Palace, the fountain of tears, two-headed eagle, two-horned Moon, the Portal of Aleviz, the Catherine Mile.

После смерти Пушкина в 1837 году известные художники братья Чернецовы вдвоем написали картину-фантазию «Пушкин в Бахчисарайском дворце» (см. рис. 1). Ее основу составила акварельная студия 1834 года младшего брата Никанора, которая имела несколько авторских повторений с вариациями групп людей у фонтана (см. рис. 2 и 3). В эту студию была вписана фигура поэта с натурной зарисовки старшего брата Григория (см. рис. 4), выполненной в 1832 году и позднее использованной как для небольшой картины «Пушкин, Крылов, Жуковский и Гнедич в Летнем саду» (1832 г.), так и для академического полотна «Парад на Царицыном лугу в Петербурге» (1833–1837 гг.) [Художники братья Чернецовы... 1999: 134].

В результате, художники создали очень популярную и по сей день часто тиражируемую акварель, которая содержит, однако, досадные фактические неточности: в 1820-м году Пушкин носил длинные волосы до плеч и не имел бакенбардов, а на башенке над Порталом Алевиза была не мусульманская двурогая луна (что было верно для 1834 года), а российский двуглавый орел (что было верно для 1820 года).

Что касается внешнего облика поэта, то достаточно посмотреть на его автопортреты той поры, чтобы убедиться в правоте нашего замечания. Поэтому обратимся лучше к проблеме луны и орла, которая действительно нуждается в доказательной базе.

В Посольском садике дворцового комплекса находится один из мировых архитектурных шедевров Бахчисарая – Портал железных дверей Демир-Капу (см. рис. 5), «выполненный в традициях венецианского ренессанса итальянским зодчим Алевизом Новым в 1503 году, тем самым архитектором, который позднее прославил свое имя постройкой Архангельского собора в Московском Кремле» [Бахчисарай... 1983: 6]. Алевиз Новый по дороге из Италии в Москву был принудительно задержан на длительное время крымским ханом Менгли-Гиреем и осуществлял строительные работы

в Бахчисарайском дворце. На шпилье над исполненным им Порталом была, естественно, установлена двурогая луна.

В 1784–1787 годах во дворце были проведены ремонтные работы, связанные с подготовкой к приезду в Крым Екатерины II. Именно тогда в Фонтанный дворик переносится фонтан «себиль» – знаменитый Фонтан Слез. Тогда же на башенке над Порталом Алевиза двуглавый российский орел заменил полумесяц [Бронштейн 2010: 183].

Именно орла мог видеть Пушкин над Порталом Алевиза 7 (19 по н. ст.) сентября 1820 года во время осмотра Ханского дворца. Именно орла в том же году видел в Бахчисарае И.М. Муравьев-Апостол, отрывок из «Путешествия по Тавриде» которого [Муравьев-Апостол 1823] автор «Бахчисарайского фонтана» приложил к поэме. В этом отрывке, в частности, есть такой фрагмент: «На этой правой стороне, чрез ворота, под строением находящиеся, ты проходишь во внутренний двор, где тотчас на левой руке представляются тебе железные двери, пестро в аравском вкусе украшенные, с двуглавым над ними орлом, занявшим место оттоманской луны» [Пушкин, т. 4, 1959: 172].

Эта замена сохранялась вплоть до 1825 года, когда император Александр I, уступая настойчивым просьбам крымскотатарской знати, вернул двурогию луну на старое место. Орла он приказал перенести на наверхние «екатерининской мили», установленной у входа во дворец в период подготовки путешествия Екатерины Великой по Крыму.

Новый период в истории Ханского дворца как раз и зафиксировал в 1834 году Н. Г. Чернецов на упомянутой нами акварели ««Фонтан слез» в Бахчисарайском дворце»: на шпилье над Порталом (шпиль на картине выглядывает из-за стены) снова красуется полумесяц (см. рис. 2 и 3).

Мало того, в 1820-м году Пушкин видел над Порталом Алевиза не того орла, который был установлен в связи с приездом Екатерины II. Ее сын – император Павел I – осуществил реформу государственного герба, разместив на груди у орла Мальтийский

крест и Мальтийскую корону. После этого он произвел в стране тотальную замену двуглавых орлов, установленных матерью, на своего орла.

Павловского двуглавого орла над Порталом Алевиза мы можем видеть на гравюре «Дверь у входа во дворец», помещенной в книге «Досуги Крымского судьи» П.И. Сумарокова (см. рис. 5), выпущенной по итогам путешествия автора по Крыму, совершенного в 1802 году [Сумароков 1803–1805].

Чертежи Ханского дворца И. Колодина 1820 и 1823 годов опять фиксируют иные (теперь уже, чем у Павловского орла) очертания государственного символа над Порталом [см. Чертежи Ханского дворца... 1488]. Это позволяет заключить, что император

Александр I, ликвидировав после своего восшествия на престол Мальтийский крест и Мальтийскую корону на двуглавом орле, также провел кампанию замены государственных символов своего отца – императора Павла I.

Таким образом, именно этого, Александровского (а не Екатерининского и не Павловского), орла и видел наш поэт над Порталом Алевиза во время посещения бахчисарайского Ханского дворца 7 (19 по н. ст.) сентября 1820 года.

Картина-фантазия братьев Чернецовых, написанная художниками из лучших побуждений, к сожалению, произвольно смешивает разные эпохи не только в истории дворца, но и в жизни Пушкина.

Рис. 1.
Г.Г. и Н.Г.
Чернецовы.
Пушкин в
Бахчисарайском
дворце. 1837 г.

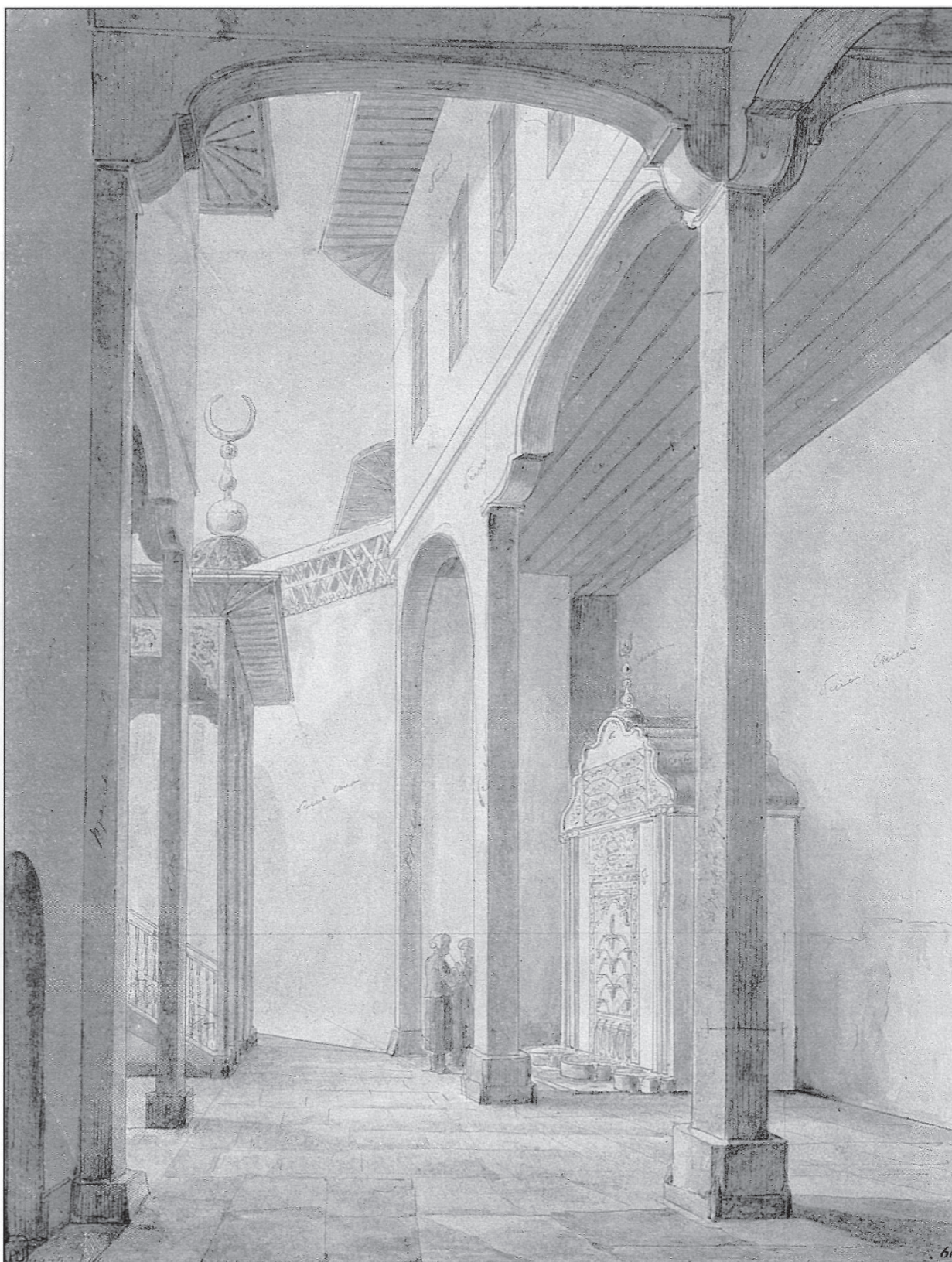

Рис. 2. Н.Г. Чернецов.
«Фонтан слез» в Бахчисарайском дворце. 1834 г. (Композиция с двумя фигурами)

Рис. 3. Н.Г. Чернецов.
«Фонтан слез» в Бахчисарайском дворце. 1834 г. (Композиция с тремя фигурами)

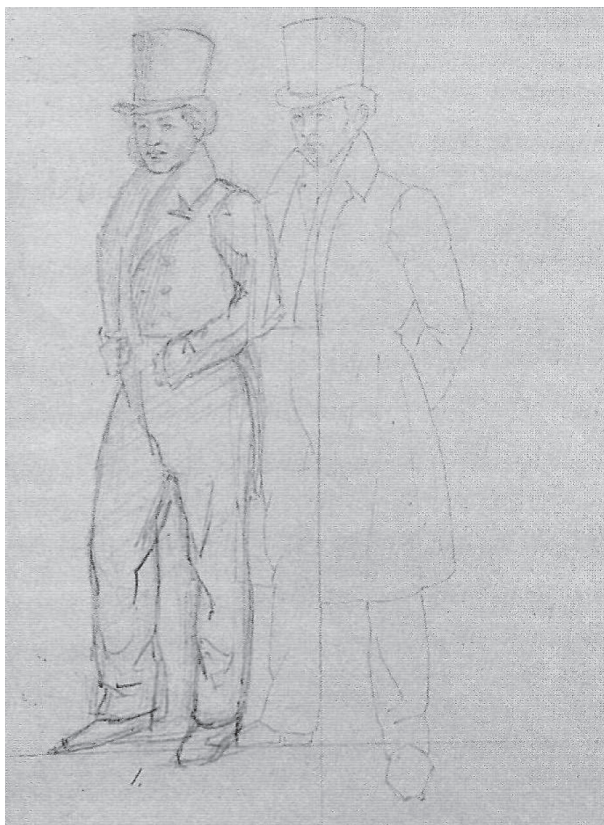

Рис. 4. Г.Г. Чернецов.
А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. 1832 г.

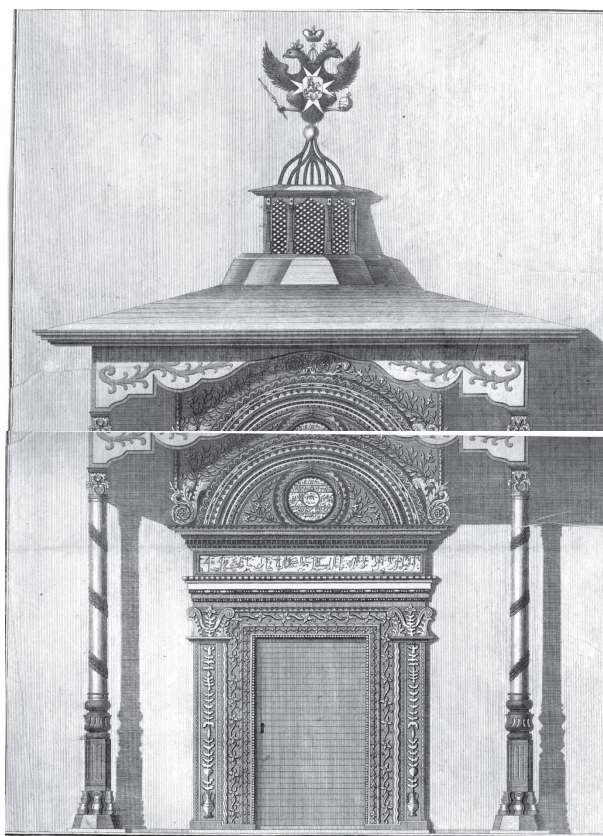

Рис. 5. Дверь у входа во дворец. Гравюра.

Литература

- Бахчисарай: Фотоальбом. Фотограф Н.П. Орлов. – Киев: Мистецтво, 1983.
- Бронштейн А.И.* «В Бахчисарай приехал я больной...» // «К пределам дальным...»: Очерки путешествия А.С. Пушкина по Крыму / Под редакцией профессора В. П. Казарина. – Симферополь: Крымский Архив, 2010.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 16 т. – [Москва-Ленинград]: Издательство АН СССР, 1937–1949; Т. 17 (справочный). – 1959.
- Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде: В 1820 году. – СПб., 1823.
- Художники братья Чернецовы и Пушкин. – СПб: Государственный Русский музей, 1999.
- Чертежи Ханского дворца 1820 и 1823 годов И. Колодина // ЦГИА, Ф. 1488, оп. 4, д. 159.
- Маркевич А.И.* К истории Ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. – 1895. – № 23.
- Сумароков П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. В 2 ч. – СПб., 1803–1805.

А.Д. Палкин

РОЛЬ И МЕСТО ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье постулируется антропологичность современной лингвистики: значительная часть исследований посвящена проблематике человека в языке и языка в человеке. Предпосылки изучения человеческого фактора в языке были заложены еще в XIX в. Постепенно интерес лингвистов к человеку говорящему возрастал. Можно с уверенностью говорить об антропологическом повороте в лингвистике XXI в. Современные лингвистические исследования тяготеют к антропоцентричности и междисциплинарности. Возник запрос на дальнейшую интеграцию гуманитарных дисциплин. Психолингвистика, которая изначально задумывалась как наука о взаимосвязи языка и мышления, имеет все возможности для осуществления такой интеграции. Для обозначения холистической дисциплины, призванной объединить достижения гуманитарных наук о человеке и человеческом обществе, предлагается термин «антропосемиология», введенный Ю.А. Сорокиным.

Ключевые слова: антропологический поворот, психолингвистика, междисциплинарность, антропосемиология.

A.D. Palkin

ROLE AND PLACE OF PSYCHOLINGUISTICS IN ANTHROPOLOGICAL PARADIGM

The article postulates the anthropological character of modern linguistics, for considerable part of research is devoted to the problems of man in language and language in man. Preconditions for studying a human factor in language were laid in the 19th century. Gradually linguists started to pay greater attention to a speaking man. Anthropological turn in the 21st century linguistics is sure to have taken place. There is a tendency towards anthropocentricity and interdisciplinarity in modern linguistic research. A demand for further integration of the humanities is on the agenda. Pshycholinguistics that was originally established as the science researching language and thinking relationship has all capabilities to carry out such integration. The term “anthroposemiology”, introduced by Yu.A. Sorokin, is proposed to name a holistic discipline that would unify the achievements of humanities studying man and human society.

Key words: anthropological turn, psycholinguistics, interdisciplinarity, anthroposemiology.

На рубеже XX–XXI вв. лингвистическая наука обогатилась большим количеством новых подходов к изучению языка, речи и речемыслительной деятельности. Это обусловлено в первую очередь осознанием необходимости исследовать язык в связи с человеком, являющимся носителем языка, в связи с коммуникантами, порождающими и воспринимающими речевые конструкции. В свете новых задач, которые ставит перед собой современная лингвистика, возникла необходимость интеграции знаний и достижений ряда смежных гуманитарных дисциплин на основе лингвистических концепций. Свидетельством тому – возникновение многочисленных направлений, стремящихся объединить лингвистику с другими областями знаний. Это не только собственно психолингвистика, но и лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингвистическая метаэтика, социолингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение, процедурная семантика и т.п.

На текущем этапе развития научной мысли возник запрос на дальнейшую интеграцию. В результате возросла актуальность антропологического подхода, который с точки зрения лингвистики призван объединить собственно лингвистический аспект с культурологическим и психологическим. Пока что не выработан единый терминологический аппарат для такого подхода, отсутствуют общепризнанные теории, его обосновывающие, не разработаны основополагающие концепции. Однако исследования в данном направлении ведутся, поэтому мы можем с уверенностью предположить, что в обозримом будущем антропологическое направление займет видное место в лингвистической науке. В данной статье мы укажем на предпосылки его возникновения, а затем остановимся на современных работах, затрагивающих соответствующую проблематику. Также мы покажем, что психолингвистика способна внести значительный вклад в развитие антропологического направления,

хотя, конечно, мы не можем утверждать, что психолингвистические исследования способны исчерпать антропологическую парадигму.

Так как антропология как таковая – это наука о человеке, несложно заключить, что применительно к лингвистике речь идет об изучении взаимосвязи языка со всеми аспектами, которые затрагивает антропология. Иначе говоря, это исследование человека посредством лингвистических методов. По этой причине следует осветить идеи тех представителей лингвистической науки, которые обращали внимание на такую взаимосвязь. Мы не претендуем на исчерпывающий обзор, каковой в принципе невозможен постольку, поскольку антропологическому фактору в лингвистике посвящено огромное количество работ. Остановимся на наиболее заметных, на наш взгляд, персоналиях и концепциях.

Первым следует упомянуть В. фон Гумбольдта, который своими рассуждениями о языке как духе народа заложил краеугольный камень в фундамент антропологических исследований в языкознании. Рассматривая язык как наиболее яркое проявление духа и характера того или иного народа, В. фон Гумбольдт подчеркивал важность межличностного общения: «Духовное развитие, даже при крайней сосредоточенности и замкнутости характера, возможно только благодаря языку, а язык предполагает обращение к отличному от нас и понимающему нас существу. Членораздельный звук льется из груди, чтобы пробудить в другой личности отзвук, который возвратился бы снова к нам и был воспринят нашим слухом. Человек тем самым делает открытие, что вокруг него есть существа одинаковых с ним внутренних потребностей, способные, стало быть, пойти навстречу разнообразным волнующим его порывам» [Гумбольдт 2000: 63–64]. Рассуждая о процессах речепорождения, ученый обращал внимание и на то, что для отдельно взятого человека язык начинается непосредственно и одновременно с первым

актом рефлексии, когда человек из тьмы страстей, где объект поглощен субъектом, пробуждается к самосознанию – здесь и возникает слово. Таким образом, в поисках языка человек хочет найти знак, с помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств [Там же: 301].

Идеи В. фон Гумбольдта получили дальнейшее развитие в трудах его последователя А.А. Потебни, который также писал о важности языка для развития человека как мыслящего существа. По А.А. Потебне, слово позволяет человеку понимать как другого, так и самого себя, при этом слово выступает посредником в ходе общения между людьми. «Человек невольно и бессознательно создает себе орудия понимания, именно членораздельный звук и его внутреннюю форму, на первый взгляд непостижимо простые сравнительно с важностью того, что посредством их достигается. Правда, что содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимозвестная величина, что думать при слове именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим, что поэтому понимание другого в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзия, как та, будто мы видим, осязаем и проч. самые предметы, а не свои впечатления; но, нужно прибавить, это величественная иллюзия, на которой строится вся наша внутренняя жизнь... В слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого» [Потебня 1999: 119].

В свете сказанного уместно привести цитату из Ш. Балли, который также указывал на взаимосвязь языка и мышления, языка и личности, языка и общества. Для французского ученого был очевиден всепроникающий характер языка: «Если родной язык почти всегда производит впечатление органического целого, представляющего совершенное единство, то такое впечатление легко может оказаться иллю-

зорным. Родной язык неотъемлем от нашего мышления. Он тесно связан со всей нашей жизнью – личной и общественной; выразитель наших радостей и страданий, наших желаний, нашей ненависти, наших чаяний, он становится символом нашей личности и общества, в котором мы живем» [Балли 1955: 28]. Показательны параллели в работах А.А. Потебни и Ш. Балли: оба говорят об иллюзорности совершенного единства языка и о зависимости человеческого общества от феномена языка.

Здесь же уместно вспомнить современника А.А. Потебни И. А. Бодуэна де Куртенэ, который подчеркивал, что реальной величиной в языкознании является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления, поэтому ученые должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению [Бодуэн де Куртенэ 1963: 132]. Мы полностью разделяем последнюю мысль И.А. Бодуэна де Куртенэ, однако, отдавая должное сравнительно-историческому языкознанию, хотим заметить, что классифицировать языки все же следует.

Уже в XX в. другой продолжатель дела В. фон Гумбольдта Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1964: 237–238]. Хотя приведенная цитата датируется серединой XX века, она звучит крайне актуально в начале XXI в.

Существенный вклад в развитие антропологического направления внес во второй половине XX в. Э. Бенвенист, для

которого, несомненно, не осталась незамеченной разработанная Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом гипотеза лингвистической относительности. Он рассматривал лингвистику как науку о языке в человеке и о человеке как существе, владеющем языком. Характерны размышления ученого о том, что человек не был создан дважды: один раз без языка, а затем с языком. Стремительная эволюция человека обусловлена именно его способностью к символической репрезентации, которая является общим источником мышления, языка и общества. Э. Бенвенист не останавливается на констатации взаимосвязи языка и человеческой природы, а идет в своих рассуждениях дальше – к отношению языка и социума: говорить об отношении человека с природой или об отношении человека с человеком через посредство языка — значит говорить об обществе. И это не случайное историческое совпадение, а необходимая связь, ибо язык вообще всегда реализуется в каком-либо отдельном языке, в определенной конкретной языковой структуре, неотделимой от определенного конкретного общества. Нельзя представить себе язык и общество друг без друга. И то и другое суть данности. Но в то же время и то и другое познается человеком, так как он не обладает врожденным знанием о них [Бенвенист 2010: 29–31]. Для Э. Бенвениста недостаточно рассуждать о связи означающего и означаемого в структуре слова: он считает необходимым подчеркнуть, что язык – это феномен человеческий и является связующим звеном жизни психической и жизни общественно-культурной. В свете этого разумным выглядит его предложение рассматривать триаду «язык, культура, человеческая личность». Перед нами, таким образом, уже не просто лингвокультурология, а шире – антропологический подход к анализу языка в самом широком контексте. Э. Бенвенист приходит к красноречивому выводу о том, что все семиотические подсистемы внутри общества будут системами, интерпретируемыми языком, поскольку

общество все их включает в себя и само общество интерпретируется через язык [Там же: 79].

Ю.С. Степанов, полностью соглашаясь с главным положением разработанного Э. Бенвенистом направления: язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка, – заявляет о том, что «в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [Степанов 2010: 15].

Не менее интересными выглядят рассуждения одного из апологетов компонентного анализа Дж. Лайонза, который касательно работ середины XX в. писал следующее: «Наиболее интересные из опубликованных на сегодня работ по компонентной семантике выполнены не филологами и лингвистами, а антропологами; в последнее время они уделяют значительное внимание тому, что называется «когнитивной истинностью», или «реальностью семантических компонентов» [Лайонз 2010: 502]. Рассматривая термины родства, Дж. Лайонз резюмирует: «Что касается антропологического анализа родства, то “когнитивная истинность” некоторой конкретной пропорции определяется, согласно принятому допущению, социальным статусом и ролями, приписываемыми различным классам родственников в данном обществе, что вполне может отражаться также и в языковой “интуиции” членов коллектива» [Там же: 503]. Фонтан слез

В конце XX в. в лингвистике окончательно оформилось понимание необходимости пристального рассмотрения человеческого фактора в языке. Существенный вклад в развитие антропологического направления внес Б.А. Серебренников, ставший одним из инициаторов издания серии сборников «Человеческий фактор в языке». Б.А. Серебренников подчеркивал общественный характер языка, ведь именно благодаря языку мышление человека перешло на новую ступень развития. Таким образом, язык уместно рассматривать как одно

из первейших условий существования общества. Приведем следующую цитату: «В процессе формирования общественного сознания особенно велика роль языка. Выражение «Язык так же древен, как и сознание» необходимо понимать в том смысле, что язык и сознание представляют два необходимых условия существования общества. Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания, без которого общественное сознание немислимо. Общественное сознание не могло бы возникнуть без языка, поскольку опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный опыт только при помощи языка» [Серебрянников 2010: 174–175].

Немалый вклад в антропологическое направление лингвистических исследований внес и Р.А. Будагов. Он исходил из идеи о том, что языковая потребность не может быть внешней по отношению к самому языку, выступающему не в «пустой» коммуникативной функции, а в коммуникативной функции выразителя мыслей и чувств людей в обществе. Тем самым внешнее и внутреннее рассматриваются как единое целое. Важным для нас представляется следующее высказывание ученого: «Лишь уяснив всю многостороннюю зависимость разнообразных факторов, следует выйти за пределы внутренней причинности и показать постоянную зависимость языка от состояния развития общества и мышления людей в ту или иную историческую эпоху» [Будагов 2004: 208]. В этой цитате прослеживается идея холистического исследования человека и человеческого общества за счет лингвистических методов – идея, которая только в последние годы получила в лингвистике признание. Отталкиваясь от положения о том, что язык неотделим от человека, Р.А. Будагов продолжает свою мысль: «С позиции машинно-технических критериев сам человек может считаться «сплошным излишеством». В нем слишком много «деталей», как будто бы «ненужных»

для выполнения той или иной операции по жестко запрограммированной схеме. Но сила человека в его универсальности. То же следует сказать и о человеческом языке. Именно поэтому язык не подчиняется «закону экономии», как не подчиняется ему и сам человек... Природа же человека всегда будет характеризоваться универсальностью. Поэтому и человеческий язык универсален по своей природе и безграничен в своих реальных и потенциальных возможностях» [Там же: 278]. Именно универсальность человеческого языка позволяет нам говорить о возможности и важности изучения человеческого фактора в языке и речи.

Аналогичным образом антропологическое направление прослеживается и в работах сторонников теории естественного семантического языка. Так как их исследования осуществляются на кросс-культурном материале, особое внимание уделяется этническому аспекту. К. Годдард предложил ввести в научный обиход термин «этнопрагматика», который он рассматривает как объяснение речевых событий, которые берут начало в интракультурных идеях, то есть в общих ценностях, нормах, приоритетах и посылах носителей языка, а не в каких-либо выявленных универсалиях прагматики [Goddard 2004: 1211]. Такой подход не выходит за рамки лингвокультурологии, но в другой работе [Goddard & Wierzbicka 1997: 254–255] мы находим рассуждения о том, что практически всегда существует взаимозависимость между паттернами вербального поведения и паттернами невербального поведения. А это уже выход на теорию коммуникации, которая входит в антропологическую парадигму. Необходимость широкого междисциплинарного подхода очевидна и самим авторам упомянутой работы: «Наиболее существенной методологической проблемой при исследовании дискурса и культуры является необходимость нахождения четко очерченной сферы сопоставления дискурсивных предпочтений и культурных цен-

ностей, причем такой, которая, насколько это возможно, свободна от этноцентризма. Обычная практика использования в качестве неформального метаязыка для межкультурных сравнений таких клише, как «иносказательность», «вежливость», «уважение», «солидарность», не справляется с этой задачей. Перспективный подход... заключается в использовании культурных скриптов, выполненных в виде лексических универсалий. Это обеспечивает сферу, в рамках которой возможна интеграция и синтез исследований в области антропологической лингвистики, контрастивной прагматики, лингвистической антропологии и культурологии».

Ю.Д. Апресян, рассматривая языковую картину мира, отмечает ее лингвоцентричность и этноцентричность, а также указывает на то, что языковая картина мира отражает особый способ мировидения, присущий некоторому языку, причем этот способ мировидения культурно значим для конкретного языка и отличает его от других языков. «Особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфическом наборе ключевых идей, которые Ю.Д. Апресян рассматривает как своего рода семантические лейтмотивы, каждый из которых выражается языковыми средствами самой разной природы. Далее в духе гипотезы лингвистической относительности делается следующий вывод: «Часто язык заставляет говорящего выражать... идеи, даже если они несущественны для его высказывания» [Языковая картина... 2006: 35–36].

В.Н. Телия, рассуждая о текстовой природе фразеологизмов, подчеркивает «необходимость их исследования в рамках зарождающейся в науках гуманитарного цикла антропологической парадигмы. В соответствии с этой парадигмой в центр внимания лингвистических штудий перемещается человеческий фактор в языке vs. языковой фактор в человеке». С точки зрения В.Н. Телия, особенно благодатным материалом для исследования этого взаи-

модействия является фразеологический корпус языка [Телия 1996: 10].

Изучение человеческого фактора в языке активно осуществляется в работах Н.Д. Арутюновой, которая, в частности, отмечает, что в языке человек запечатлел свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку. Тем самым человек придал языку свое игровое начало и свою способность к творчеству. Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Из этого следует, что язык насквозь антропологичен: присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка [Арутюнова 1999: 3]. Учитывая столь глубокое проникновение человеческого фактора в язык и языкового фактора в человека, Н.Д. Арутюнова приходит к заключению о необходимости междисциплинарного подхода к данной проблематике, выражая надежду на то, что с этой целью свои усилия объединят лингвисты, антропологи, этнографы, мифологи, психологи, философы и культурологи [Там же: 10].

Очерченные тенденции в современной лингвистике позволили М.Л. Ковшовой говорить об «антропологическом повороте» и даже «антропологической революции» в лингвистике конца XX в. Рассуждения М.Л. Ковшовой нам интересны еще и постольку, поскольку она обращается к концепции вторичных моделирующих систем, согласно которой знаковые системы отображают определенные фрагменты реальности и порождают произведение, культурные феномены, реализующие коммуникативно-познавательные возможности конкретных семиотик. Язык, таким образом, есть первичная семиотика, порождающая и моделирующая, тогда как остальные семиотики вторичны, поскольку содержательно и исторически зависят от языка. Такое положение дел обосновывается тем фактом, что в процессе комму-

никации реальность не присутствует непосредственно, а поступает к нам в том виде, в каком она определена через символы, а именно через язык, являющийся семиотической системой [Ковшова 2012: 29–30].

Вышеприведенные утверждения различных авторов убеждают нас в том, что современная лингвистика уверенно движется в сторону антропологической парадигмы, «при которой язык рассматривается в широком экзистенциальном и понятийном контексте бытия человека – в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром» [Постовалова 1999: 28]. Здесь же будет уместно привести мнение Е.С. Кубряковой о том, что знание языка входит составной частью в общие знания человека и языковое знание, в свою очередь, выступает в виде сложно организованной системы сведений о языке, запечатленных в сознании человека в разном виде [Кубрякова, Шахнарович, Сахарный 1991: 133]. «Не вызывает никакого сомнения, – пишет Е.С. Кубрякова в другой работе, – что, изучая язык, мы можем восстановить лишь то, каким видит мир человек в «зеркале языка». Это не означает, однако, что, сделав этот первый шаг, мы должны остановиться на достигнутом и не пытаться соотнести далее полученные нами данные с чем-то, находящимся за пределами наблюдаемого и связанным с более глубокими пластами научного познания» [Кубрякова 2004: 17].

Важно подчеркнуть, что антропологический поворот в современной лингвистике теснейшим образом связан с активизацией семантических исследований, что позволяет нам говорить о взаимообусловленности двух этих тенденций. Наш вывод находит подтверждение в работе И.М. Кобозевой: «В целом нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в круге лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство

кодирования и декодирования определенной информации» [Кобозева 2012: 30].

Итак, мы можем констатировать, что исследование роли человеческого фактора в языке приобрело в лингвистике XXI в. немалую популярность. Особый интерес вызывает факт использования в научном дискурсе термина «лингвоантропология». В настоящий период его активно употребляют представители Омской лингвистической школы (О.В. Коротун, Н.В. Коськина, Ю.Ю. Литвиненко, Е.В. Лобкова, М.П. Одинцова, Л.Б. Никитина, С.В. Рассолова, Н.Д. Федяева и др.), исследования которых осуществляются в русле антропоцентрической семантики: исследуются различные языковые образы, так или иначе связанные с человеком. Характерно, что в качестве основной единицы анализа омские лингвисты пользуются термином «языковой образ», который понимается как репрезентирующий определенный фрагмент языковой картины мира. В психолингвистике в тех же целях используется термин «образ сознания».

По мнению Л.Б. Никитиной, уже имеются основания говорить о самостоятельной науке под названием «лингвоантропология», которая объемлет все дисциплины языковедческого цикла с человеком в центре. В ведение этой науки входит не только собственно «человеческий фактор в языке», но и такая проблематика, как «человек в языке», «человек и его язык», «язык и мир человека», «мир человека в языке», «язык – человек – языковая картина мира» [Никитина 2011: 97]. Омская лингвистическая школа, постулируя аксиологичность языкового образа человека [Одинцова 2000: 26], стремится к реконструкции образа человека в контексте характерных для него категориальных черт; при этом применяются различные лингвистические методы исследования – от концептуального анализа до ассоциативного эксперимента. Такой подход, будучи по сути своей интегративным, предполагает привлечение данных разных междисциплинарных направлений

лингвистики – лингвокультурологии, психолингвистики, лингвострановедения, социолингвистики, когнитивной лингвистики [Никитина 2006: 6].

Лингвоантропологическая парадигма, разрабатываемая Омской лингвистической школой, представляется нам весьма перспективной, однако нельзя не заметить, что антропологическое направление в данном случае трактуется предельно узко: исследуются лингвистические факторы, имеющие непосредственное отношение к человеку как таковому. При этом игнорируется тот очевидный факт, что человек – существо общественное, поэтому при всей важности исследования человека во всех его возможных ипостасях необходимо, по нашему убеждению, обращать внимание и на социальные структуры, созданные человечеством. По этой причине нам представляется целесообразным в рамках аналогичного подхода исследовать не только человека как данность, но и человеческие сообщества. Именно эту задачу мы и реализуем в нашем диссертационном исследовании в соответствии с общей стратегией и пользуясь терминологией, принятыми в Московской психолингвистической школе.

Мы утверждаем, что психолингвистика является той лингвистической дисциплиной, которая изначально была создана для изучения антропологического аспекта в языке. Не случайно психолингвистами активно используются термины «языковое сознание», «языковая картина мира», «языковой образ сознания» и т. п. Точно так же отнюдь не случайно то, что представители других лингвистических дисциплин при исследовании человеческого фактора в языке нередко обращаются к экспериментальным методам и теоретическим положениям, разработанным психолингвистами. В основе психолингвистической трактовки антропологического фактора лежит «идея посреднической функции слова (знака) между человеком и миром, субъектом и объектом, и его (знака или слова) двойной онтологии» [Леонтьев

2001: 296]. Абсолютно верным представляется нам и наблюдение, сделанное Л.В. Сахарным: «В языковой способности человека слово живет как сложный семантико-прагматический комплекс, и изучение этого комплекса требует психолингвистического экспериментального исследования, моделирования речемыслительных механизмов говорящего» [Сахарный 1997: 14].

Об антропоцентричности лингвистики конца XX – начала XXI в. сами психолингвисты высказывались неоднократно. Здесь нельзя не привести красноречивую цитату из работы А.М. Шахнаровича: «Еще сравнительно недавно в рамках структурной лингвистики язык рассматривался в качестве абстрактной сущности. Сегодня же лозунг «язык в себе и для себя» вытеснен целым комплексом новых понятий, таких как коммуникативная интенция, когниция и т. п. Прочные позиции в современных лингвистических изысканиях заняли такие вопросы, как связь языка и мысли, языка и познавательных процессов, языкового развития и когнитивного развития, языковых и когнитивных универсалий, коммуникативных и когнитивных структур и многих других. Все это свидетельствует об изменении парадигмы научных исследований в науке о языке, где на смену стремлению к строгому формальному описанию языка выдвинулись прагматический, коммуникативный и когнитивный аспекты изучения языка/речи, отражающие неугасающий вот уже несколько десятилетий интерес современного языкознания к диаде «язык – человек» (подчеркнуто нами. – А.П.) [Шахнарович 2001: 441].

Обсуждая специфику кросс-культурных исследований, А.А. Залевская констатировала отказ от контрастивного анализа как достаточного исследовательского подхода, из чего следует, что самое тщательное и детальное сопоставление языковых систем не может обеспечить достижения целей межъязыковых и межкультурных сопоставлений. По этой причине закономерным представляется обращение

к носителям языка, к изучению используемых ими стратегий и опорных элементов. Акцентирование внимания на том, как функционирует язык в культуре и через культуру в реальных условиях оперирования им при межэтнических контактах, знаменует переход от лингвистической теории к психолингвистическому научному подходу. Вместе с тем необходимо учитывать соподчиненность человека и общества. Языковые знания существуют не сами по себе, а лишь в контексте его многообразного опыта, формируемого через личностное преломление-переживание, но под контролем сложившихся в социуме норм и оценок. Слово оказывается средством доступа к единой сокровищнице знаний и опыта человека – его информационному тезаурусу [Залевская 1996: 25–26].

Мы полностью согласны с Н.В. Уфимцевой в том, что язык, рассматриваемый как деятельностная структура, занимает центральное место в человеческой психике, ибо обеспечивает доступ к образу мира как основной образующей культуры, обеспечивает возможность превратить внутреннюю смысловую структуру мысли во внешнюю структуру формального языка и тем самым сделать ее доступной для самонаблюдения и внешнего наблюдателя, а также обеспечивает возможность взаимопонимания с другими носителями данной культуры [Уфимцева 2011: 248]. Здесь в очередной раз подчеркивается принципиальная возможность лингвистическими методами исследовать и интра-, и экстралингвистические явления, так или иначе связанные с человеком, с человеческой психикой. К этому и стремилась психолингвистика с самого начала своего существования. «Анализ познавательных процессов за последние полвека привел к достаточно резкому делению когнитивных процессов на ментальные, внутренние (по отношению к человеку)», ведущие к идеальным образованиям, и на внешние, являющиеся носителями этих идеальных образов; в естественном языке эти две стороны

известны как значения слов и как звуковая и графическая оболочка слов [Тарасов 2000: 26].

И.М. Румянцева в своей работе по преподаванию иностранных языков с применением психолингвистических методов замечает, что ни речевые исследования, ни обучение речи ни в коем случае нельзя отрывать от человека, так как речь представляет собой не просто систему знаков, которую человек использует для общения, но и часть его самого – его физиологию и психику, его деятельность и поведение. Из этого вытекает необходимость задействовать данные ряда смежных наук, поэтому И.М. Румянцева постулирует необходимость междисциплинарного подхода [Румянцева 2004: 13]. Заметим, что междисциплинарность является отличительной чертой психолингвистики. Дело не только в том, что междисциплинарность заложена в самом названии «психолингвистика»: для обоснования практически любого серьезного психолингвистического исследования необходимо привлекать данные и теории из смежных дисциплин. На текущем этапе развития лингвистической мысли эта отличительная черта психолингвистики стала наиболее заметной. Действительно, особую ценность в XXI в. начинают представлять интегративные, холистические исследования, в которых «объединяются как разные научные дисциплины, так и различные научные школы, что позволяет рассматривать явления не в заданном ракурсе, а со всех возможных точек зрения» [Там же: 6]. Еще более актуальным антропологический фактор предстает в таком разделе психолингвистики, как этнопсихолингвистика, рассуждая о которой А.А. Залевская пишет следующее: «...для решения стоящих перед этой наукой (этнопсихолингвистикой. – А.П.) задач становится неотложным обсуждение многих теоретических проблем, по меньшей мере часть которых остается неразрешимой в рамках лингвистики, психолингвистики, культурологии и т. п., взятых самих по

себе, в качестве отдельных наук, замыкающихся в прокрустовом ложе принятых в соответствующей науке постулатов. Однако представляется важным подчеркнуть, что требуется не «креолизованная дисциплина», а новый интегративный подход, способный творчески синтезировать новейшие результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях науки о человеке. При этом должно произойти возвращение разных наук из заблаженных высот абстрагирования и от препарирования оторванных от человека продуктов такого абстрагирования к живому человеку, функционирующему в реальных условиях культуры» [Залевская 2000: 42].

Цитаты, приведенные в предыдущем абзаце, свидетельствуют о том, что логическим продолжением эволюции психолингвистики может стать возникновение новой интегративной дисциплины, способной гармонично вместить в себя лучшие стороны всех гуманитарных дисциплин, так или иначе изучающих роль человеческого фактора в языке и обществе. Схожую мысль высказывает К.Ф. Седов, по мнению которого науки, составляющие антропоцентрическую парадигму современной лингвистики (психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, речеведение и т. п.), имеют общий объект, каковым является «языковая личность», то есть человек в его способности к коммуникации [Седов 2009: 42].

Более категорично о соположенности наук гуманитарного цикла высказывается И.А. Стернин, утверждающий, что магистральной тенденцией развития современной лингвистики в XXI в. является интеграция наук и формирование интеллектуальных задач такого масштаба, который требует объединения усилий ученых различных направлений, обновления методов исследования, расширения применения экспериментальных методик, комплексного использования методов различных наук в исследовании поставленной задачи. Означенная тенденция обусловлена

тем, что классическая описательная лингвистика, которая описывала единицы языка и их взаимодействие, стала уступать место объяснительной лингвистике, которая объясняет функционирование языка как средства овнешнения мышления и доступа к сознанию человека [Стернин, Розенфельд 2008: 3].

Таким образом, можно с высокой долей вероятности предположить, что дальнейшее развитие гуманитарных наук стремится не к межванию, а к интеграции и в перспективе – к созданию науки, которая будет призвана объединить гуманитарные науки, так или иначе исследующие человека. Осталось подобрать для этой науки подходящее название. Мы утверждаем, что такое название уже существует, хотя и было предложено для иных целей. Речь идет о термине «антропосемиология», предложенном Ю.А. Сорокиным [Сорокин 1998; 2009]. Сам Ю. А. Сорокин подразумевал под этим термином стыковую дисциплину, в рамках которой изучается вербальное и невербальное поведение некоего субъекта, существующего не в однородной, а в разнородной среде, характерной для современных лингвокультурных общностей. Такое определение обосновывается сообщением о том, что современный человек живет среди семиотических ландшафтов, которые не сводимы друг к другу и которые, в зависимости от генотипической структуры личности, оказываются в разной мере комфортными для него. В связи с этим, по утверждению Ю.А. Сорокина, в рамках антропосемиологии приоритетным становится изучение психотипических образов: акустических, коннотативных и аксиологических эквивалентов семиотических ландшафтов (семиоценозов) или их фрагментов, составляющих то, что называют образом мира [Сорокин 2009: 7]. Следовательно, речь идет об исследовании психотипических образов человека или людей, живущих в современном глобализованном мире, где рядом проживают представители самых разных культур, говорящие

на разных языках и придерживающиеся разных традиций и моделей поведения.

Как мы видим, в понимании Ю.А. Сорокина термин «антропосемиология» даже уже, чем термин «антропологическая лингвистика» в трактовке Омской лингвистической школы. Заметим также, что стройная терминологическая система, основанная на термине «антропосемиология», предложенном Ю.А. Сорокиным, не получила продолжения в виде прикладных исследований. Термин предложен, но не стал должным образом востребованным. По нашему мнению, следует дать термину «антропосемиология» новую жизнь и рассматривать его для обозначения дисциплины, объединяющей ряд междисциплинарных лингвистических направлений – психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики, философии языка и пр. и занимающейся изучением человека и человеческого общества. В связи с этим мы предлагаем следующее определение антропосемиологии:

- Антропосемиология – это наука, использующая лингвистические методы для изучения психотипических и лингвоантропологических образов человека как такового, человека как представителя некоторого семиотического ландшафта и особенностей семиотических ландшафтов как выразителей воли человеческих групп.

В данном определении особую важность имеет его последняя часть, где подчеркивается необходимость изучения семиотических ландшафтов, то есть экстралингвистических надындивидуальных факторов. Именно данное новшество является наиболее существенным изменением в трактовке антропосемиологии по сравнению с тем его пониманием, которое предлагал Ю.А. Сорокин. Вместе с тем мы полностью соглашаемся с Ю.А. Сорокиным в том, что основные интересы антропосемиологии должны сосредоточиваться на исследовании представлений и смыслов, тогда как термину «значение» отводится второстепенная роль. В то же время

мы считаем принципиально важным рассмотрение антропологической парадигмы в широком понимании – с учетом различных социальных образований и вплоть до наднациональных образований, по какой причине исследование семиотических ландшафтов, упомянутое в предложенном нами определении, приобретает особую актуальность.

В наши задачи не входит разработка теоретических основ и терминологического аппарата антропосемиологии. Мы полагаем, что это должно стать предметом дальнейшего обсуждения. Предположим, однако, что одной из основных единиц анализа в данной дисциплине могла бы стать предложенная ранее Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым лингвосапиентема, которую они рассматривают как априорную врожденную ценностно маркированную идею, постигаемую умозрительно, интуитивно, иногда путем озарения, представляющую собой сопряжение знания и этической установки, способную развертываться в конкретных лингвокультурах [Верещагин, Костомаров 2005: 952–953].

Выше мы показали, что отличительными чертами антропологического направления в лингвистике являются антропоцентричность и междисциплинарность. Также мы показали, что психолингвистические исследования изначально строились с учетом упомянутых факторов.

Интересно, что вплоть до конца средневекового периода практически не существовало ученых узкой специализации. Мыслители того времени стремились объединить знания из разных областей для решения стоявших перед ними задач. В начале XX в. научно-техническая революция привела к возникновению иной тенденции – к специализации научных исследований. Тогда как, например, В. фон Гумбольдта можно назвать и лингвистом, и психологом, и философом, большинство знаменитых ученых XX в. прославились в какой-то одной области знаний. В последние годы XX в., однако, возникла обратная динамика

– слияние разных наук. Обратим внимание на обретение популярности такими дисциплинами, как лингвокультурология, лингвострановедение, психосемантика, психолингвистика, культурная антропология и даже этнопсихолингвистика (последняя дисциплина подразумевает объединение знаний сразу трех гуманитарных наук).

Итак, современная психолингвистика имеет все признаки междисциплинарности и во многом антропоцентрична, в то же время претендуя на исследование больших групп населения, что позволяет нам гово-

рять о наличии принципиальной возможности осуществлять психолингвистические исследования в русле антропосемиологии – в том понимании, которое было предложено нами и которое развивает терминологический аппарат, некогда разработанный Ю.А. Сорокиным. Мы считаем, что дальнейшая разработка этого терминологического аппарата – удел будущего. Имеется возможность использовать термин «антропосемиология» как зонтичный по отношению к большому перечню гуманитарных дисциплин, исследующих человека и человеческое общество.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 3–10.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. (Пер. с фр.) – 416 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. (Пер. с фр.) – 448 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. – 391 с.
- Будагов Р.А.* История слов в истории общества. – М.: Добросвет-2000, 2004. – 256 с.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. (Пер. с нем.) – 400 с.
- Залевская А.А.* Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 23–39.
- Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 39–54.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 352 с.
- Ковшова М.Л.* Лингво-культурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
- Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Едиториал УРСС, 2010. (Пер. с англ.) – 544 с.
- Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
- Никитина Л.Б.* Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентрической семантики. Автореферат диссертации... доктора филологических наук. – Омск: ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2006. – 40 с.

Никитина Л.Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – С. 97–99.

Одинцова М.П. Языковые ипостаси человека // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. М.П. Одинцова. – Омск, 2000. – С. 25–27.

Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 25–33.

Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 272 с.

Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.

Сахарный Л.В. Лингвистическая парадигма и лексикография: взгляд психолингвиста // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания / Под ред. Г.Н. Скляревской. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – С. 14–17.

Седов К.Ф. Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития // Язык и сознание: психолингвистические аспекты / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга: Эйдос, 2009. – С. 41–52.

Сепир Э. Положение лингвистики как науки (Пер. с англ.) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. Ч. II. – С. 231–238.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.

Сорокин Ю.А. Антропосемиология: основные понятия и их предварительная интерпретация // Семантика и прагматика текста / Под ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 1998. – С. 30–32.

Сорокин Ю.А. Неканоническая русистика: статьи, заметки, и реплики. – М.: Изд-во Института проблем риска; Информационно-исследовательский центр «Бон Анца», 2009. – 223 с.

Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 5–16.

Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. – Воронеж: Истоки, 2008. – 242 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

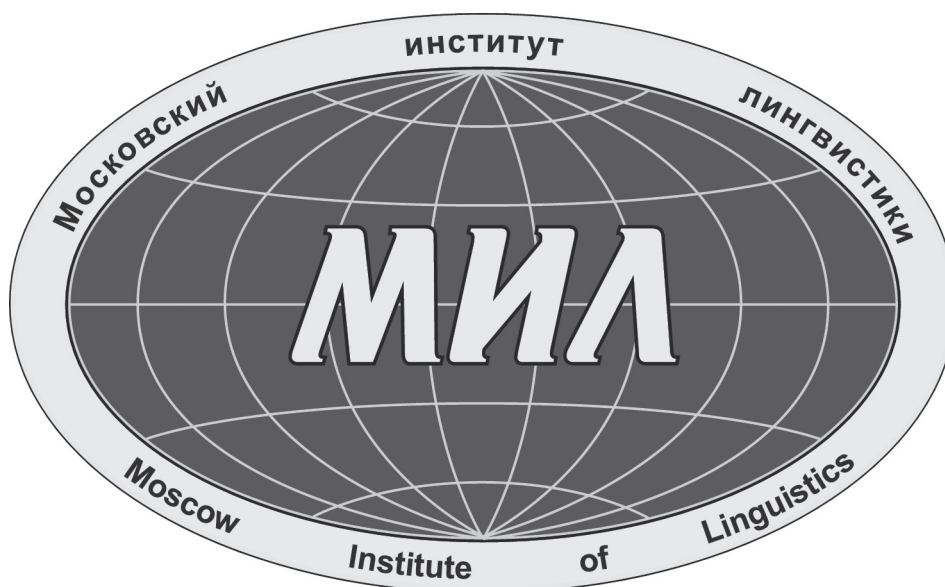
Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.–Калуга: ИЯ РАН (ИП Шилин И. В.), 2011. – 252 с.

Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М.: Гуманитарий, 2001. – 728 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Goddard, C. (2004). The ethnopragmatics and semantics of “active metaphors”. In: Journal of Pragmatics. Vol. 36. Pp. 1211–1230.

Goddard, C. & Wierzbicka, A. (1997) Discourse and culture. In: Teun van Dijk (Ed.), Discourse as Social Interaction. – London: Sage Publications. Pp. 231–257.

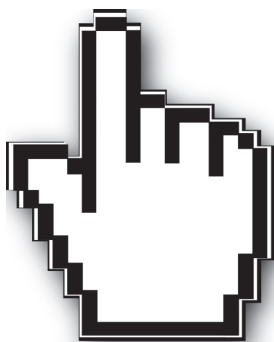

**МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ
ВЫСШИЕ КУРСЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

WWW.INYAZ-MIL.RU

ЦЕНТР ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

WWW.MIL-ONLINE.RU

И.В. Остапенко

**КАРТИНА МИРА:
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД**

В статье предпринята попытка теоретического обоснования понятия «картина мира» как литературоведческой категории в свете философской концепции М. Хайдеггера. Охарактеризованы основополагающие свойства и структурные элементы картины мира в лирическом произведении.

Ключевые слова: картина мира, субъектная организация, пространственно-временной континуум, субъектно-образная организация, сюжет.

I.V. Ostapenko

**WORLD VIEW:
THE LITERARY APPROACH**

The attempt of theoretical argumentation of «world picture» concept as literary criticism' category in the light of M.Heidegger's philosophical theory is undertaken in the article. The main properties and structural elements of world picture in lyrics are characterized.

Key words: world picture, subject organization, space-time continuum, subject-imagined-organization, plot.

Разнородность художественного материала порождает проблему критериев его анализа. Плодотворным подходом к изучению творческого наследия писателей и поэтов может быть характеристика их картины мира. Понятие «картина мира», широко апробированное в лингвистике, культурологии и философии, все чаще актуализируется в современном литературоведении, но в этой сфере используется преимущественно в своем универсальном или метафорическом значении, тогда как данное понятие уже само по себе декларирует системный характер. Кроме того, для современной эпохи понятие «картина мира» видится актуальным в смысле презентации человека Нового времени и реализации такой личности в мире.

Представление о картине мира как некотором суммарном знании о действительности достаточно традиционно. Однако понятие «картина мира» не имеет однозначного определения. Не существует и единого мнения относительно того, кто впервые ввел в научный оборот термин «картина мира». Формирование этого понятия происходит в начале XIX века в недрах лингвистики в тесной связи с категорией языка (В. фон Гумбольдт). На рубеже XIX–XX веков к нему обращаются физики (Г. Герц), философы (М. Вебер, Л. Витгенштейн), лингвисты (Л. Вайсгербер), в XX веке термин «картина мира» широко эксплуатируется различными дисциплинами гуманитарного и естественнонаучного профилей, при этом каждая из них вкладывает в него свой смысл. Попытаемся систематизировать сведения о функционировании понятия «картина мира» в современном научном и культурном пространстве с целью выявления возможностей его применения в литературоведении. Обратимся последовательно к философии (социологии) культурологии и лингвистике, поскольку именно в этих сферах понятие «картина мира» приобрело черты научной категории и получило статус термина.

Одним из первых к разработке интересующего нас понятия обратился известный

историк и культуролог А.Я. Гуревич в работе «Категории средневековой культуры» (1972). Специального определения «картины мира» в работе нет, но из размышлений ученого можно опосредованно выявить представление о ней как об «особом в разных эпохах и в различных культурах восприятии и осознании мира человеческим обществом» [Гуревич 1984: 7]. Определение же ученый дает «модели мира», понимая ее как «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Гуревич 1984: 15–16]. Примечательно, что «модель мира», «картина мира», «образ мира» и «видение мира» ученый использует как синонимичные понятия. В названном определении «сетку координат» составляют категории культуры, которые, по мнению А.Я. Гуревича, имеют «универсальный характер», в то же время они для него – «определяющие категории человеческого сознания», «понятия и формы восприятия действительности», «формы переживания мира», «компоненты культуры» и, наконец, «космические категории». К ним ученый относит время, пространство, изменение, причину, судьбу, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. Помимо «космических категорий» А.Я. Гуревич выделяет «социальные категории» – индивид, социум, труд, богатство, собственность, свободу, право, справедливость – и подчеркивает их «тесную связь и переплетение во многих цивилизациях». Выводы, к которым приходит А. Я. Гуревич, ценные для нас, это – 1) историчность понятия «картина мира»; 2) взаимосвязь универсальных категорий культуры (=«аспектов картины мира»), образующих «модель мира» (=«картину мира») как «элементов единой социально-культурной системы»; 3) запечатленность в языке; 4) первичность по отношению к «идеям и мировоззрению». В то же время ученый называет проанализированные категории культуры «ориентирами мировосприятия и поведения» человеческой личности, «средствами самосознания

человека» [Гуревич 1984: 271], а систему «коренных» категорий именуется «моделью» культуры, делая, таким образом, «индивида» центральной категорией культуры, при этом все остальные элементы социально-культурной системы приобретают статус «своего рода “параметров” человеческой личности».

В 1970-1990 гг. понятие «картина мира» актуализируется в философии, в частности, вследствие интереса к работам Макса Вебера (1864–1920), соединившего в своей концепции, названной им «понимающей социологией», культурологический и социальный подходы. Один из последователей и популяризаторов концепции Макса Вебера известный русский философ, теоретик социологии Ю. Н. Давыдов применил понятие «картина мира» в контексте идей рациональности. Отношение человека к миру в рамках этой концепции названо учеными «картиной мира». Согласно веберовскому социологическому подходу «картину мира» отличает «определенное отношение к миру, воссоздаваемому в ней». Такой «воссозданный», то есть отраженный «мир», «синтезируемый» в «картине мира», рассматривается с точки зрения «определенной его оценки», что само по себе уже «задает» человеку «соответствующий способ действия, поведения в этом мире». Мир понимается учеными как место пребывания в нем человека, что неизбежно ведет к их «взаимодействию», а не только созерцанию [Давыдов 1989].

Весьма интересной представляется позиция последователей веберовской концепции относительно человека, взаимодействующего с миром. На их взгляд, для того, чтобы проявилось определенное отношение человека к миру, состоялась его «оценка», человек, находящийся в мире, живущий в нем, должен каким-то образом выйти за его пределы, «дистанцироваться» от него. Для этого ему нужна «точка опоры за пределами этого мира», чтобы он смог с этой позиции увидеть мир и себя самого, оценивающего этот мир, то есть нужен некий взгляд «со стороны». Таким образом, в веберовском учении

сформировано условие существования и в то же время структурный принцип «картины мира» – дистанцированность или определенная «степень раскола» между человеком и его собственным миром. Из этого постулата исходит представление о «двух мирах»: низшем и высшем, дольном и горнем.

Социологический подход к картине мира, обоснованный в работах представителей веберовской школы, применен к изучению явлений действительности, общественной жизни эпохи Просвещения, но функционирование понятия «картина мира» этими рамками, по мнению ученых, не ограничено. Это замечание имеет существенное значение в отношении концепции Мартина Хайдеггера (1889–1976), в которой представлен иной взгляд на историческую обусловленность «картины мира».

«Картина мира», с точки зрения М. Хайдеггера, – не механизм или способ постижения мира в определенное время или в определенном его состоянии. Само время – Новое время – ученый понимает как «картину мира». Иначе говоря, «картина мира» является «сущностью» эпохи Нового времени. Видение мира в параметрах «сущности сущего» и человека как субъекта представлено философом в работе «Время картины мира» (1938). Ученый предпринимает попытку метафизического обоснования эпохи посредством осмысления сущности сущего через установление сущности истины. Для нашего исследования концепция М. Хайдеггера представляет особый интерес, поскольку в ней дается философское (ученый использует термин «метафизика» для обозначения философии) обоснование отношений человека (субъекта) с миром (в терминологии философа – «сущее»). «Сущее» как онтологическая категория употребляется чаще всего для обозначения как всей совокупности вещей, животных, растений, людей, так и для каждой отдельной вещи. Иногда «сущее» употребляется как синоним «бытия», но у М. Хайдеггера – это нечто противоположное бытию. Именно соотношение бытия и сущего, по М. Хайдеггеру, по-разному

представлены в различные эпохи, что и определяет их метафизическую сущность. Для обозначения «сущего в целом» философ использует слово «мир», в понятие «сущего» или «мира» включает космос, природу и историю, но, поскольку они все вместе в их «подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мир», в него ученый вводит и «основу мира, независимо от того, как мыслится ее отношение к миру». «Основа мира» относится к числу бытийных вопросов. М. Хайдеггер посвятил этой проблеме отдельную работу «Бытие и время» (1927). В ней ученый высказывает мысль о том, что мир «ненаблюдаем», раскрывается он только изнутри наличного бытия как круг его бытийных возможностей, а «круг возможностей бытия заранее охватывает все реальное и мыслимое сущее». Следовательно, мир, по М. Хайдеггеру, включает и сущее, и бытие, или «не-сущее». В рамках же работы «Время картины мира» вопросов бытия ученый напрямую не касается, по крайней мере, в определении мира и его картины, и мир представляет как «сущее в целом», и именно с ним человек вступает в определенные отношения. Их соотношения формируют сущностный образ эпохи и обуславливают все присущие ей явления.

К сущностным явлениям Нового времени, по мнению М. Хайдеггера, относится, наряду с другими, наука (исследование). В основе каждого из этих явлений лежит определенное восприятие сущего и истолкование истины. М. Хайдеггер останавливается на существовании науки Нового времени, полагая, что метафизическое основание, обосновывающее новоевропейскую науку, раскрывает существо Нового времени в целом.

Существование новой науки, как доказывает философ, состоит в исследовании, а исследование идет путем эксперимента. Наука как исследование приобретает характер производства. Научное исследование и производство «опредмечивают» сущее. Исследование «располагает» сущим, если может «представить» его в будущем протекании или учесть как прошедшее. Подвергаясь расчетам, из-

мерениям, сущее – природа и история – становится предметом: «Есть, считается существующим только то, что таким путем становится предметом. До науки как исследования дело впервые доходит, когда бытие сущего начинают искать в такой предметности» [Хайдеггер 1993]. «Опредмечивание» сущего осуществляется в «пред-ставлении». При этом «пред-ставление», по мнению М. Хайдеггера, должно так поставить перед собой всякое сущее, чтобы человек, познающий его, мог удостовериться в нем.

То, что сущее становится сущим в своей «пред-ставленности», делает время, когда это происходит, как считает М. Хайдеггер, новым по сравнению с прежним. Ученый показывает эволюцию сущего в процессе развития социума. Сущее в античную эпоху видится ему тем «возникающим и самораскрывающимся», что своим присутствием захватывает человека как присутствующего при нем. «Греческий человек» является принимающим сущее.

Для Средневековья сущее – «творение личного Бога-творца как высшей причины». Быть сущим – значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечать творящей первопричине. Но бытие сущего не переходит в сферу компетенции и распоряжения человека, человек сам является составляющим сущего и подчиненным творящей первопричине.

Смысл новоевропейского представления сущего выражен в слове «*repraesentatio*». «Пред-ставить» означает для М. Хайдеггера: «поместить перед собой наличное как нечто противостоящее, соотнести с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определяющую область». В таком случае человек изображает сущее, то есть составляет «картину сущего», но и самого себя человек «выводит на сцену», на которой сущее должно впредь «представлять, показывать себя, т.е. быть картиной». Человек Нового времени становится «репрезентантом сущего в смысле предметного».

Только в это время человек в полной мере приобретает статус человека. Человека в таком новом качестве М. Хайдеггер называет субъектом. Слово «subiectum» ученый трактует как перевод греческого «υποκειμενον», то есть «под-лежащее» или основание, которое «собирает все на себе». Приобретя статус «первого и подлинного» субъекта, человек становится «тем сущим, на которое в роде своего бытия и виде своей истины опирается все сущее» [Хайдеггер 1993]. То есть, он становится «точкой отсчета для сущего как такового».

Эпоха с новым характером отношений мира и человека, по М. Хайдеггеру, представляется новой не только при ретроспективном подходе, но и «сама себя полагает как именно новая. Миру, который стал картиной, свойственно быть новым» [Хайдеггер 1993]. Поэтому формулировка названия Нового времени соответствует его сущности, и именно это время и только его, по мнению М. Хайдеггера, следует именовать «временем картины мира». Отрицая историчность «картины мира», он наделяет ее статусом сущностной категории определенного исторического периода развития общества.

В словосочетании «картина мира» под словом “картина”, в первую очередь, понимают «изображение чего-то». При таком понимании «картина мира», по мнению М. Хайдеггера, будет выглядеть как бы «полотном сущего в целом». Но «картина мира» «говорит о большем» – это мир, «сущее в целом», «как оно является определяющим и обязывающим для нас». Такая «картина» существует *только* для «репрезентанта», для того, кто ее составил: «сама вещь стоит перед нами так, как с ней *для нас* обстоит дело». Кроме того, «сущее», или мир в картине представлен *так*, как с ним *обстоит* дело», *так*» он «поставлен» перед репрезентантом *постоянно* и «во всем, что ему (миру) присуще и его составляет, как *система*». Ученый выделяет определенные черты такого «мира в картине»: «компетентность, оснащенность, целенаправленность» [Хайдеггер 1993]. По мнению М. Хайдеггера,

там, где «мир становится картиной», «сущее в целом», или мир, предстает перед человеком, потому, что человек «*хочет*» так «преподнести» его себе и «иметь перед собой»: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [Хайдеггер 1993] (выделено мной. – И.О.). Следовательно, мир как «сущее в целом» только тогда становится «сущим» (миром), когда поставлен «представляющим и устанавливающим» его человеком. И сам человек как субъект входит в такую картину. По мнению М. Хайдеггера, где «дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего», то есть оно определяется человеком-субъектом. Мир, в котором «сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку», становится картиной мира, а человек – субъектом, и в этом сущность Нового времени.

Таким образом, понятие «картины мира», сформулированное М. Хайдеггером, приложимо для обозначения сущности Нового времени. «Картина мира» – это мир в целом, пережитый, выстроенный, понятый человеком-субъектом как основой этого мира. Исходя из такого понимания, «картина мира» характеризуется целостностью, системностью, структурностью, эксклюзивностью. Позиция человека в таком мире-картине названа у М. Хайдеггера мировоззрением, определяющим его сущность.

Учитывая существующие взгляды на понятие картины мира, разрабатываемые в различных областях науки, попытаемся представить свое видение данного феномена и обосновать возможность использования его в сфере литературоведения. Конкретизируя границы собственного исследовательского поиска относительно «картины мира», отметим, что нас интересует «картина мира», во-первых, применительно к литературному произведению как словесному виду искусства, во-вторых, явленная в лирике, в-третьих, в пейзажной лирике. В первую

очередь отметим, что в сущностном определении понятия мы придерживаемся точки зрения М. Хайдеггера: картина мира – это мир, понятый как картина. Появление этого феномена возможно только в ситуации, когда человек превращается в субъект, собирающий и «переживающий» мир в себе, в то же время становящийся этим миром, его основой, центром, фокусом, через который высвечиваются все остальные аспекты такой картины мира. В этой трактовке «мир» понимается как Универсум, духовно-материальная целостность.

Поскольку «мир» «в картине» «представлен» перед субъектом, то среди многих значений слова «картина» наиболее адекватным, на наш взгляд, для формулировки «картина мира» могут быть значения, сформулированные В.В. Далем – «устное или письменное живое и яркое изображение» и С.И. Ожеговым – «то, что можно видеть, обозревать или представлять в конкретных образах». Кроме того, для определения координат «представленного» мира следует учесть и прямое значение слова «картина», которое дают первым все толковые словари, – это «живописное полотно». Актуализация этого значения отсылает к трактату Г.Э. Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии», в котором ученый сравнивает живопись и поэзию, относящиеся к изобразительным видам искусства. В живописи или скульптуре предметом изображения является пространство в статическом состоянии, поэзия же, по мнению философа, призвана отразить его движение, динамику, активность, что становится возможным благодаря введению пространственных образов во временное измерение. Таким образом, в «мире», представленном в виде «картины» перед «человеком-субъектом», актуализируются в первую очередь пространственно-временные формы, в которые сам же этот субъект и вовлечен.

В лирике как роде литературы, «предметом изображения которого являются мысли, чувства, переживания субъекта», особенно акцентируется акт «переживания».

Лирика, по определению, любое явление действительности делает атрибутом своего мира, вступая с ним в субъектные отношения: «тема в лирике не объективируется, как в эпосе, в качестве героя или «другого», не является самообъективацией человека, как в драме, а становится «вторым субъектом, находящимся с автором в синкретических отношениях параллелизма» [Бройтман 2001: 108]. Эти размышления соотносимы с мнением М. Хайдеггера по поводу мира, ставшего картиной, как «мира-переживания»: «сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в человеческую жизнь и соотнесено с ней, т. е. переживается и становится переживанием» [Хайдеггер 1993].

Человек, по М. Хайдеггеру, становится субъектом в том мире, где сущее определяется, овеществляется в результате исследовательской деятельности, что, как мы помним, ученый считал сущностью Нового времени. Исследовательский характер времени строится на эксперименте, своего рода познании. Переводя это на язык художественного творчества, можно сказать, что литературное произведение, написанное автором, является творческим актом личности в процессе познания мира. Как представляется, и «картина мира», и «мировоззрение», являются атрибутами сознания. Иными словами, каждый человек как субъект обладает сознанием и имеет свою картину мира, обусловленную мировоззрением как позицией человека, оценивающего представленный им самим мир. Поскольку мы сосредоточены в своем исследовании на вопросах лирики, в предыдущих публикациях уже обоснована природа автора лирического текста и его субъектной организации, отметим лишь, что между ними устанавливаются субъект-субъектные отношения. Это коррелирует с тезисом «понимающей социологии» о нахождении человека в двух мирах – эмпирическом и свехэмпирическом.

Относительно лирического произведения можно сам текст считать миром эмпирическим, а сферу авторского сознания

– миром сверхэмпирическим. Тогда человек как субъект будет присутствовать в художественном тексте одновременно в качестве «внезаходимого» автора-творца или авторского сознания и в качестве субъектов сознания и речи в субъектной сфере текста. Это предположение созвучно идее «другого» как необходимого условия существования человека-субъекта Нового времени. По мнению М.М. Бахтина, «важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к «ты»). Отрыв, отъединение, замыкание в себе как основная граница – причина потери себя самого. Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность. Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней)» [Бахтин 1979: 311–312]. Следовательно, познание мира и познание себя в мире – практически тождественные понятия, поскольку построены на установлении идентификации человека как субъекта с «другим».

Картина мира в сознании человека – это целостное представление об Универсуме, обусловленное мировоззрением. Поскольку мировоззрение при наличии универсальных смыслов у каждого человека имеет индивидуальную окраску, то и картина мира у конкретного человека будет индивидуально неповторимой. Такая эксклюзивность картины мира формируется не только благодаря индивидуальным особенностям мировоззрения человека, но и тем аспектам мира, которые «овеществляются», о которых складывается «достоверное», или «истинное» мнение у субъекта. В процессе вхождения в мир первым действием субъекта является самоидентификация, которая невозможна без соотношения себя с «другим», то есть устанавливается субъектная сфера, состоящая из «кто?» и «что?», нацеленных на коммуникацию. Поскольку мы оговари-

вали, что нас интересует пейзажная лирика, в субъектную сферу кроме человека попадают, таким образом, явления природы.

Отметим, не вдаваясь в подробности, что формирование пейзажа как эстетической категории происходит в эпоху Просвещения, и сущность его субстанциально близка «субъектности» человека и «картинности» мира. Природные реалии, попавшие в картину мира автора, в пейзажной лирике воплощаются в виде пространственно-временных образов, которые с лирическим субъектом вступают или в субъект-субъектные отношения или в субъектно-образные. Субъект в процессе познания (творческого акта авторского сознания), самоопределившись, отвечает для себя на вопрос кто?, задается вопросом где? и когда?, обозначая, таким образом, актуальные для себя пространственно-временные координаты.

Выбор этих координат как атрибутов картины мира человек осуществляет в соответствии со своим мировоззрением. Поэтому то, «как?» они будут выглядеть в «представленном мире», зависит от мироощущения, мировосприятия и миропонимания автора как биографической личности. Для оформления же пространственно-временных образов в «картинном» мире существенным является выбор способов и форм создания художественного образа, то есть поэтологические особенности в узком смысле этого термина.

Цель познания субъектом себя и мира, лежащая в основе творческого акта, предопределившая и выбор средств ее достижения, то есть актуализации определенных аспектов картины мира, в художественном произведении презентуется сюжетом. Сюжет как цепь событий-переживаний, происходящих с субъектом в пространственно-временных измерениях, демонстрирует те изменения, которые произошли с субъектом в процессе его познавательной деятельности. Именно сюжет ответит на вопрос, «зачем?» собственно нужно было субъекту тем или иным способом представлять себе мир, для постижения какой истины мир был

«пережит» и «представлен» в определенную картину.

На основании изложенных размышлений предлагается рабочее определение интересующего нас понятия. Картина мира – это мир в представлении человека-субъекта. Такой картине присуща целостность, системность, структурность, эксклюзивность. Мироззрение определяет картину мира; мироощущение, мировосприятие, миропонимание проявляются в картине мира. Формируется она в авторском сознании и художественно воплощается в поэтиче-

ском тексте. Структурными элементами картины мира являются субъектная сфера, пространственно-временной континуум, субъектно-образная организация, сюжет. Все эти элементы связаны между собой; соединяющим и определяющим аспектом картины мира является лирический субъект. Не претендуя на универсальность заявленного подхода к категории картины мира, в дальнейших исследованиях это понятие в таком понимании будет применено нами для исследования пейзажной лирики в русской поэзии 1970 – 1980-х годов.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Учебное пособие. – М.: РГГУ, 2001. – 320 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 150–163.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления (пер. с нем.; коммент. В.В. Бибихина; серия «Мыслители XX в.»). – М.: Республика, 1993. – С. 41–63.

http://www.chibl.ru/lib/study/KCE/martin_khajdegger_vremja_kartiny_mira.html

С.М. Никоноров

РОЛЬ И МЕСТО РЕКРЕАЦИОННЫХ ЗОН В СИСТЕМЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье проанализирована экономическая деятельность семи особых экономических зон туристско-рекреационного типа, созданных в России. Проведено комплексное обоснование открытия девятой рекреационной зоны в одном из регионов Поволжья.

Ключевые слова: рекреационные зоны, рациональное природопользование, инвестиционный климат, типы рекреационных ресурсов, рекреационные факторы.

S.M. Nikonorov

THE ROLE AND THE PLACE OF RECREATION AREAS IN THE SYSTEM OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

In article economic activity of seven special economic zones the tourist-recreational type, created in Russia is analyzed. Complex justification of opening of the ninth recreational zone in one of regions of the Volga region is carried out.

Key words: recreational zones, rational environmental management, investment climate, types of recreational resources, recreational factors.

Рекреационные зоны занимают особое место в системе хозяйственного комплекса государства в целом и в системе рационального природопользования, в частности. Именно в них происходит воспроизводство трудовых ресурсов и оздоровление населения страны (региона, муниципального образования), что делает их экономически, социально и экологически значимыми.

В настоящее время рекреационный фактор оказывает существенное влияние на территориальную и отраслевую структуру хозяйства многих стран (регионов). В некоторых странах доходы от туризма стали определяющей статьей ВВП. Существует изначальное конкурентное преимущество в туристско-рекреационном предпринимательстве тех стран или регионов, где уникальные сочетания ресурсов сферы оздоровительного отдыха, созданных природой или человеком, наиболее привлекательно как по климатическим условиям, так и по многообразию других факторов. Каждый регион, занимая определенное место в системе общественного разделения труда и рационального природопользования, имеет некую специфичность условий: природных (экологических), производственных (экономических) и трудовых (социальных), и обладает в силу этого определенной спецификой потребностей и возможностей.

В своей диссертации мы постарались все материалы изложить по пяти типам рекреационных ресурсов, добавив к трем типам рекреационных ресурсов по Д. Еделеву [Еделев, Кирей, Сергеева, Стригина, Иванов 2007] два своих типа:

- 1) рекреационно-лечебный (например, лечение минеральными водами);
- 2) рекреационно-оздоровительный (например, купально-пляжные рекреации и биоклиматические рекреации);
- 3) рекреационно-спортивный (например, горнолыжные зоны);
- 4) рекреационно-культурно-познавательный и рекреационно-просветительский (прогулки по парку, слушание птиц и т.д.);

5) рекреационно-экологический (охота, рыбалка).

9 июля 2006 г. вступили в действие два федеральных закона – № 76-ФЗ и № 75-ФЗ от 3 июня 2006 г. Закон № 76-ФЗ дополнил положения Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Этими изменениями введен новый вид ОЭЗ – туристско-рекреационных особых экономических зон (ТР ОЭЗ), целью создания которых является развитие и эффективное использование туристских ресурсов в РФ. Закон № 75-ФЗ дополнил некоторые главы Налогового кодекса РФ, установив налоговые льготы для резидентов подобных ОЭЗ.

Приказом Минэкономразвития РФ от 31.07.06 г. № 212 было объявлено о проведении в 2006 г. открытого конкурса по отбору заявок на создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Из 28 поданных заявок были признаны семь победителей. После подведения итогов конкурса вышли постановления Правительства РФ от 3.02.07 г. №№ 67 – 73 об образовании особых экономических зон туристско-рекреационного типа:

- 1) «Алтайская Долина» на территории муниципальных образований «Майминский район» и «Чемальский район» Республики Алтай;
- 2) «Байкальская гавань» – муниципального образования «Прибайкальский район» Республики Бурятия;
- 3) «Новая Анапа» – в Краснодарском крае;
- 4) «Кавказские Минеральные Воды» – в Ставропольском крае;
- 5) «Бирюзовая Катунь» – Алтайского района Алтайского края;
- 6) «Куршская коса» – Зеленоградского района Калининградской области;
- 7) «Ворота Байкала» – на территории п. Листвянка Иркутского муниципального образования Иркутской области.

Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 201 на территории острова Русский Приморского края создана 8-я

туристско-рекреационная особая экономическая зона. Этим самым создан прецедент, дающий нам право рассчитывать на создание 9-ой туристско-рекреационной особой экономической зоны в Чувашской Республике, ввиду отсутствия подобных рекреационных зон во всем Приволжском Федеральном Округе и наличия потенциала для развития рекреационной зоны «Заволжье» в Республике Чувашия.

Чувашская Республика (Чувашия) – территория в составе РФ, расположенная на востоке Европейской части России. Площадь 18,3 тыс. км². Население 1,292 млн чел. Граничит: на западе – с Нижегородской областью, на юго-западе – с Республикой Мордовия, на юге – с Ульяновской областью, на востоке – с Республикой Татарстан, на севере – с Республикой Марий Эл. Столица – г. Чебоксары. Столица имеет выгодное географическое положение, с точки зрения развития рекреационных зон (до г. Москвы – 650 км, до г. Санкт – Петербург – 1300 км, до г. Нижний Новгород – 260 км, до г. Казани – 160 км). Наличие международного аэропорта и ж/д вокзала. Через город проходит федеральная трасса М 7 – г. Москва – г. Владимир – г. Нижний Новгород – г. Чебоксары – г. Казань + добавим сюда трассу Е 95 и Санкт-Петербург входит в наш автотуристский маршрут. ОАО РЖД планирует построить скоростные ветки: 1) Москва – Санкт-Петербург, 2) Москва – Екатеринбург (проходящие в т. ч. через Чувашскую Республику (г. Канаш (90 км от г. Чебоксары). Входит в Приволжский Федеральный Округ.

Характеристики и специализации всех ОЭЗ ТРТ в России мы свели в одну таблицу (табл. 1).

Туристско-рекреационные ОЭЗ создаются сроком на 20 лет. В отличие от промышленно-производственных и технико-внедренческих, туристско-рекреационные зоны могут располагаться на территории нескольких муниципальных образований и полностью включать участки какого-либо города, района, области или края. Кроме того, они могут создаваться не только на

тех земельных участках, которые находятся в государственной или муниципальной собственности, но и на землях, принадлежащих гражданам или юридическим лицам. Более того, участки, образующие туристско-рекреационную особую экономическую зону, могут относиться к землям особо охраняемых территорий. На земельных участках таких зон могут располагаться объекты, находящиеся в государственной, муниципальной или частной собственности, а также объекты жилищного фонда.

Под туристско-рекреационной понимается деятельность по строительству, реконструкции, эксплуатации объектов туристской индустрии, объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации и отдыха граждан, а также туристская деятельность и деятельность по разработке месторождений минеральных вод, лечебных грязей и других природных лечебных ресурсов, их добыче и использованию, в том числе деятельность по санаторно-курортному лечению и профилактике заболеваний, медицинской реабилитации, организации отдыха граждан, промышленному розливу минеральных вод (п. 2.1. ст. 10 Закона № 116-ФЗ). Какой-либо иной деятельностью резиденты ОЭЗ заниматься не вправе. Кроме того, им запрещено иметь филиалы и представительства за пределами ОЭЗ.

Передавать права и обязанности другому лицу резиденты не могут. Также установлен ряд запретов на распоряжение полученным в аренду земельным участком. Например, нельзя передавать арендные права в залог, вносить их в качестве вклада в уставный капитал, паевого взноса в производственный кооператив, передавать права и обязанности по договору аренды (перенаем), передавать земельный участок в субаренду и безвозмездное срочное пользование.

Согласно Налоговому кодексу РФ в редакции Закона № 75-ФЗ резидентам туристско-рекреационных ОЭЗ предоставляется ряд дополнительных гарантий и налоговых льгот:

Таблица 1.
Характеристики и специализации девяти ОЭЗ ТРТ в РФ

Субъект РФ, муниципальные образ-я, площадь ОЭЗ ТРТ	Специализации (виды туризма)	Объем инвестиций (млрд руб.)	Элементы инфраструктуры
1. Республика Алтай, Майминский и Чемальский районы, 16 км ²	Горнолыжный, экологический, спортивный, рекреационный	Бюджетное финансир-е – 5,6 (фед. бюджет – 4,8), внебюджетные инвестиции – 6,7	Круглогодичные гостиничные комплексы на 8,5 тыс. мест со SPA- центрами, горнолыжный и лечебно-оздоровительный комплексы
2. Республика Бурятия (ОЭЗ ТРТ «Байкал»), Прибайкальский район, 701 км ²	Горнолыжный, экологический, спортивный, оздоровительный, экскурсионный, водный	Бюджетное финансир-е – 13,3 (фед. бюджет – 10,2), внебюджетные инвестиции – 38,0	Круглогодичные гостиничные комплексы на 22 тыс. мест, яхт- клуб, крытый аквапарк, спортивно-оздоровительный, горнолыжный и конноспортивный комплексы
3. Краснодарский край, гг. Анапа, Геленджик, Сочи и Туапсинский район, 20 км ²	Пляжный, деловой оздоровительный, водный, спортивный	Бюджетное финансир-е – 29,0 (фед. бюджет – 16,0), внебюджетные инвестиции – 147,4	Круглогодичные гостиничные комплексы международного класса на 110 тыс. мест, поля для гольфа, игровые площадки, парки развлечений, бассейны, яхт-клубы, аквапарки
4. Ставропольский край (ОЭЗ ТРТ «Кавказские Минеральные Воды»), гг. Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Лермонтов, Пятигорск, Минераловодский и Предгорный районы, 17 км ²	Рекреационный с бальнеологическим направлением, экологический, деловой, спортивный, познавательный. Особое направление – инновационные технологии бальнеолечения и новинки мировой SPA-индустрии	Бюджетное финансир-е – 3,1 (фед. бюджет – 2,5), внебюджет. – 49,0	Круглогодичные гостиничные комплексы на 17 тыс. мест, всероссийский детский оздоровительный центр, спортивно- реабилитацион-й комплекс, клиника инновационного лечения, аквапарк, SPA- центры, горнолыжный комплекс, этнопарк, дельтадром, ледовый каток, обсерватория, стрельбище
5. Алтайский край (ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»), Алтайский район, 33 км ²	Спелеотуризм и водные виды спорта (рафтинг, байдарки, каяки)	Бюджетное финансир-е – 7,3 (фед. бюджет – 6,9), внебюджет – 3,2	Круглогодичный гостиничный комплекс на 3 – 3,5 тыс. мест, конноспортивный комплекс, комплекс плавательных бассейнов
6. Калининградская область (ОЭЗ ТРТ «Куршская коса»), Зеленоградский район, 67 км ²	Экологический, оздоровительный, водный, экскурсионный, велотуризм	Бюджетное финансир-е – 1,8 (фед. бюджет – 1,5), внебюджет – 5,8	Гостиницы на 4 тыс. мест, яхт-клубы, детский оздоровительный и образовательный центры, международный экологический лагерь, планерная школа

7. Иркутская область, Иркутский район, 4 км ²	Деловой, горнолыжный, водный, экологический	Бюджетное финансир-е – 4,7 (фед. бюджет – 2,6), внебюджет – 10,3	Круглогодичные гостиничные комплексы на 11 тыс. мест, два конгресс-центра, горнолыжный комплекс, канатная дорога, аквапарк, рекреационный центр
8. Приморский край, остров Русский	Пляжный, спортивный, культурный, экологический	-	-
9. Чувашская Республика (ОЭЗ ТРТ «Заволжье»), г. Чебоксары (проект)	Экологический, спортивный, оздоровительный, водный, рекреационный	-	-

В процессе работы над представленной таблицей № 1 использовались труды нескольких авторов: Барзыкина Ю.А., Григорьева В.И., Овчарова А.О. [Барзыкин 2007; Григорьев, Симонов 2010; Синов, Овчаров 2012].

1) резиденты ОЭЗ вправе при исчислении налога на прибыль применять ускоренную амортизацию (специальный коэффициент, но не выше;

2) в отношении собственных основных средств к основной норме амортизации (п. 7 ст. 259 НК РФ);

3) признавать расходы на НИОКР (в том числе не давшие положительного результата) в том отчетном (налоговом) периоде, в котором они были осуществлены, в размере фактических затрат (п. 2 ст. 262 НК РФ);

4) переносить убыток предыдущего налогового периода на текущий год в полном объеме (для других налогоплательщиков установлено, что совокупная сумма переносимого убытка в 2006 г. не может превышать 50% налоговой базы, исчисленной в соответствии со ст. 274 НК РФ) (п. 2 ст. 283 НК РФ);

5) применять установленную законами субъектов РФ пониженную ставку налога на прибыль, зачисляемого в бюджеты субъектов РФ. Существующую ставку 17,5% субъект РФ может понизить до 13,5%) (ст. 284 НК РФ).

Такие льготы использовались с 9.07.2006 г. Начиная с 1 января 2007 г. резидентам ОЭЗ предоставляется льгота по

налогу на имущество (освобождение от его уплаты в течение 5 лет с момента постановки имущества на учет) (п. 17 ст. 381 НК РФ) в отношении имущества, учитываемого на балансе резидента ОЭЗ, созданного или приобретенного в целях ведения деятельности на территории ОЭЗ, или имущества, расположенного на территории ОЭЗ.

Эти условия должны выполняться одновременно. Кроме того, с 1 января 2007 г. резиденты ОЭЗ освобождаются от уплаты земельного налога в течение 5 лет с момента возникновения права собственности на земельный участок, расположенный на территории ОЭЗ (п. 9 ст. 395 НК РФ).

На территории туристско-рекреационных ОЭЗ устанавливается особый таможенный режим – режим свободной таможенной зоны, который регулируется положениями ст. 37 Закона № 116-ФЗ. Он действует в течение всего срока существования туристско-рекреационной зоны.

Под таможенный режим попадают только те товары, которые размещены на территории зоны и используются резидентами для осуществления своей деятельности. Товары могут быть ввезены с территории РФ, из-за рубежа или приобретены на

территории ОЭЗ у лиц, которые не являются резидентами. Резиденты могут использовать эти товары по своему усмотрению, за исключением тех операций, перечень которых утвердит Правительство России.

При ввозе российских или иностранных товаров на территорию ОЭЗ ТРТ резиденту не придется платить ввозные пошлины и НДС. Кроме того, на ввоз товаров в эту зону не распространяются запреты и ограничения экономического характера, предусмотренные законодательством о госрегулировании внешнеторговой деятельности.

При ввозе иностранных товаров с территории туристско-рекреационных ОЭЗ на остальную территорию РФ резидент должен уплатить таможенные пошлины, НДС и акцизы. Российские товары ввозятся на остальную территорию РФ без уплаты таможенных пошлин.

При вывозе иностранных и российских товаров с территории туристско-рекреационной зоны за пределы территории РФ экспортеру придется уплатить только вывозные таможенные пошлины. Кроме того, согласно ст. 38 Закона № 116-ФЗ, в течение срока действия соглашения в отношении резидентов ОЭЗ не применяются нормативные правовые акты, ухудшающие положения этих налогоплательщиков.

В качестве примера можно показать льготы и преференции для инвесторов, которые решат вложить свои средства в 8-ю ОЭЗ ТРТ «Остров Русский». Инвесторы ОЭЗ «Остров Русский» получают следующие налоговые льготы:

- 1) налог на имущество – 0%;
- 2) налог на землю – 0%;
- 3) налог на транспорт – 0%;
- 4) налога на прибыль (15,5% для резидентов ОЭЗ).

Налоговые каникулы, предоставленные органами государственной власти на региональном уровне, длятся от 5 до 10 лет. Резидентам предоставляется гарантия неизменности налоговых льгот в течение срока существования особой экономиче-

ской зоны. Резиденты ОЭЗ «Остров Русский» получают следующие преференции:

- 1) низкая стоимость выкупа земельного участка;
- 2) удобный режим администрирования;
- 3) готовая инфраструктура;
- 4) возможность ускоренной амортизации.

Создание туристско-рекреационных зон должно способствовать развитию российской индустрии отдыха, в которой в последнее время наблюдается спад.

Туризм в мировой экономике и практике международных экономических отношений является мощным стимулом экономического развития. Он приносит в бюджеты отдельных стран определяющую долю доходов. Наиболее заметными участниками в данной сфере деятельности в Европе являются Франция, Италия и Испания. На долю этих трех стран приходится 42% всех доходов от туризма стран – членов ЕС, сами же доходы от туризма оценивались в 2009 г. суммой в: 41,7 млрд евро во Франции; 37 млрд евро – в Италии; 31 млрд евро – в Испании. При этом в странах ЕС в данной сфере занято 221 тыс. человек.

В РФ турбизнес по темпам развития пока значительно отстает от других стран, что нередко связано с отсутствием необходимой инфраструктуры, довольно низким уровнем обслуживания при высоком уровне цен и с другими причинами. Сделать прибыльным и устойчивым в своем развитии бизнес в области туризма могут туристско-рекреационные зоны, в которые должен прийти заинтересованный инвестор и льготами инвестор и создать благоприятные условия и конкурентные преимущества для привлечения массового туриста.

Сам по себе потенциальный инвестор вряд ли будет вкладываться в развитие рекреационных зон. Для него необходимо подготовить инфраструктуру, с одной стороны и местное население, с другой. Также важна оценка риска вложений в рекреационные зоны. Мы постарались свести воедино два показателя: потенциал развития субъектов РФ и риска вложений в регионы, чтобы

Таблица 2.

Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2010 – 2011 годах

Рейтинговое место	Регион
Максимальный потенциал – минимальный риск (1А)	
1	Московская область
2	Санкт-Петербург
3	Краснодарский край
Средний потенциал – минимальный риск (2А)	
4	Белгородская область
5	Ростовская область
Пониженный потенциал – минимальный риск (3А1)	
6	Липецкая область
Незначительный потенциал – минимальный риск (3А2)	
-	-
Высокий потенциал – умеренный риск (1В)	
7	Москва
8	Свердловская область
9	Красноярский край
Средний потенциал – умеренный риск (2В)	
10	<i>Республика Башкортостан</i>
11	<i>Республика Татарстан</i>
12	<i>Пермский край</i>
13	<i>Нижегородская область</i>
14	<i>Самарская область</i>
15	Ханты-Мансийский авт. округ - Югра
16	Челябинская область
17	Иркутская область
18	Кемеровская область
19	Новосибирская область
Пониженный потенциал – умеренный риск (3В1)	
20	Брянская область
21	Владимирская область
22	Воронежская область
23	Калужская область
24	Курская область
25	Рязанская область
26	Смоленская область
27	Тамбовская область
28	Тверская область
29	Тульская область
30	Ярославская область
31	Республика Коми
32	Архангельская область
33	Вологодская область
34	Калининградская область
35	Ленинградская область
36	Астраханская область
37	Волгоградская область
38	Ставропольский край
39	<i>Чувашская Республика</i>
40	<i>Удмуртская Республика</i>
41	Кировская область

42	Оренбургская область
43	Пензенская область
44	Саратовская область
45	Ульяновская область
46	Тюменская область
47	Ямало-Ненецкий авт. округ
48	Республика Бурятия
49	Алтайский край
50	Омская область
51	Томская область
52	Республика Саха (Якутия)
53	Приморский край
54	Хабаровский край
55	Сахалинская область
Незначительный потенциал – умеренный риск (3В2)	
56	Ивановская область
57	Орловская область
58	Ненецкий авт. округ
59	Новгородская область
60	Псковская область
61	Республика Адыгея
62	Республика Мордовия
63	Республика Хакасия
64	Амурская область
65	Еврейская авт. область
Максимальный потенциал – высокий риск (1С)	
-	-
Средний потенциал – высокий риск (2С)	
-	-
Пониженный потенциал – высокий риск (3С1)	
66	Республика Карелия
67	Мурманская область
68	Республика Дагестан
69	Забайкальский край
Незначительный потенциал – высокий риск (3С2)	
70	Костромская область
71	Республика Калмыкия
72	Кабардино-Балкарская Республика
73	Карачаево-Черкесская Республика
74	Республика Северная Осетия – Алания
75	Республика Марий Эл
76	Курганская область
77	Республика Алтай
78	Камчатский край
79	Магаданская область
80	Чукотский авт. округ
Низкий потенциал – экстремальный риск (3Д)	
81	Республика Ингушетия
82	Чеченская Республика
83	Республика Тыва

Источник: журнал «Эксперт» № 50, 2011 г.

определить рейтинг российских регионов по инвестиционному климату. Необходимость этого навеяна обстоятельством определения шансов Чувашской Республики на организацию 9-ой ТРЗ. Для этого мы выделим в таблице 2 все регионы, где уже функционируют туристско-рекреационные зоны.

Жирным шрифтом выделены девять регионов, где уже есть ОЭЗ туристско-рекреационного типа, либо планируется (Чувашская Республика). Курсивом выделены четырнадцать субъектов РФ, входящих в Приволжский Федеральный Округ.

Проведя анализ таблицы 2, мы можем сделать следующие выводы:

Только четыре субъекта РФ (Краснодарский край, Иркутская область, Калининградская область, Ставропольский край) из восьми, где находятся ОЭЭ ТРТ, имеют рейтинг выше, чем рейтинг инвестиционного климата Чувашской Республики, в том числе два региона (Калининградская область, Ставропольский край) находятся в одной группе с ЧР (ЗВ1) с пониженным потенциалом и умеренным риском. Всего в этой группе (ЗВ1) находятся пять регионов с ОЭЭ ТРТ.

Из всех регионов Приволжского Федерального Округа только пять субъектов РФ из четырнадцати имеют лучшее рейтинговое место, чем Чувашская Республика. Все пять регионов входят в группу (2В) со средним потенциалом и умеренным риском. Но у них другие специализации: Республики Башкортостан и Татарстан – природно-минеральные ресурсы (нефть и т.д.), Нижегородская и Самарская области – старопромышленные центры (еще со времен СССР), Пермский край – менее выгодное, по сравнению с ЧР, географическое местоположение, для развития ТРЗ.

Кроме ЧР еще шесть субъектов РФ, входящих в ПФО, включены в группу (ЗВ1) с пониженным потенциалом и умеренным риском. Но все они имеют более низкий рейтинг инвестиционного климата и проигрывают ЧР в споре за организацию ТРТ по дополнительным показателям (природный

капитал, трудовой капитал или географическое положение).

Существенную конкуренцию Чувашской Республике могла бы составить географическая соседка – Республика Марий Эл. Но проигрыш в рейтинге 75 место против 39. Плюс попадание в группу (ЗС2) с незначительным потенциалом и высоким риском резко понижают ее шансы на успех.

Поволжская туристская зона (14 субъектов РФ) входящая в пятую туристскую зону федерального значения (из 13) (приложение 23) и имея богатый ресурсный потенциал для развития туристско-рекреационных зон – не имеет ни одной ОЭЭ ТРТ на своей территории.

Особый интерес туристско-рекреационные зоны, в отличие от промышленно-производственных и технико-внедренческих зон, представляют для малого и среднего бизнеса, поскольку в них вся предпринимательская деятельность связана со сферой услуг.

По расчетам Министерства экономического развития и торговли, до 2026 года федеральный бюджет потратит на туристско-рекреационные зоны 44,5 млрд рублей, бизнес вложит в них более 270 млрд рублей, а налоговые поступления в бюджеты различных уровней достигнут почти 260 млрд руб. Вклад туризма в ВВП РФ уже к 2016 г. увеличится почти с нуля до 2%, а с учетом мультипликативного эффекта достигнет отметки в 9%. Поток туристов на эти территории вырастет с 3,0 млн до 9,7 млн человек.

По мнению Д.А. Татаркина и М.И. Масленникова, после того как механизм создания туристских зон будет полностью отработан, будет объявлен еще один конкурс на создание экономических зон туристского типа, но произойдет это не ранее 2012 года [Татаркин 2010].

По нашему мнению, это произойдет в два этапа:

1 этап – не ранее 2014 г. – после проведения Всемирной Универсиады в г. Казани (2013 г.) и Зимней Олимпиады в г. Сочи (2014 г.);

2 этап – после проведения Чемпионата Мира по футболу в России (2018 г.). С одной стороны, на эти мероприятия выделяются огромные средства, с другой стороны, после проведения можно будет оценить все виды эффектов от вложений в данные знаковые и имиджевые для страны события.

Основные цели создания ОЭЗ туристско-рекреационного типа следующие:

1) увеличение доли туристского сектора и смежных отраслей в ВВП РФ и обеспечение за счет этого диверсификации экономики (связанной – в краткосрочном периоде и не-связанной – в среднесрочном и долгосрочном периоде);

2) повышение занятости населения регионов (к 2016 г. планируется создать в восьми ОЭЗ ТРТ порядка 64 – 65 тыс. рабочих мест, а с учетом мультипликативного эффекта в смежных отраслях – порядка 155 – 157 тыс. рабочих мест);

3) улучшение здоровья и качества жизни населения за счет доступности получения гражданами РФ туристских и санаторно-курортных услуг;

4) рост туристских потоков (внутренних

и въездных) (с 3 млн туристов в 2010 г. до 9,7 – 9,9 млн туристов к 2016 г.);

4) сохранение окружающей среды, природных и культурных ценностей;

5) развитие инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры;

6) стимулирование развития депрессивных регионов с низким промышленным потенциалом.

На территории особой экономической зоны ТРТ не допускается разработка месторождений полезных ископаемых, их добыча, металлургическое производство, за исключением разработки месторождений минеральных вод, лечебных грязей и других природных лечебных ресурсов, промышленного розлива минеральных вод, иного использования природных ресурсов; добыча; переработка полезных ископаемых, лома цветных и черных металлов; производство и переработка подакцизных товаров (за исключением легковых автомобилей и мотоциклов).

Правительство России может также определять другие виды деятельности, осуществление которых не допускается в ОЭЗ ТРТ.

Таблица 3.

Государственное финансирование ОЭЗ за период 2007 – 2010 гг. (в том числе в туристско-рекреационные зоны)

Источник финансирования	Инвестиции внутри зон, млрд руб.	Инвестиции вне зон, млрд руб.
Промышленно-производственные и технико-внедренческие зоны		
Уставный капитал РосОЭЗ	50,9	
Федеральный бюджет	33,7	
Местные и региональные бюджеты	17,2	12,3
ФАИП		17,7
Фонд развития регионов		7,8
Инвестиционные программы ЕЭС России и Газпрома		6,8
Туристско-рекреационные зоны		
Уставный капитал РосОЭЗ	11,9	
Федеральный бюджет	9,1	
Местные и региональные бюджеты	2,9	6,9
ФАИП		23,4
Фонд развития регионов		0,8
Инвестиционные программы ЕЭС России и Газпрома		11,9

Источник: РосОЭЗ

На развитие инфраструктуры ОЭЗ государство направляет инвестиции из разных источников (табл. 3).

К ресурсам государственного и местных бюджетов (62,9 млрд руб.), которые до 2010 г. будут потрачены на строительство инфраструктуры внутри особых зон через ОАО «Особые экономические зоны» (дочерняя структура Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами – РосОЭЗ), добавилось еще 87,6 млрд руб. на обустройство территорий, прилегающих к зонам. Таким образом, внутренняя инфраструктура будет развиваться за счет средств, направляемых через РосОЭЗ, а внешняя (дороги, аэропорты и т.д.) – финансироваться через федеральную адресную инвестиционную программу (ФАИП) и на средства естественных монополий.

Государственные расходы на инфраструктуру зон – не единственный источник финансирования ОЭЗ. По оценкам МЭРТ, планируется привлечь порядка 200 млрд руб. за счет частных инвестиций резидентов. При этом вполне вероятно, что расходы на строительство ОЭЗ в России будут расти. По оценкам экспертов, во время реализации проекта его стоимость по сравнению с проектно-сметной документацией может увеличиться на 20 – 50% [Туризм и рекреация... 2008]. Не исключается, что дополнительные расходы будут приниматься поправками к трехлетнему бюджету.

Оценить деятельность семи ОЭЗ ТРТ

в России (в динамике) мы попробуем через следующие позиции:

- 1) количество резидентов (рис. 1);
- 2) количество рабочих мест (рис. 2);
- 3) объем инвестиций (млн руб.) (рис. 3);
- 4) объем производства товаров и услуг (рис. 4).

Экономические показатели деятельности семи ОЭЗ ТРТ мы можем свести в одну таблицу (табл. 5).

Несмотря на позитивное продвижение в формировании и развитии особых экономических зон туристско-рекреационного типа Минэкономразвития России приостановило финансирование четырех ОЭЗ ТРТ ввиду отсутствия частных инвесторов, готовых осуществлять инвестирование в строительство объектов туристской инфраструктуры. Возобновление финансирования возможно при поступлении в Минэкономразвития России материалов, которые дают оценку туристского потока, при наличии списка потенциальных инвесторов в объекты туристской инфраструктуры, с указанием параметров и мощности необходимых первоочередных объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры ОЭЗ ТРТ с увязкой потребностей потенциальных резидентов в создаваемой инфраструктуре, стоимости затрат на ее строительство, с оценкой объемов частных инвестиций, в том числе иностранных, и возможности привлечения крупных международных операторов гостиничного бизнеса.

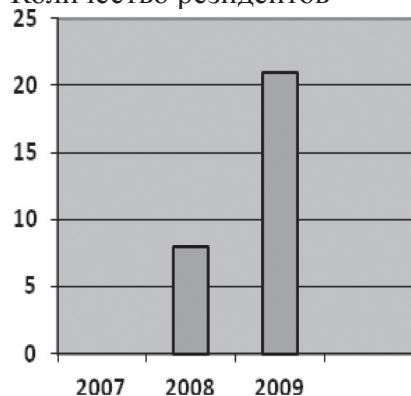
Таблица 5.

Показатели деятельности семи ОЭЗ ТРТ на 01.01. 2009 г., млн руб.

Наименование ОЭЗ ТРТ	Общая стоимость выполненных работ по созданию ОЭЗ ТРТ	Инвестирование средств ОАО «ОЭЗ» и ДООА на создание объектов ОЭЗ ТРТ
Всего	988,302	1 066,008
«Куршская коса»	19,406	25,446
«Новая Анапа»	41,581	55,791
«Гранд СПА Юца»	71,581	77,480
«Бирюзовая Катунь»	557,387	561,180
«Алтайская Долина»	98,405	129,665
«Байкальская Гавань»	119,532	136,441
«Ворота Байкала»	80,407	80,003

Рисунок 1.

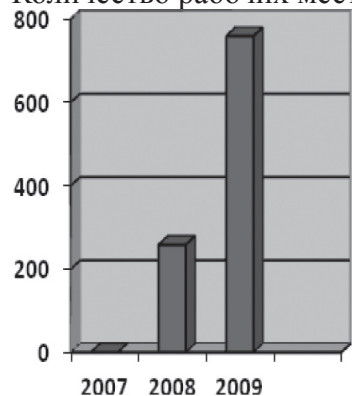
Количество резидентов

2007 г. – 0; 2008 г. – 8; 2009 г. – 21.

Рисунок 2.

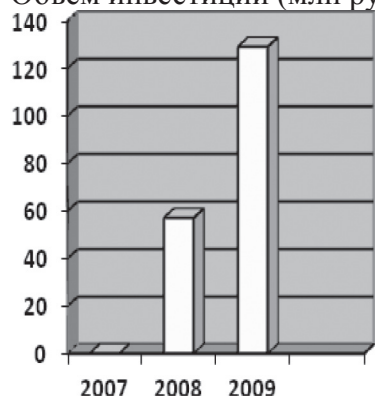
Количество рабочих мест

2007 г. – 0; 2008 г. – 258; 2009 г. – 759.

Рисунок 3.

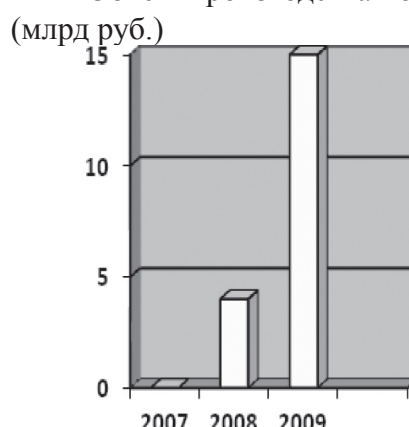
Объем инвестиций (млн руб.)

2007 г. – 0; 2008 г. – 57; 2009 г. – 128.

Рисунок 4.

Объем производства товаров и услуг

2007 г. – 0; 2008 г. – 4; 2009 г. – 15.

Литература

Еделев Д.А., Кирей М.Ю., Сергеева И.С., Стригина М.О., Иванов А.Е. Мировая рекреационная сфера: характеристика и специализация территорий. – Пятигорск: Изд-во «Спецпечать», 2007.

Барзыкин Ю.А. Основные направления государственной политики развития туризма в Российской Федерации // Туризм: право и экономика, 2007.

Григорьев В.И., Симонов В.С., Синов В.В. Развитие рекреационной индустрии в Российской Федерации: методология, теория, практика. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.

Овчаров А.О. Туристический комплекс России: тенденции, риски, перспективы. – М.: ИНФРА-М, 2012.

Татаркин Д.А., Масленников М.И. Особые экономические зоны: проблемы и тенденции развития (отеч. и заруб. опыт). – Екатеринбург: Инст-т эк-ки УрО РАН, 2010.

Туризм и рекреация на пути устойчивого развития: отечественные и зарубежные исследования: монография/ под ред. В.И. Кружалаина, А.Ю. Александровой. – М.: Советский спорт, 2008.

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 339.7

Е.Е. Веселкова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА ИНВЕСТОРОВ

В данной статье автором рассматриваются основные вопросы, относящиеся к процессуальным правам инвестора. Автор анализирует как различные международно-правовые документы, так и национальное законодательство.

Ключевые слова: процессуальные права инвестора, международный арбитраж, третейский суд, механизм рассмотрения инвестиционных споров

E.E. Veselkova

PROCEDURAL RIGHTS OF INVESTORS

In this article the author considers key problems relating to the procedural rights of investors. The author analyzes both various international legal documents and national legislation.

Key words: procedural rights of investors, international arbitration, court of arbitration, mechanism of settling investment disputes

В двусторонних международных договорах о поощрении и взаимной защите инвестиций, действующих для России, предусматриваются специальные положения о рассмотрении в арбитражном порядке так называемых инвестиционных споров, под которыми понимаются споры между инвесторами и государствами, в которых осуществлены инвестиции. В эту категорию входят споры, относящиеся к размеру и порядку выплаты компенсации, подлежащей выплате в качестве возмещения за ущерб, причиненный инвестициям в результате какого-либо вооруженного конфликта, введения чрезвычайного положения или гражданских беспорядков (например, ст. 4 соглашения с Великобританией, п. 5 ст. 4 соглашения с ФРГ); споры, относящиеся к размеру и порядку выплаты компенсации в случае национализации, экспроприации или мер, имеющих аналогичные национализации или экспроприации последствия (например, ст. 5 соглашения с Великобританией, подпункты 1 – 3 ст. 4 соглашения с ФРГ, ст. 6 соглашения со Швейцарией); споры, касающиеся последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по переводу капиталовложений и доходов от них в страну постоянного места пребывания инвестора (например, ст. 6 соглашения с Великобританией; ст. 5, подпункт «а» п. 2 ст. 8 соглашения со Швейцарией); а также иные споры (например, подпункт «б» п. 2 ст. 8 соглашения со Швейцарией).

В договорах предусмотрена возможность до обращения к арбитражу мирного рассмотрения спора сторонами. Спор может быть передан в арбитраж по истечении трехмесячного срока с момента письменного уведомления о таком споре (например, ст. 8 соглашения с Великобританией), по истечении шестимесячного срока (например, ст. 8 соглашения со Швейцарией; ст. 10 соглашения с Испанией). В других договорах такой предварительный срок не установлен (например, в соглашении с ФРГ) [Хоменко 2007: 47].

Следует обратить внимание на то, что в договорах предусмотрено рассмотрение любого спора между инвестором и государством в международном арбитраже или третейском суде по желанию или требованию любой из сторон в споре (например, ст. 8 соглашения с Великобританией; ст. 9 соглашения с ФРГ). Предусмотрено рассмотрение в третейском суде споров основных категорий (перевод прибылей, порядок и размер компенсации в случае национализации и аналогичных мер) по инициативе любой из сторон и других споров лишь с обоюдного согласия сторон в споре. Установлено, в каком арбитраже (третейском суде) будут рассматриваться возможные споры. В ст. 8 соглашения с Великобританией говорится следующее об арбитраже: споры будут рассматриваться в арбитражном институте Торговой палаты в Стокгольме, международным арбитром или в арбитражном суде *ad hoc*, назначаемом по специальной договоренности или создаваемом в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). В ст. 9 соглашения с ФРГ предусмотрено создание в каждом конкретном случае третейского суда. Если сроки назначения сторонами членов третейского суда не будут выдержаны, предусмотрена возможность назначения таких членов третейского суда председателем Международного Суда ООН. Аналогичные правила содержатся в ст. 9 соглашения со Швейцарией.

В договорах предусмотрен порядок рассмотрения спора в третейском суде. В ст. 8 соглашения с Великобританией говорится лишь о том, что арбитражное разбирательство будет проводиться в соответствии с Регламентом ЮНСИТРАЛ, если стороны в споре не договорятся в письменной форме о его изменении. В ст. 9 соглашения с ФРГ прямо предусмотрены отдельные основные правила рассмотрения спора в третейском суде (принятие решения большинством голосов, несение расходов).

В ст. 8 соглашения со Швейцарией предусмотрено, что третейский суд сам

установит свои правила процедуры, если стороны в споре не договорятся об ином. В соглашении предусмотрен также порядок несения расходов по арбитражу.

Стремясь обеспечить на многосторонней основе гарантии интересов инвесторов, западные государства предложили заключить Конвенцию о рассмотрении споров по инвестициям между государствами и лицами других государств. Вашингтонская конвенция была подписана 18 марта 1965 г. и вступила в силу 14 октября 1966 г. Участниками конвенции в 1992 году были 106 стран, кроме того, еще 50 стран подписали, но не ратифицировали ее (Россия относится к их числу). Конвенция предусматривает правила примирительной и арбитражной процедур разрешения споров, а также создание Международного центра по разрешению инвестиционных споров при Международном банке реконструкции и развития. Целью конвенции является изъятие из юрисдикции национальных органов стран-участниц инвестиционных споров, что обеспечивает защиту частного капитала иностранных государств в этих странах.

Правила Вашингтонской конвенции предусматривают универсальный механизм арбитражного рассмотрения инвестиционных споров, оговорена возможность примирительной процедуры [Алехин 1999: 120].

Согласно ст. 398 ГПК РФ иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные организации, международные организации имеют право обращаться в суды в Российской Федерации для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Аналогичные правила закрепляются в арбитражном процессуальном законодательстве, которое устанавливает, что иностранные и международные организации, иностранные граждане и лица без гражданства, осуществляющие предпринимательскую деятельность, имеют право обращаться в арбитражные суды России для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Иностранные лица

пользуются процессуальными правами и выполняют процессуальные обязанности наравне с российскими гражданами и организациями.

При этом закон не связывает предоставление инвесторам национального режима в области гражданского судопроизводства с их проживанием в России. Эти правила российского законодательства полностью соответствуют положениям ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. о свободном доступе в суды. Согласно этой статье, каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В отношении стран ЕС это было предусмотрено Соглашением о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. Пункт 1 ст. 98 Соглашения 1994 г. гласит: «В рамках настоящего Соглашения каждая Сторона обязуется обеспечить свободный от дискриминации по сравнению с собственными лицами доступ физических и юридических лиц другой Стороны в компетентные суды и административные органы Сторон для защиты их индивидуальных прав и прав собственности, включая те из них, которые касаются интеллектуальной собственности».

В соответствии с п. 4 ст. 398 ГПК РФ Правительством РФ могут быть установлены ответные ограничения в отношении инвесторов тех государств, в судах которых допускаются ограничения процессуальных прав российских граждан и организаций.

В российском законодательстве, в отличие от законодательства ряда государств, не установлена возможность взимания с иностранных инвесторов специального судебного залога (так называемого *cautio judicatum solvi*) при предъявлении иска в суде. Этот денежный залог взимается в обеспечение судебных расходов, которые может понести ответчик в случае, если истцу будет отказано в иске.

Во всех других государствах СНГ (за исключением Грузии) также не предусмотрено взимание с истцов-иностранцев судебного залога. Из этого же исходят многосторонние соглашения стран СНГ. Иначе решен вопрос о судебном залоге в Законе о международном частном праве Грузии 1998 г. Согласно ст. 58 этого Закона установлено, что по требованию ответчика истцы-иностранцы и иностранные юридические лица, место жительства или нахождения которых находится за пределами Грузии, должны предоставить гарантии возмещения судебных расходов. Однако, согласно этой же статье, гарантии не требуется, если в соответствующем государстве не требуется предоставления гарантии от физических и юридических лиц Грузии или если ответчик не может обосновать свое требование.

Договор о правовой помощи между Россией и Грузией предусматривает возможность освобождения граждан от выплаты судебных расходов на тех же основаниях и в том же объеме, как и граждане данного государства (ст. 19).

Для реализации права на доступ к правосудию в России существенным является освобождение инвесторов от уплаты судебных расходов, предоставление им иных процессуальных льгот (отсрочки, рассрочки несения таких расходов) в связи с тем, что расходы на проведение процесса возросли. Инвесторам процессуальные льготы предоставляются только в том случае, если это прямо предусмотрено двусторонними или многосторонними договорами о правовой помощи. Это означает, в частности, что участникам процесса из стран СНГ должны предоставляться все процессуальные льготы на тех же условиях, что и собственным гражданам (ст. 2 Минской конвенции и ст. 2 Кишиневской конвенции) [Курдюков 1979: 58].

Договоры РФ с другими странами содержат специальные правила о взаимном свободном доступе граждан и организаций договаривающихся сторон в суд.

Так, согласно ст. 11 Соглашения между Россией и Великобританией об эконо-

мическом сотрудничестве от 9 ноября 1992 г., юридическим и физическим лицам каждой из стран будет предоставляться национальный режим в отношении доступа и в любые суды, и в административные органы на территории другой страны «в связи с торговыми сделками». В соответствии с этим от российских граждан за границей и иностранных граждан в России не будут требоваться никакие залоговые средства. Как известно, в соответствии с законодательством, доступ в российские суды открыт для всех иностранцев и без договора, а включение таких правил в торговые и другие международные договоры необходимо для обеспечения российским организациям и гражданам свободного доступа в иностранные суды.

Освобождение от судебного залога (или иного обеспечения в какой бы то ни было форме) истца на основании того, что он является иностранцем или не имеет постоянного или временного места жительства в данной стране, предусмотрено также в Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. [Фархутдинов, Трапезников 2006: 137].

Например, из судебной практики ФРГ (решение Земельного суда Гамбурга от 7 декабря 1992 г.):

Российская организация как истец предъявила ответчику иск о выплате определенной суммы и неустойки на основании того, что ответчик поставил иной товар, чем это было предусмотрено в договоре. Ответчик в качестве первоначального возражения выдвинул тезис о том, что истец не произвел надлежащее обеспечение судебных расходов. В решении суда было сказано следующее: «Возражение в отношении отсутствия обеспечения не обосновано. Суд исходит из того, что по российскому законодательству немецкий гражданин в аналогичном случае будет освобожден в России от уплаты судебного залога. Советский Союз присоединился 26 июля 1967 г. к Гаагской конвенции по международному гражданскому процессу. Эта конвенция освобождает от уплаты судебного залога гражданина

одного государства-участника, имеющего в таком государстве свое местожительство и выступающего в суде другого государства-участника в качестве истца». Далее в решении отмечалось, что хотя Советского Союза больше не существует, Россия в качестве его «продолжателя» приняла на себя обязательства по его международным договорам. При этом в отношении правопреемства России по международным договорам СССР суд сослался на соответствующую публикацию на эту тему на немецком языке проф. В. Зейферта. В письме Генерального консульства РФ от 23 ноября 1992 г. было подтверждено, что Российская Федерация является правопреемником Советского Союза по Гаагской конвенции 1954 г. по вопросам гражданского процесса.

Все договоры о правовой помощи, заключенные с другими государствами, устанавливают, что граждане одного государства пользуются на территории другого государства в отношении своих личных и имущественных прав такой же защитой, как и собственные граждане. Им предоставлено право свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру, нотариальные конторы и иные учреждения юстиции другого государства. Они могут возбуждать ходатайства и предъявлять иски на равных основаниях с отечественными гражданами. Им предоставляются одинаковые с отечественными гражданами процессуальные права, и они не должны вносить какой-либо залог при предъявлении иска.

Такие правила предусмотрены, в частности, в Конвенции между СССР и Италией о правовой помощи по гражданским делам 1979 г., в договорах о правовой помощи с Финляндией 1978 г., Грецией 1981 г., Алжиром 1982 г., Сирией 1984 г., Тунисом 1984 г., Кипром 1984 г., Литвой 1992 г., Эстонией 1993 г., Аргентиной 2000 г.

Положения этих договоров применяются соответственно и к учрежденным на территории договаривающихся сторон в соответствии с их законодательством юридическим лицам, а также к другим орга-

низациям, пользующимся процессуальной правоспособностью.

Иностранный инвестор, являясь стороной в процессе, пользуется в российском суде всеми процессуальными правами наравне с российскими гражданами. Это правило действует в отношении, как судов общей юрисдикции, так и судебных арбитражных органов. Согласно АПК РФ иностранные инвесторы пользуются процессуальными правами и выполняют процессуальные обязанности наравне с организациями и гражданами России.

В то же время положение о свободном доступе в суды, предусмотренное в российском законодательстве и в международных договорах, не может пониматься расширительно. Так, предоставление такого права, предусмотренное международным договором (например, тем же Соглашением с Великобританией об экономическом сотрудничестве 1992 г. или же Соглашением РФ о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.) не может пониматься как обязанность России признавать и исполнять решения соответствующих иностранных судов, поскольку в этих соглашениях это не предусмотрено.

Гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность иностранных инвесторов определяются их личным законом.

Личным законом иностранного инвестора является право страны, гражданство которой инвестор имеет. В случае если гражданин наряду с гражданством РФ имеет и иностранное гражданство, его личным законом считается российское право. При наличии у гражданина нескольких иностранных гражданств его личным законом считается право страны, в которой гражданин имеет место жительства.

В случае если иностранный инвестор имеет место жительства в Российской Федерации, его личным законом считается российское право.

Лицо, не являющееся на основе личного закона процессуально дееспособным, может быть на территории РФ признано

процессуально дееспособным, если оно в соответствии с российским правом обладает процессуальной дееспособностью (ст. ст. 398, 399 ГПК РФ).

Особенностью ГПК РФ является введение правил о процессуальной правоспособности иностранной организации и международной организации. Согласно этим правилам, личным законом иностранной организации считается право страны, в которой организация учреждена. На основе личного закона иностранной организации определяется ее процессуальная правоспособность.

Иностранная организация, не обладающая в соответствии с личным законом процессуальной правоспособностью, может быть на территории РФ признана правоспособной в соответствии с российским правом.

Процессуальная правоспособность международной организации устанавливается на основе международного договора, в соответствии с которым она создана, ее учредительных документов или соглашения с компетентным органом РФ.

Иностранный инвестор может вести дела в суде лично или через представителя. В силу того, что в российском праве нет института обязательного судебного представительства, представителями иностранных инвесторов в суде могут быть любые российские или зарубежные граждане, которые имеют надлежащим образом оформленную доверенность.

Действующим российским законодательством возможность участия в рассмотрении споров в судах в качестве представителей иностранных адвокатов в определенной степени ограничена Федеральным законом от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Во-первых, выступать в суде может не любой адвокат иностранного государства, а только тот, который зарегистрирован в специальном реестре.

Во-вторых, такие адвокаты не допускаются к оказанию юридической помощи на территории РФ по вопросам, связанным с государственной тайной РФ.

В-третьих, адвокаты иностранных государств могут оказывать юридическую помощь на территории РФ по вопросам права данного иностранного государства (п. 5 ст. 2 Закона). Последнее правило следует толковать ограничительно, поскольку в соответствии с международной деловой практикой нельзя запретить представительствам или филиалам иностранных адвокатских фирм в России давать консультации иностранным лицам по вопросам российского права при подготовке ими проектов контрактов с российскими организациями или же при подготовке заключений по российскому праву для представления в суды или в международные коммерческие арбитражные суды.

Иностранные адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность на территории РФ, регистрируются федеральным органом исполнительной власти в области юстиции в специальном реестре. Без регистрации в указанном реестре осуществление адвокатской деятельности адвокатами иностранных государств на территории РФ запрещается.

Что же касается адвокатской деятельности российских адвокатов в иностранных государствах, Закон об адвокатуре 2002 г. предусматривает для них возможность представлять интересы доверителя в органах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами международных судебных органов и иных международных организаций или международными договорами Российской Федерации.

В некоторых государствах иностранные адвокаты допускаются к участию в судебном процессе. В частности, в США в одном из решений Верховного суда было признано противоречащим Конституции требование наличия американского гражданства как условия для допуска адвоката в качестве представителя стороны в суде.

В ряде штатов США для принятия в адвокатскую корпорацию требуется только сдача определенного экзамена, к которому допускаются лица, получившие юридическое образование в США или в ином государстве англо-американской системы права (системы общего права – common law).

В рамках ЕС были приняты три директивы, направленные на обеспечение возможности для адвокатов стран ЕС выступать в судах всех государств-членов. В ФРГ, например, для реализации этих трех директив в 2000 г. был принят Закон о деятельности европейских адвокатов в Германии.

Практика показала, что даже при отсутствии запретов или ограничений ведение дел по защите имущественных интересов российских лиц, в том числе и российского государства, целесообразно поручать адвокатам страны суда, в котором такое дело рассматривается.

Любой адвокат любой страны может быть представителем стороны при рассмотрении дел в третейских судах (арбитражах). Например, в МКАС стороны могут вести дела непосредственно или через должным образом уполномоченных представителей, назначаемых сторонами по своему усмотрению, в том числе из числа иностранных граждан и организаций.

В качестве представителей иностранных инвесторов могут выступать консулы. В соответствии с правилами ряда консульских конвенций, заключенных с иностранными государствами, консул в силу своего официального положения может представлять граждан страны, его назначившей, как перед судами, так и перед другими органами власти консульского округа.

Согласно Консульской конвенции с США консул имеет право «представлять интересы гражданина представляемого государства в отношении имущества, находящегося в государстве пребывания, при условии, что такой гражданин не представлен иным образом, при условии, однако, что никто при этом не уполномочивает консульское должностное лицо действовать в качестве адвока-

та» (ст. 10) (Иванов 2009: 74).

Для признания полномочий консула доверенности представляемого не требуется. Такое правило содержится в консульских конвенциях, заключенных с Болгарией, Вьетнамом, Польшей, Румынией, КНР, КНДР, Австрией, ФРГ и другими странами.

Консульские конвенции, заключенные с США, Великобританией, Японией, Швецией, Италией, предусматривают в общей форме право консулов оказывать своим гражданам юридическую помощь и содействие.

Существует множество норм международных актов, содержащихся в многосторонних и двусторонних международных договорах, конвенциях, договорах, заключаемых в каждом конкретном случае, которые регулируют вопросы инвестиционных отношений, например, таких документах, как: Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (Сеул, 11 октября 1985 г.), Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.), Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге. Большую группу международных актов составляют соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений между Россией и другими государствами.

Тем самым в основном создана нормативная база деятельности инвесторов. Осуществление инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации, полученный правоприменительный опыт выявили многочисленные недостатки, проблемы в инвестиционном законодательстве РФ. Несовершенство нормативной базы, отсутствие единого доктринального и законодательного подхода по вопросам инвестиционных правоотношений являются благодатной почвой для возникновения инвестиционных споров как между самими инвесторами, так и между государством и инвесторами. Поэтому, для того чтобы иметь правовые возможности для защиты прав и законных интересов инвесторов, необходим

надлежащий механизм для решения возникающих споров. Для решения указанных задач исключительно важное значение имеет судебно-арбитражная практика.

Специфика инвестиционного спора обусловлена столкновением при их разрешении частного и публичного права, что создает научный и практический интерес для его исследования. Под инвестиционными спорами в широком смысле понимаются любые споры, связанные с инвестициями. Это могут быть споры экономического, технического, технологического, административного и правового характера между различными субъектами. Причем экономические, технические, технологические и административные споры могут иметь как самостоятельный характер, так и являться составной частью правового спора. В российском законодательстве термин «инвестиционный спор» прямо не используется. Однако данный термин имеет квалифицирующие признаки – особый состав участников споров (инвестор как обязательный участник), специфику предмета (связаны с инвестиционной деятельностью), особый порядок урегулирования.

Таким образом, важнейшим фактором создания благоприятных инвестиционных условий на международной арене следует считать правовую защиту инвесторов. Механизм такой правовой защиты включает в себя эффективную нормативную и судебную систему, призванную обеспечить реализацию прав инвесторов в международных отношениях. Исключительное значение приобретает в этих условиях сложившаяся судебная практика отдельных категорий инвестиционных споров. На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы: все большую и большую актуальность приобретает вопрос законодательного и судебного обеспечения процессуальных прав инвесторов на финансовом рынке, необходимость увеличения числа финансовых инструментов в целях расширения объектов инвестирования и привлечения новых инвесторов, ориентированных на долгосрочные вложения, снижение рисков инвестирования, а также совершенствование нормативно-правовой базы функционирования и регулирования финансового рынка и осуществление контроля и надзора на этом рынке.

Литература

- Алехин Б.И.* Защита инвесторов в США и Канаде // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. № 9.
- Иванов О.М.* Право и экономика: вместе или порознь? // «Банковское право». – 2009. № 6.
- Курдюков Г.И.* Государство в системе международно-правового регулирования. Казань: КГУ, 1979.
- Фархутдинов И.З., Трапезников В.А.* Инвестиционное право: Учебно-практическое пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
- Хоменко А.Б.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности. Инвестиционные споры // «Юрист». – 2007. № 8.

Н.А. Рыбакова

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УСЛОВИЯ ЕЁ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье раскрывается значение самоактуализации для педагога и его профессии, выявляется роль данного явления для современного школьного образования. Самоактуализация определяется как явление, противоположное манипуляторству. Большую часть статьи автор посвящает характеристике субъективных и объективных условий эффективной самоактуализации. При этом акцентируется внимание на том, что приведенные условия должны существовать комплексно. В статье отмечается приоритетная роль субъективных условий, особенно психологической готовности личности к самоактуализации.

Ключевые слова: самоактуализация, личность, индивидуальный потенциал, манипулятор, профессиональная деятельность, педагог, объективные условия, субъективные условия.

N.A. Rybakova

THE TEACHER'S SELF-ACTUALIZATION IN PROFESSIONAL ACTIVITIES AND THE CONDITIONS OF ITS FORMATION

The paper reveals the importance of self-actualization for the teacher and his profession, exposes the role of this phenomenon in the modern school system. Selfactualization is defined as the opposite phenomenon manipulation. Most of the article the author devotes to the characteristics of subjective and objective conditions of effective self-actualization. The focus is on the fact that the above conditions must be integrated. The article notes the priority role of the subjective conditions, especially individual's psychological readiness to self-actualization.

Key words: Self-actualization, personality, individual capacity, manipulator, professional activity, the teacher, the objective conditions and subjective conditions.

Педагогическая деятельность – это деятельность открытая, живая, творческая, требующая от своего субъекта (учителя) постоянного самопознания, саморазвития и самореализации индивидуально-личностного потенциала, то есть – самоактуализации. Только самоактуализирующийся педагог способен эффективно решать задачи, стоящие перед современной школой, воспитывать в детях Личность, сам получать удовлетворение от профессиональной деятельности.

Проблема самоактуализации личности – одна из наиболее сложных, многоаспектных и противоречивых. Несмотря на значительный исследовательский опыт, многие вопросы самоактуализации педагога в профессиональной деятельности еще не решены. Особого внимания, на наш взгляд, требует изучение комплекса условий самоактуализации, способных обеспечить её становление и эффективную реализацию.

К сожалению, действительность современной школы такова, что у многих учителей складывается «манипулятивный» стереотип педагогической деятельности. Его характеризует привычка учителя избегать какой-либо инициативы, самостоятельного и ответственного принятия профессионально-значимых решений, свободного творчества, систематическая защита «авторитетным мнением» и др.

Формированию «манипулятивного» стереотипа способствуют такие свойства учителя, как необоснованное недоверие себе, неадекватная самооценка, принижение собственной роли в образовательном процессе как личности и индивидуальности. «Манипулятивный» стереотип приводит к тому, что для педагога становится комфортным не развиваться самому и не совершенствовать профессиональную деятельность, отторгать вновь осознаваемые стороны собственной личности для сохранения привычного состояния мнимой безопасности и благополучия.

Самоактуализация – явление противоположное манипуляторству. Она выступает как условие реализации тенденций современного школьного образования, связанных с комплексным внедрением идей личностно ориентированного и развивающего обучения, гуманистического подхода к человеку и ценностного отношения к нему.

Результаты нашего исследования позволили рассматривать самоактуализацию как деятельность педагога по переводу его профессионально значимого потенциала в состояние актуальности, которая разворачивается в рамках педагогической деятельности, регулируется ее требованиями и спецификой, обеспечивает ее результативность. С процессуальной стороны самоактуализация выступает как последовательность постановки и достижения учителем целей самопроявления, саморазвития или самореализации конкретной особенности потенциала. Самоактуализация как деятельность характеризуется дихотомичной целенаправленностью (для Себя и для Других), полимотивированностью, осознанностью, управляемостью действий, систематичностью, развитием. Ее механизмом выступает свободный и ответственный выбор действий, способствующий достижению целей самоактуализации.

Исследования ученых показывают, что самоактуализация является важнейшим компонентом личностной и профессиональной зрелости любого человека, в том числе учителя (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалев, А. Маслоу, К. Роджерс и др.).

Самоактуализация педагога, как и любая деятельность, может эффективно осуществляться лишь при наличии определенных субъективных и объективных условий. В данной диаде центральную позицию занимают субъективные условия, которые являются основным источником, инициирующим и обеспечивающим процесс самоактуализации. Вся необходимая совокупность таких условий, на наш взгляд,

воплощается в феномене готовности к самоактуализации, которая предстает как особое психическое состояние учителя, характеризующее его предрасположенностью к её систематической самоорганизации. Готовность включает четыре взаимосвязанных и взаимовлияющих на качественное состояние друг друга направления: психологическое, личностно-психофизиологическое, научно-теоретическое и практическое.

Под психологической готовностью нами понимается личностная направленность педагога на самоактуализацию в профессиональной деятельности, которая выступает в единстве соответствующих потребностно-мотивационных, волевых и эмоциональных составляющих. Это результат глубокого осознания учителем сущности самоактуализации, ее значения для Других и для него самого, ведущего к правильному пониманию целей, осознанию собственных мотивов.

В целом, психологическая готовность характеризуется желанием и стремлением учителя быть самоактуализирующейся личностью и осуществлять профессиональную деятельность на основе самоактуализации. Она отражает состояние мотивации, является главным внутренним источником самоактуализации и центральным компонентом готовности к ней.

Личностно-психофизиологическая готовность учителя к самоактуализации рассматривается нами как обладание педагогом комплексом необходимых для осуществления самоактуализации личностных свойств, обусловленных наличием соответствующих способностей.

Изучив и проанализировав существующий в науке опыт (С.Л. Братченко, Л.Я. Гозман, М.В. Загик, М.В. Кроз, С. Мадди, А. Маслоу, М.Р. Миронова, Р. Мэй, Ф. Перлз, К. Роджерс, Э. Шостром и др.), учитывая особенности профессии учителя, опираясь на критерии необходимости и достаточности, мы установили, что данный вид готовности характеризуется двумя видами качеств: интраперсональными (на-

правленными на себя) и интерперсональными (направленными на Других).

К основным интраперсональным свойствам самоактуализирующейся личности нами отнесены: самооценочность, субъектность, стремление к независимости и свободе, доверие себе, самоуважение, стремление к творчеству [Рыбакова 2011: 72–89]. Кратко охарактеризуем указанные свойства.

Самоценность. Данное свойство означает осознание и принятие учителем собственной личностной ценности и значимости, признание уникальности своей профессиональной индивидуальности, своих способностей, опыта, интересов, стремлений, потребностей и позиций. Самоценность позволяет педагогу рассматривать себя как человека, внутренний мир, духовные запросы, чувства, отношения, индивидуальное своеобразие которого требуют внимания и развития.

Субъектность выступает как осознание и принятие учителем положения о том, что только он сам есть главная энергетическая сила, источник и организатор собственной профессиональной деятельности, несущий ответственность как за результаты своего труда, так и за собственный профессиональный рост. Данное качество направляет педагога на выбор наиболее оптимальных и эффективных путей осуществления профессиональной деятельности в опоре на собственную индивидуальность, обеспечение ее развития и реализации.

Стремление к независимости и свободе. Учитель как самоактуализирующаяся личность должен не только признавать за собой право на независимость собственных личностных ценностей, их свободное формирование и выражение, но и активно стремиться к этому. Данное свойство личности помогает педагогу избегать бездумного принятия «чужого, но авторитетного» мнения без его глубокого анализа и сопоставления с собственной системой представлений, ценностей и способностей.

Доверие себе. Для манипулятора характерно постоянное обращение к мнению, позиции, решению Другого, который считается авторитетом, в ущерб принятия решений самостоятельных. Зачастую этот вид психологической защиты идет от недоверия самому себе как профессионалу, личности. Это «свое» манипулятор необоснованно считает менее интересным, менее значимым, менее достойным, менее профессиональным. То есть он фактически блокирует собственное творческое Я, пользуясь чужими достижениями, несмотря на то, что опыт Другого в его индивидуально-личностных условиях может и «не работать». Без доверия себе, обоснованного самоосознанием и адекватной самооценкой, самоактуализация невозможна в принципе.

Самоуважение. Уважающий себя педагог не может позволить себе делать свое дело не качественно, формально, дилетантски. Именно самоуважение, связанное с ощущением собственного достоинства, препятствует проявлению в общении с Другими бескультурья, высокомерия, неуважения, выпячивания собственного Я, а также неадекватности и непродуманности действий. Самоуважение – главный источник самоконтроля и саморегулирования.

Стремление к творчеству. Данное качество характеризует стремление педагога к принятию и использованию оригинальных и необычных решений, интерес к новому педагогическому опыту, желание его познать и применить, стремление разрабатывать что-либо свое в опоре на собственный профессионально-значимый потенциал.

Считаем необходимым подчеркнуть, что одной из важнейших характеристик полноценной и позитивной самоактуализации является *адекватность*. Это означает, что свойства личностно-психофизиологической готовности должны сочетаться с профессионализмом учителя и их адекватной самооценкой со стороны педагога.

Интерперсональные свойства личности во многом схожи с интраперсональными, однако характеризуют отношение учителя к Другому (ученику, коллеге). Они выступают как признание, принятие личностной и индивидуальной ценности этого Другого, его субъектности, стремления к независимости и свободе, уважительное отношение к нему, доверие его духовным и творческим силам. Развитые интерперсональные качества позволяют педагогу гармонизовать взаимоотношения между своим «Я» и «Я» Другого, создавать условия не только для собственной, но и его самоактуализации.

Важное значение для самоактуализирующейся личности имеет научно-теоретический и практический компоненты готовности.

Научно-теоретическая готовность характеризуется необходимым и достаточным объемом знаний о самоактуализации и основах ее практической реализации. Она есть источник важной для учителя информации о сущности самоактуализации, её значении для него и его профессиональной деятельности, о предмете, содержании, процессе самоактуализации, ее условиях, принципах, технологиях, методиках, отдельных способах реализации и др.

Практическая готовность предполагает сформированность у педагога определенной совокупности умений действовать в соответствии с имеющимися знаниями, главное же – владение соответствующими нормативными технологиями и индивидуальными способами самоактуализации в профессиональной деятельности.

Считаем целесообразным акцентировать внимание на том, что обязательным и очень важным условием готовности к самоактуализации является достаточный уровень готовности учителя к профессиональной деятельности в целом.

Наличие развитых субъективных условий – определяющий фактор эффективности самоактуализации. Вместе с тем следует учитывать и то, что способствуют

активизации педагога к самоактуализации объективные активизирующие условия.

В частности, И.Ф. Исаев считает, что для самореализации педагога необходима, помимо субъективных условий, соответствующая стимулирующая среда, то есть определенные объективные условия. К ним, помимо прочего, автор относит положительный эмоциональный психологический климат в коллективе и материально-техническую оснащенность [Исаев 2002: 43].

Представители гуманистической философии и психологии высказывают идею о том, что для максимально эффективной самоактуализации необходимо доброжелательное, сочувственное отношение окружающих (К. Роджерс).

Б.С. Гершунский обоснованно считает, что личность сможет стать способной к полноценной самореализации только на основе эффективного образования [Гершунский 2003: 6].

Опираясь на мнения ученых, аналогичных указанным, на результаты нашего исследования, мы выделили круг, на наш взгляд, наиболее значимых объективных условий самоактуализации, способствующих активизации данной деятельности.

Объективные условия мы связываем с двумя взаимосвязанными аспектами: 1) стимулирующая профессиональная среда; 2) организация специальной подготовки к самоактуализации в системе непрерывного образования.

Стимулирующая профессиональная среда предстает как совокупность следующих компонентов: поощряемость и одобряемость самоактуализации в профессиональной среде, благоприятная психологическая атмосфера в коллективе, методическое и материально-техническое обеспечение.

Поощряемость и одобряемость самоактуализации в профессиональной среде. Становление самоактуализации требует со стороны учителя значительных усилий. Поэтому для него важно, чтобы его труд был значим и небезразличен для руковод-

ства. Усилия педагога должны приветствоваться, быть востребованы, поддержаны, по достоинству оценены и отмечены.

В настоящее время на государственном уровне данные позиции не только декларируются, но и предпринимается комплекс мер по их практической реализации. В целом они направлены на стимулирование творчества, профессионального роста, самореализации учителей всех специальностей.

Благоприятная психологическая атмосфера в коллективе. В своей профессиональной деятельности и самоактуализации учитель нуждается в признании и принятии членами коллектива его ценности, субъектности, стремления к независимости и свободе, в уважительном и доброжелательном отношении, в доверии его духовным и творческим силам. Все это обосновывает необходимость взаимодействия всех субъектов коллектива на правилах общения самоактуализирующихся личностей. Создание психологически благоприятной атмосферы – дело не только администрации школы, но и каждого отдельного педагога. Учитель должен реализовать при общении с коллегами в равной степени как свои интраперсональные, так и интерперсональные свойства.

Методическое и материально-техническое обеспечение. Для самоактуализации педагогу необходима, во-первых, методическая помощь для систематического и эффективного комплексного осуществления самопреобразования, преобразования профессиональной деятельности и личности ученика. То есть консультативная помощь более квалифицированных и опытных специалистов, широкая и доступная база методических кабинетов, располагающих литературой для профессионального саморазвития педагога. Поскольку один из видов самоактуализации – самореализация, которая непосредственно связана с организацией учителем образовательного процесса, педагог должен иметь возможность широкого выбора не только

методов и приемов работы, но и оборудования кабинета, разнообразных технических средств и пр.

В практике образования самоактуализация осуществляется главным образом импровизационно, под воздействием сильной врожденной потребности, которая подготавливается опытом работы педагога, развитыми творческими способностями и т.п. Вместе с тем эффективная самоактуализация еще не массовое явление. Отсюда следует, что большинству учителей необходима действенная помощь в становлении его самоактуализации, то есть – *специальная подготовка* в системе непрерывного

профессионального образования.

Итак, эффективная самоактуализация педагога в профессиональной деятельности требует наличия комплекса определенных условий, которые выступают в единстве субъективного и объективного аспектов. Субъективные условия – это всесторонняя готовность педагога к самоактуализации: психологическая, личностно-психофизиологическая, научно-теоретическая, практическая. Именно субъективным условиям отводится приоритетная роль. Однако их становление и эффективное функционирование в высокой степени детерминируется условиями объективными.

Литература

Гершунский Б.С. Концепция самореализации личности в системе обоснования ценностей и целей образования [Текст]// Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 3–7.

Педагогика [Текст]: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.

Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию [Текст] / К. Роджерс. – М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – 414 с.

Рыбакова Н.А. Художественно-творческая самоактуализация учителя музыки: теоретический аспект: [Текст]: монография / Н.А. Рыбакова: Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2011. – 153с.

**Межвузовский научно-практический
Круглый стол
«Электронный учебник как инструмент преподавания гуманитарных наук»
15 июня 2012 года**

15-го июня 2012 года в Негосударственном образовательном учреждении высшего профессионального образования состоялся **Межвузовский научно-практический Круглый стол «Электронный учебник как инструмент преподавания гуманитарных наук»**, организованный совместно сектором науки НОУ ВПО «МИЛ» и Институтом гуманитарных наук МГПУ и лабораторией модернизации гуманитарного образования в мегаполисе НИИСО МГПУ.

Участников Круглого стола приветствовала проректор по научной работе НОУ ВПО «МИЛ» **Алла Викторовна Кирилина**, отметившая ценность и важность совместной работы ведущих московских и российских вузов в ходе обсуждения выбранной, чрезвычайно актуальной для высшего и среднего образования темы, решение которой возможно лишь в ходе открытого диалога.

Формат Круглого стола позволил в полной мере высказаться и ответить на возникшие вопросы основным докладчикам, а также провести обмен мнениями и накопленным опытом в ходе развернувшейся дискуссии.

Слово для первого доклада на тему *«Учебник истории – традиционная или электронная форма?»* было предоставлено директору Института гуманитарных наук МГПУ кандидату исторических наук профессору **Виктору Васильевичу Кириллову**. Докладчик отметил существующую в современной системе образования «двойственность» в виде использования наряду с традиционными бумажными носителями (учебниками) их электронных оригинал-макетов. Последние не могут считаться в полной мере «электронными учебниками», поскольку не выполняют своих основных функций: они выступают как единый «мо-

нологический объём», исключая либо не включающий учебно-методические рекомендации и самостоятельную работу. Участникам Круглого стола был представлен действующий дополненный вариант учебника истории, состоящий из 117 мультимедийных блоков, объединённых в 23 учебных модуля. Каждая часть электронного конструкта содержит обучающие лекционные блоки, контрольные вопросы, глоссарий, персоналии, исторические карты, схемы и таблицы, позволяющие самостоятельное решение поставленных задач, собственно, как студенту, так и преподавателю курса.

Со своим коллегой согласился главный редактор журнала «Русская словесность», заведующий кафедрой русской словесности и музейной педагогики МИОО **Александр Иосифович Княжицкий**. Его доклад «*Электронный учебник по литературе. Возможно ли это?*» особо отмечал необходимость различения так называемых «учебников на электронных носителях» и собственно «электронных учебников», основной особенностью которых остаётся выстраивание диалога с пользователем. Дополнительными аспектами для обсуждения могли бы стать вопросы удобства/неудоб-

ства использования дополнительного справочного материала, однако не следует забывать и о всё возрастающей роли личностной интерпретации, индивидуальном осмыслении художественного произведения в литературе. Существующие нормативные учебники, как правило, навязывают читателю определённую точку зрения, а современный государственный заказ в форме ЕГЭ нацелен на подготовку специалистов, умеющих отвечать на поставленные вопросы, умение же самостоятельно их формулировать не развивается. При этом «электронный учебник» не должен восприниматься как самоучитель, поскольку в современном процессе обучения и образования по-прежнему необходим учитель, лицо, оценивающее работу ученика. В заключение докладчик обратил внимание собравшихся на запуск пилотного проекта для школьников, основанного на разработанных автором рабочих тетрадях. А.В. Кирилина предложила распространить апробацию предложенного материала и на студенческую среду.

Кандидат исторических наук доцент кафедры отечественной истории МГПУ **Игорь Львович Андреев**, долгое время трудившийся на ниве издания учебников и

учебных пособий в качестве заместителя директора издательства «Дрофа» в докладе *«Электронное приложение к учебникам высшей школы как новый тип работы преподавателя и студента»* указал на необходимость совместной и согласной работы технических служб и авторов курсов при создании конечного качественного продукта. Чрезвычайно важными в этой связи становятся аспекты создания и моделирования действующей электронной оболочки, определение её стоимости и тиражирование в ситуации перехода высшей школы на двухступенчатую систему (бакалавриат, магистратура) с ограниченным количеством отведённых для обучения академических часов, а также вопросы авторских прав и гонораров. Необходимо постоянное продвижение итогового продукта, в том числе, на стадии его создания путём активного рекламирования при полном отсутствии в современной образовательной среде единого сводного каталога обо всех опубликованных на данном направлении материалов. Автор выразил озабоченность и обеспокоенность по поводу данной ситуации и выступил с предложением создать сайт при Департаменте образования г. Москвы и Минобрнауки с информацией об авторах, вышедших печат-

ных и электронных материалах, с краткими рецензиями и комментариями специалистов и пользователей. Докладчик напомнил, что иллюстративный материал активно участвует в формировании массового исторического сознания. При этом бумажный носитель, предположительно, не умрёт, а будет дополнен электронным вариантом. В этой связи для дальнейшего обсуждения были сформулированы следующие тезисы:

1. Возможности создания базового сетевого учебника с неограниченным объёмом.
2. Включение в «электронный учебник» методических рекомендаций, инструкций – как для обычных пользователей, так и для специалистов.
3. Создание настоящего интерактивного сопровождения с учётом современного визуального восприятия молодёжи.
4. Расширение контрольно-измерительного сопровождения.
5. Создание избыточности представленного материала для возможности выбора при решении поставленных задач.
6. Постоянное обновление представленного материала.

Доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе НОУ ВПО «МИЛ» и заведующая лабораторией модер-

низации гуманитарного образования в мегаполисе НИИСО МГПУ Алла Викторовна Кирилина предложила несколько расширить заявленную тему Круглого стола. «*Научная и педагогическая коммуникация в эпоху смены технологий*» непосредственным образом влияют на понимание современной типологии «электронного учебника». Условно можно выделить три основных типа «электронных учебников»: 1) современный аналог существующего учебника на электронном носителе (сканирование бумажного варианта); 2) идеальный вариант, учитывающий соблюдение общедидактических принципов и реализующий всю полноту возможностей новой интернет-коммуникации (набор инструкций и аспекты контроля); 3. и различные промежуточные формы, складывающиеся, как правило, стихийно и представляющие собой отражение повседневного преподавательского опыта.

В ходе приближения к идеальному варианту необходим отход от буквальной замены текста его электронным вариантом и переход к акцентуации самостоятельной работы с носителем информации. Это возможно при составлении задач, направленных на расширение контроля усвоенного материала: реферирование научной литературы,

создание электронных презентаций по предложенной проблематике, выполнение проектных работ. Дополнительно следует также обсудить вопросы разработки стандартов и системы экспертных оценок «электронных учебников», расширения и облегчения доступа к информации (на рабочем месте) и постоянного обновления материалов с учётом изменения современных коммуникативных норм.

После основных докладов завязалась оживлённая дискуссия. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века МГПУ и главный научный сотрудник лаборатории модернизации гуманитарного образования в мегаполисе НИИСО МГПУ Альфия Исламовна Смирнова отметила необходимость активного обсуждения всех заявленных тезисов, особо выделив роль личности – создателя учебного пособия или учебника. Заведующая кафедрой истории и культурологии ФГБОУ ВПО Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» Марина Ивановна Смирнова и её коллега Лилия Николаевна Демидионова представили собравшимся презентацию «Электронные образовательные ресурсы: проблема применения», составленную с

учётом перехода на новый образовательный стандарт и дальнейшим сокращением часов на изучение курса «Отечественная история». Предложенный электронный корпус состоял из четырёх содержательных частей, каждая из которых была разбита на 18 лекционных блоков. Каждый блок включал в себя введение, основные цели, содержание, иллюстративный материал, схемы, литературу, контрольный тест. Электронный вариант включён во внутривузовскую электронную систему «Прометей», что наряду с семинарскими занятиями, подготовкой презентаций и т.д. позволяет решать образовательные задачи. Марина Ивановна также обратила внимание на проблемы наполнения и дальнейшего развития «электронных учебников». Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории модернизации гуманитарного образования в мегаполисе **Геннадий Геннадьевич Слышкин** поставил, в свою очередь, вопрос о необходимости уточне-

ния базового термина – «электронный учебник», с целью выявления его доминантных признаков. Сотрудница лаборатории модернизации гуманитарного образования в мегаполисе МГПУ **Галина Васильевна Погорелая** продемонстрировала участникам Круглого стола разработку электронного учебного пособия «О любимом крае на английском языке» из цикла региональных учебников и пособий по английскому языку по Хабаровскому краю.

По окончании дискуссии проректор по научной работе НОУ ВПО «МИЛ» **Алла Викторовна Кирилина** подвела итоги, выразив искреннюю благодарность её участникам, докладчикам и преподавателям московских и российских вузов, организаторам мероприятия, и зачитала проект резолюции Межвузовского научно-практического Круглого стола «Электронный учебник как инструмент преподавания гуманитарных наук». После краткого обсуждения резолюция была единогласно принята.

**Резолюция
межвузовского научно-практического
Круглого стола**

***«Электронный учебник как инструмент
преподавания гуманитарных наук»***

15 июня 2012 г.

Участники круглого стола, заслушав доклады и обменявшись мнениями, постановили:

1. Признать проблему создания электронных учебных материалов – учебников, учебных пособий, инструкций, презентаций и под. – актуальной научно-методической задачей современного гуманитарного образования.
2. Организовать постоянно действующий семинар «Электронные учебники», проводимый не реже двух раз в семестр, и создать сайт семинара.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Марина Леонидовна, аспирант кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета института иностранных языков, преподаватель китайского языка кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского института лингвистики, e-mail: alexandrova.m@bk.ru

Багрова Алевтина Яковлевна, кандидат педагогических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Веселкова Евгения Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики, e-mail: decemvee@mail.ru

Елистратов Владимир Станиславович, доктор культурологии, профессор факультета иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: gacherk@mail.ru

Есимханова Нагима, кандидат педагогических наук, старший преподаватель ЮКГУ им. М. Ауезова, Республика Казахстан, г. Шымкент, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Казарин Владимир Павлович, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, e-mail: crch@mail.ru

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН, директор Центра русского языка МГЛУ, доктор филологических наук, профессор, e-mail: gacherk@mail.ru

Летяйкина Татьяна Адыгамовна, магистр педагогических наук, кафедра иностранной филологии Академии языков Казахстанского университета Дружбы Народов, e-mail: letyat@gmail.com

Никоноров Сергей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: nico.73@mail.ru

Остапенко Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. e-mail: i_ostapenko@mail.ru

Палкин Алексей Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Московского педагогического государственного университета, e-mail: p-alexis@yandex.ru.

Плюснина А.В. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, e-mail: mandrukevi4@gmail.com

Попова Г.Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Раскина Елена Юрьевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики, e-mail: eur1359@mail.ru

Ружицкий Игорь Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: gacherk@mail.ru

Рыбакова Надежда Алексеевна, доктор педагогических наук, зав. кафедрой общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики, e-mail: 779169@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МИЛ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: akirilina@inyaz-mil.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- название вуза полностью и города (курсивом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принима-

ются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).